This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

B70887

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Vol. 2
.S11S
OP 8481
C

Digitized by Google

Digitized by Google

This "O-P Book" is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

Digitized by Google

Digitized by Google

Zelinskiĭ, V.A.

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть вторая.

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

YLIOP... VENÄLÄINEN

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Типо-Литографія Правд. Поставщ. Д. В. Троицкаго, В. Дмитровка, д. Чуксина.

1904.

Digitized by Google

PG3410
Z3
1897a
v.2

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Оглавленіе второй части.

Критика шестидесятыхъ годовъ.

1862-й годъ.

Стр.

„Явленія современной литературы, пропущенныя нашей критикой. Графъ Л. Толстой и его сочиненія. Статья вторая". Статья Ап. Григорьева 1

1863-й годъ.

Разборы повѣсти „Казаки".

Е. Эдельсона. 32
Я. Полонскаго 58
П. Анненкова 66
Евгенія Туръ (граф. Салiасъ де Турнемиръ) . . . 88
Изъ „Современника" 109
— „Сѣверной Пчелы" 131

„Ясная Поляна".

Критическія статьи:

Изъ „Современника" 139
— „Времени". Статья Игдѣева (И. Г. Долгомостьева) 159

1864-й годъ.

„Дѣтство, отрочество и юность".

Критическая статья Д. И. Писарева. 178

1865-й годъ.

„К а з а к и."

Критическія статьи:

Е. Маркова 210
Д. И. Писарева 239
Изъ „Книжнаго Вѣстника". 243

„Сочиненія гр. Л. Н. Толстого."

Статья А. Пятковскаго 245
Замѣтка изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 253

Digitized by Google

Digitized by Google

Алфавитный указатель

страницъ, на которыхъ упоминаются имена и предметы, относящіеся къ литературѣ.

Аксаковъ И. С. 31.
„Альбертъ". 1, 2, 19, 30.
„Американскія Степи". 215.
Аншенковъ П. 66, 87.
Ауэрбахъ. 215.
Байронъ. 3, 25, 132.
„Барышня-крестьянка". 8.
„Библіотека для Чтенія". 32.
Бокль. 150, 163, 168, 169, 171, 173, 174, 175.
„Бѣдная Невѣста". 20.
Бѣлинскій. 25, 64.
Бюхнеръ. 168.
Вагнеръ Р. 169.
„Военные Разсказы". 2, 29.
„Воспитаніе и Образованіе" 143, 160, 163.
„Время". 1, 8, 58, 159, 173, 178.
„Встрѣча въ отрядѣ". 2, 29, 30.
„Выстрѣлъ". 26.
„Гаврило Михайловъ". 188.
„Герой нашего времени". 132.
Гете. 7, 5.
Гоголь. 4, 5, 6, 7, 8, 25, 58.
Гончаровъ. 4, 5, 6, 17, 20, 30, 138.
Гофманъ. 26.
Григоровичъ. 138.
Григорьевъ Ап. 1, 31, 244, 245.
„Гробовщикъ". 8.
Грубе. 166.
Дарвинъ. 168, 169, 241.
„Два Гусара". 2, 29, 30.
„День". 31, 141, 160.
Диккенсъ. 226.
Добролюбовъ. 170.
Достоевскій. 7. 18, 31, 159.
Дружининъ А. В. 138.
„Дубровскій". 8, 31.
„Дѣтство". 2, 3, 4, 18, 27, 28, 43, 67, 178, 210, 243, 244, 245, 246, 253.
„Евгеній Онѣгинъ". 10, 142.
Жоржъ Зандъ. 233.
„Записки Маркера". 2, 4, 19, 31, 246.
„Идеалы". 200.
„Иллюстрація". 178.

Digitized by Google

„Кавказскіе Очерки". 244, 246.
„Кавказскій Плѣнникъ". 224, 252.
„Казаки". 32, 43, 57, 58, 60, 66, 76, 88, 101, 109, 112, 113, 114, 131, 135, 138, 139, 178, 210, 232, 235, 238, 244, 247, 251.
Канова. 238.
Кантъ. 166.
„Капитанская Дочка". 7, 31.
„Капризъ". 12.
Кирѣевскій. 141, 159.
„Книжный Вѣстникъ". 243, 245.
Кольцовъ. 7, 24, 25, 31.
Костомаровъ. 162.
Костровъ. 24.
Кохановская. 41, 87, 138.
Крестовскій, Вс. 245.
Куперъ. 211.
Лермонтовъ. 3, 9, 15, 17, 19, 21, 24, 25, 70, 132.
Либихъ. 241.
„Лѣтопись села Горохина". 16.
Льюисъ. 150, 168, 169, 170, 171.
„Люцерн". 1, 2, 4, 6, 19, 30, 31, 68, 200, 244, 247.
Марко-Вовчокъ. 35, 219, 220.
Марковъ Е. 210, 217, 223, 233, 236, 238, 239, 241, 242, 243.
Марлинскій. 18, 30, 132.
„Маякъ". 26.
„Мертвый Домъ". 6, 18, 31.
„Метель". 2, 8, 9, 29, 34.
Милль. 168, 169.
Милоновъ. 24.
Молешоттъ. 150, 162, 168, 171.
Мольеръ. 26.
Моцартъ. 7.
Мочаловъ. 24.
„Мцыри". 70.
„Набѣгъ". 244, 246.
Некрасовъ. 7, 31, 138.
„Обломовъ". 133.
„Онѣгинъ". 25, 26.
Островскій. 7, 15, 18, 21, 23, 24, 31, 33, 34, 35, 38, 39, 138.
„Отечественныя Записки". 24, 88, 210, 238, 239.
„Отрочество". 2, 3, 18, 27, 28, 29, 43, 67, 178, 243, 244, 245, 246, 247, 253.
Оуэнъ. 130, 168.
„Очерки военныхъ дѣйствій". 131.
„Очерки Прошлаго". 8.
Панаевъ. 138.
Песталоцци. 146, 165, 166, 244.
„Петербургскія Вѣдомости". 66, 76, 253.
Печерскій. 138.
„Пиковая Дама". 26, 28.
Пироговъ. 170.
Писаревъ. 178, 210, 239, 243, 245.
Писемскій. 4, 5, 6, 9, 15, 17, 21, 22, 30.
Погодинъ М. П. 141, 160.
„Подводный Камень". 210.
Полежаевъ. 24.

Digitized by Google

„Поликушка". 131, 139, 246.
Полонскій Я. 58, 66, 134.
„Промахи незрѣлой мысли". 178.
Пушкинъ. 3, 4, 6, 7, 9, 12, 15, 17, 18, 21, 24, 25, 26, 28, 31, 61, 62, 63, 70, 242.
Пятковскій А. 245, 253.
Рафаэль. 7
„Рубка Лѣса". 15, 131, 138, 244, 246.
„Русалка". 31.
„Русскій Вѣстникъ". 32, 88, 111, 135, 139, 253.
„Русское Слово". 178, 239, 243, 245, 250, 251.
Руссо. 70, 83, 166, 174, 237.
Саліасъ де Турнемиръ, Е. В. См. Евгенія Туръ.
Салтыковъ. 165.
„Севастополь въ августѣ". 138.
„Севастопольскія Воспоминанія". 243, 244, 246.
„Семейное Счастье". 2, 4, 6, 31, 43, 244, 246.
„Сильвіо". 8.
„Современникъ". 109, 131, 138, 139, 140, 142, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 168, 170, 171, 172, 175, 176, 177, 245, 252.
„Солдаткино Житье". 75.
Соллогубъ гр. 28.
„СтанціонныйСмотритель". 8.
„Старые Годы". 138.
Стелловскій. 245, 253.
Страховъ. 170.
„Сѣверная Пчела". 131, 139.
„Три Смерти". 2, 6, 19.
Тургеневъ. 4, 5, 9, 17, 18, 20, 30, 31, 33, 34, 35, 38, 113, 138.
Туръ Евгенія. 28, 88, 97, 106, 109, 211, 213, 238, 239.
„Тысяча восемьсотъ пятый годъ". 243, 253.
Успенскій. 34, 35.
„Утро Помѣщика". 191, 200, 250.
Фребель. 166, 244.
„Цвѣты невиннаго юмора. 210.
„Цыгане". 61, 70.
„Чайльдъ Гарольдъ". 25.
Чужбинскій. 8.
Шекспиръ. 211.
Шеллингъ. 166.
Шиллеръ. 200.
„Шинель". 59.
Щедринъ. 34, 66, 165.
Эдельсонъ Е. 32, 57, 244, 245.
„Юность". 2, 4, 27, 28, 29, 179, 180, 247.
„Ясная Поляна". 31, 69, 74, 75, 111, 113, 139, 140, 143, 146, 153, 158, 159, 160, 162, 165, 238, 245.

Digitized by Google

Digitized by Google

КРИТИКА ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

1862 г.

(Продолженіе).

*) Явленія современной литературы, пропущенныя нашей критикой.

Графъ Л. Толстой и его сочиненія.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ **).

Въ первой статьѣ своей я, опредѣливши общее значеніе дѣятельности графа Л. Толстого, былъ долженъ поневолѣ пуститься въ разысканіе причинъ того страннаго факта, что эта въ высокой степени своеобразная и замѣчательная дѣятельность прошла незамѣченною передъ нашей критикой. Виною тому, какъ старался доказать я, было то, что критика наша перестала быть критикой литературною, т.-е. другими словами говоря, что литература перестала быть для направленій нашей критики полнѣйшимъ выраженіемъ и откровеніемъ жизни. Я намекнулъ уже, что самая дѣятельность замѣчательно-даровитаго писателя разошлась съ требованіями различныхъ болѣе или менѣе теоретическихъ направленій, что самое появленіе нѣкоторыхъ изъ его вещей, каковы, напр., „Альбертъ“ и „Люцернъ“ въ журналѣ теоретиковъ—одинъ изъ странно-вопіющихъ фактовъ для мыслящаго наблюдателя.

*) Ап. Григорьевъ. „Время“ 1862 г., № 9.

**) Первую статью см. „Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого“, ч. I, стр. 117.

Digitized by Google

Но вѣдь ни „Альбертъ, ни „Люцернъ“, ни „Три Смерти“, ни, наконецъ, „Семейное Счастье“ не составляютъ въ дѣятельности самого писателя какого-либо крутого поворота. Эти произведенія—прямое и притомъ не только логическое, но органическое послѣдствіе того же самого психическаго процесса, который раскрывается въ предшествовавшихъ его произведеніяхъ,—завершеніе того же анализа, который такъ поразилъ всѣхъ въ этихъ предшествовавшихъ произведеніяхъ...

Дѣятельность Толстого, какъ она до сихъ поръ обозначалась, можно раздѣлить собственно на три категоріи: 1) чисто аналитическія произведенія, каковы „Дѣтство“ и „Отрочество“, „Юность“; 2) художественные этюды, свидѣтельствующіе о необыкновенной силѣ и особенности таланта, но имѣющіе совсѣмъ характеръ этюдовъ, характеръ чисто внѣшній, каковы „Метель“ и „Два Гусара“, и 3) на результаты анализа, болѣе или менѣе удачные и полные, въ которыхъ художникъ стремится уже къ созданію самостоятельныхъ типовъ, къ воплощенію въ образы того, что добыто имъ посредствомъ анализа. Это или попытки, хотя и удивительныя, но нѣсколько голыя, догматическія, каковы: „Записки Маркера“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три Смерти“; или совершенно органическія, живыя созданія: „Военные Разсказы“ и „Семейное Счастіе“. Разумѣется, такое раздѣленіе справедливо только по отношенію къ общему характеру этихъ произведеній. Элементъ органическій, элементъ художественнаго творчества присутствуетъ, и притомъ присутствуетъ въ замѣчательной степени въ произведеніяхъ совершенно аналитическихъ; элементы анализа, и притомъ самаго смѣлаго, входятъ и въ этюды, ибо вся дѣятельность Толстого, вмѣстѣ взятая, есть живая, органическая дѣятельность. Раздѣленіе принято здѣсь только, какъ руководная нить для разъясненія нравственно-художественнаго процесса.

Толстой, какъ уже сказано было въ первой статьѣ, кинулся прежде всего всѣмъ въ глаза своимъ безпощаднымъ анализомъ. Анализъ поразилъ всѣхъ какъ въ „Дѣтствѣ“ и

Digitized by Google

„Отрочествѣ", такъ и въ самыхъ „Военныхъ Разсказахъ",— первомъ и полномъ художественномъ выраженіи психическаго процесса.

Какого же свойства этотъ анализъ? съ чего онъ начинается, какъ выражается, куда ведетъ и чѣмъ онъ различенъ отъ анализа другихъ художниковъ-аналитиковъ? Вотъ вопросы, которые должна поставить себѣ для разрѣшенія критика.

У художника, если онъ дѣйствительно художникъ, анализъ не можетъ быть голый: онъ облекается непремѣнно въ поэтическіе образы, онъ приковывается даже иногда къ одному образу, преслѣдующему художника во все продолженіе его дѣятельности и видоизмѣняющемуся сообразно съ ея различными фазисами. Иногда этотъ образъ, этотъ нравственный идеалъ самого художника, раздвояется, какъ, напримѣръ, у Пушкина—на Онѣгина и Ленскаго, у Лермонтова—на Арбенина и Звѣздича, на Печорина и Грушницкаго. Раздвоеніе образа есть, конечно, всегда признакъ движенія впередъ самого художника, становящагося въ критическое отношеніе къ преслѣдующему его образу, и результатами своими оно, это раздѣленіе, гораздо богаче мрачно-сосредоточенной односторонности, которая могла вполнѣ узакониться, можетъ быть, только разъ, въ лицѣ Байрона,—да и у того типъ нѣсколько двоится, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ краскамъ—на Гарольда и Донъ-Жуана.

Во всякомъ случаѣ у самыхъ объективныхъ, равно какъ у самыхъ субъективныхъ художниковъ, можно доискаться одного главнаго, преслѣдующаго ихъ образа. Чѣмъ художникъ по натурѣ шире, тѣмъ шире и его идеалъ, его любимый образъ, тѣмъ онъ народнѣе; но что нравственная жизнь художника воплощается въ извѣстномъ, видоизмѣняющемся и часто двоящемся образѣ, — это не подлежитъ сомнѣнію.

У Толстого точно также есть этотъ преслѣдующій его образъ, къ которому приковался его анализъ, то лицо, отъ имени котораго разсказываетъ онъ „Дѣтство", „Отрочество"

Digitized by Google

и „Юность" и которое въ „Семейномъ Счастьѣ" мѣняетъ только полъ и является женщиной. Образъ этотъ раздвояется—но раздвояется только внѣшне—въ „Запискахъ Маркера", въ „Люцернѣ", являясь княземъ Нехлюдовымъ и представляя только крайнія, послѣднія грани того анализа, который отличаетъ героя „Дѣтства, отрочества и юности" отъ другихъ современныхъ героевъ... Онъ и Нехлюдовъ—вовсе не то, что Онѣгинъ и Ленскій, что съ другой стороны Пушкинъ—лирикъ и Пушкинъ—Бѣлкинъ; не то, что Арбенинъ и Звѣздичъ, изъ сліянія которыхъ является Печоринъ, и не то, что Печоринъ и Грушницкій, т.-е. идеалъ и пародія. Нехлюдовъ—крайняя грань цѣльнаго психическаго процесса, и мало того,—жизненное послѣдствіе той особенной обстановки такъ называемаго аристократическаго мірка, въ которой онъ заключенъ какъ въ раковинѣ и изъ которой выбивается, очевидно, герой „Дѣтства, отрочества и юности"... Во всякомъ случаѣ психическій процессъ не раздвояется, а только доходитъ до своихъ крайнихъ граней...

Предполагая, что всѣ читатели знакомы съ произведеніями Толстого, по крайней-мѣрѣ, съ главными изъ нихъ (ибо читатели вовсе незнакомые съ ними, по всей вѣроятности, не станутъ читать моей статьи), я не буду приводить выписокъ и ограничусь, какъ всегда, только указаніями.

Основная черта, поразившая всѣхъ въ психическомъ процессѣ, раскрывавшемся въ произведеніяхъ Толстого, была—повторяю еще разъ—анализъ необыкновенно новый и смѣлый, анализъ такихъ душевныхъ движеній, которыхъ еще никто не анализировалъ. Не „пошлость пошлаго человѣка" обличалъ Толстой, подобно Гоголю; не смѣялся онъ болѣзненнымъ смѣхомъ Гамлета щигровскаго уѣзда надъ несостоятельностію такъ называемаго развитого человѣка, какъ Тургеневъ; не противополагалъ онъ, какъ Писемскій, здоровый, хотя и грубоватый, хотя и нѣсколько низменный взглядъ на жизнь мишурно сдѣланныхъ, заказныхъ или подогрѣтыхъ чувствованій; не относился, какъ Гончаровъ, къ идеализму во имя узкой практичности, къ праздной

Digitized by Google

мысли во имя узкаго и условнаго дѣла, — но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось всѣми, что у него есть что-то общее со всѣми исчисленными стремленіями, что онъ—разумѣется полусознательно, полубезсознательно, какъ всякій художественный талантъ—разрабатываетъ одну и ту же съ поименованными художниками задачу эпохи. Близкій къ Тургеневу поэтическою нѣжностію чувства и глубокою симпатіею къ природѣ, но діаметрально противоположный ему своей трезвостью взгляда, безпощадною ко всѣмъ мало-мальски необыденнымъ ощущеніямъ, своей враждой ко всякой фальши, какъ бы она ни была блестяща,—онъ этими послѣдними качествами былъ бы всего ближе къ Писемскому, если бы этотъ реализмъ былъ ему *прирожденъ*, а не *порожденъ* анализомъ. Своимъ внѣшнимъ, враждебно недовѣрчивымъ отношеніемъ къ идеализму, онъ былъ бы сходенъ съ Гончаровымъ, если бы законнымъ образомъ поставилъ себѣ идеальчикъ въ практичности. Съ другой стороны, своей безпощадностью къ пошлости, таящейся не только въ пошломъ, но и во всякомъ человѣкѣ, онъ какъ будто развиваетъ задачи Гоголя, но онъ не плачетъ ни о какомъ разбитомъ кумирѣ, ни о какомъ условно-прекрасномъ человѣкѣ. Общаго у него со всѣми этими задачами эпохи одно: отрицаніе.

Отрицаніе чего?

Да всего наноснаго, напускного въ нашемъ фальшивомъ развитіи. Отрицаніемъ онъ, по происхожденію и воспитанію разъединенный съ почвою, старается, какъ всѣ, дорыться до почвы, до простыхъ основъ, до первоначальныхъ слоевъ. Особенность его въ томъ, что онъ роется глубже всѣхъ другихъ. Онъ не удовлетворяется, какъ Тургеневъ, тѣмъ, чтобы издали благоговѣйно увидѣть почву и поклониться ей въ восторгѣ Моисея, узрѣвшаго обѣтованную землю. Ему (для ясности позволю себѣ сказать примѣромъ) мало того, чтобы почувствовать только черноземную силу въ Уварѣ Иванычѣ,—онъ хотѣлъ бы разгадать и въ самомъ себѣ поднять эту сиднемъ сидящую силу. Онъ не ...жетъ также, смахнувши слои фальшиваго идеализма, при-

Digitized by Google

нять, какъ Гончаровъ, за слои настоящіе—столь же наносные, но гораздо болѣе грязные слои практичности и формализма; онъ не останавливается и на тѣхъ, повидимому, прочныхъ, но въ сущности только загрубѣлыхъ слояхъ, на которыхъ твердою ногою стоитъ Писемскій; онъ такъ же мало способенъ симпатизировать, положимъ, хоть Задоръ-Мановскому или даже Павлу Бешметеву, какъ Ельчанинову и Бахтіарову, также мало тетушкѣ ипохондрика Соломонидѣ, какъ и Дурнопечину... Съ идеалами же на воздухѣ, со всякимъ созиданіемъ сверху, а не снизу, съ тѣмъ, что погубило нравственно и даже физически самого Гоголя, онъ способенъ помириться всего менѣе... Онъ только роется въ глубь, добросовѣстно роется, руководимый своимъ необычайнымъ анализомъ, и еще не дорывшись, кончаетъ пантелстическою скорбію „Люцерна“, скорбію за жизнь и ея идеалы, отчаяніемъ за все сколько-нибудь искусственное и сдѣланное въ душѣ человѣческой, отчаяніемъ очевиднымъ въ „Трехъ Смертяхъ“, изъ которыхъ самою нормальною является смерть дуба, суровою покорностью судьбѣ, не щадящей цвѣта человѣческихъ чувствъ въ „Семейномъ Счастьи“, и затѣмъ—апатіею, безъ сомнѣнія, временною и переходною.

Апатія ждала непремѣнно на срединѣ такого глубоко-искренняго психическаго процесса, но что она не конецъ его,—въ этомъ, вѣроятно, никто изъ вѣрующихъ въ силу таланта вообще и понявшихъ силу таланта Толстого даже и не сомнѣвается. Недавно еще такое явленіе, какъ „Мертвый Домъ“, доказало намъ, что силы не умираютъ, не забываются судьбою, а встаютъ могучѣе послѣ добровольной или принужденной инерціи.

Начала того отрицательнаго процесса, котораго Толстой является вмѣстѣ съ другими представителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ современною жертвою, лежатъ не въ Гоголѣ, а въ Пушкинѣ. Гоголь вмѣстѣ съ другими, хотя и глубже всѣхъ другихъ доводилъ до извѣстныхъ граней задачи, указанныя Пушкинымъ.

Говоря о Толстомъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ яр-

Digitized by Google

чительныхъ представителей нашего отрицательнаго процесса, не минуешь нѣкотораго повторенія того, что уже нѣсколько разъ высказывалъ я о началѣ, объ исходной точкѣ этого процесса.

До сихъ поръ еще только въ цѣльной натурѣ Пушкина, въ ея борьбѣ съ различными тревожившими ее и пережитыми ею идеалами, заключается для насъ слово разгадки нашихъ стремленій.

Есть натуры, предназначенныя на то, чтобы намѣтить заразъ грани процессовъ, набросать полные и цѣльные, хотя только очерками обозначенные идеалы, и такая-то именно натура была у Пушкина. Пушкинъ все наше перечувствовалъ—отъ любви къ загнанной старинѣ до сочувствій къ реформѣ, отъ нашихъ страстныхъ увлеченій блестящими, эгоистически-обаятельными идеалами до смиреннаго служенія Савелья („Капитанская Дочка"), отъ нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды „матери-пустыни", и только смерть помѣшала ему воплотить наши высшія стремленія, весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита, смерть, которая почти всегда уноситъ преждевременно набрасывателей многообъемлющаго и многосодержащаго идеала, которая унесла, напримѣръ, Рафаэля и Моцарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все разметывающееся въ ширину и коренится какъ дубъ односторонняя глубина.

Я говорилъ уже не разъ, что, за исключеніемъ совершенно новыхъ въ литературѣ нашей явленій, имѣющихъ только общеисторическую, преемственную связь съ Пушкинымъ, каковы со всѣми ихъ достоинствами и недостатками Кольцовъ, Островскій, Некрасовъ и Достоевскій,—въ нашей современной литературѣ нѣтъ ничего истинно-замѣчательнаго и правильнаго, что въ своемъ зародышѣ не находилось бы у Пушкина.

Такъ весь отрицательный процессъ нашъ, не исключая даже и самого Гоголя, по прямой линіи ведетъ свое начало отъ взгляда на жизнь Ивана Петровича Бѣлкина. Многимъ господамъ, преимущественно привыкшимъ благоговѣть

Digitized by Google

передъ именами и авторитетами, мысль эта, высказанная въ первый разъ,—и высказанная притомъ ex abrupto, безъ надлежащей ясности, показалась чудовищно-парадоксальною. Но ко всякому чудовищу можно привыкнуть, тѣмъ болѣе что ни за славу Гоголя, ни за славу даже новыхъ литературныхъ корифеевъ нашихъ бояться нечего.

Типъ Ивана Петровича Бѣлкина былъ почти любимымъ типомъ поэта въ послѣднюю эпоху его дѣятельности. Какое же—спрошу я опять, но послѣ многихъ толковъ моихъ во „Времени“ спрошу настоятельнѣе—какое душевное состояніе выразилъ намъ поэтъ въ этомъ типѣ и каково его собственное душевное отношеніе къ этому типу, влѣзая въ кожу котораго, принимая жизненныя воззрѣнія котораго, онъ разсказываетъ намъ множество добродушныхъ исторій, на первый разъ даже не правящихся своимъ добродушіемъ и простотою, но въ сущности таящихъ въ себѣ задачи весьма глубокія?...

Пробовали ли читатели въ лѣта своей зрѣлости перечесть „повѣсти Бѣлкина“, эти повѣсти, которыя въ лѣта пылкой молодости привели ихъ въ негодованіе за упадокъ таланта и силъ пѣвца Алеко и Плѣнника, повѣсти, изъ которыхъ нѣкоторыя казались имъ ужасно пустыми, какъ „Метель“, а нѣкоторые даже водевильными, какъ „Барышня-крестьянка“. Они только въ первой изъ нихъ, въ „Сильвіо“, видѣли отраженіе пушкинскаго генія, именно потому, что здѣсь остался слѣдъ борьбы съ мучительнымъ и тревожнымъ идеаломъ. Въ „Сильвіо“ дѣйствительно одинъ изъ ключей къ уразумѣнію нравственнаго процесса поэта. Но, вѣдь, въ другихъ-то простодушныхъ разсказахъ—если вы перечтете ихъ теперь, когда почти тридцать лѣтъ прошло съ перваго появленія ихъ на свѣтъ Божій—вы найдете en germe, въ зернѣ, и простыя изображенія простой дѣйствительности, непонятно свѣжія до сихъ поръ еще, хотя и сдѣланныя очерками (какъ „Гробовщикъ“), и симпатичность отношеній къ загнаннымъ, „униженнымъ и оскорбленнымъ“ сантиментальнаго натурализма („Станціонный смотритель“), и... мало ли что вы въ нихъ найдете! Можетъ быть, вы даже съ „Ба-

Digitized by Google

рышней-крестьянкой" и съ „Метелью" помиритесь?... Вѣдь, читаете же вы, напр., съ удовольствіемъ—хоть въ „Очеркахъ Прошлаго" г. А. Чужбинскаго изображеніе моншера Самограева, и признаете законность этого изображенія...

Но, вѣдь, въ кожѣ Бѣлкина, въ духѣ Бѣлкина, въ тонѣ Бѣлкина разсказаны еще намъ поэтомъ такіе разсказы, какъ „Дубровскій, какъ семейная хроника Гриневыхъ, эта нимало не потерявшая своей красоты и свѣжести родоначальница всѣхъ нашихъ „семейныхъ хроникъ".

Въ типѣ Бѣлкина, который такъ полюбился нашему поэту, выразились начала нашего отрицательнаго (въ отношеніи къ нашему напряженному развитію) процесса.

Что же такое этотъ пушкинскій Бѣлкинъ,—тотъ самый Бѣлкинъ, который проглядываетъ потомъ подъ другими формами въ повѣстяхъ Тургенева,—которому въ произведеніяхъ Писемскаго страшно хотѣлось взять верха надъ фальшиво-блестящимъ и фальшиво-страстнымъ типомъ, которому съ излишкомъ, черезъ мѣру даетъ права Толстой,—котораго нѣсколько иронически, но съ невольною симпатіею повторяетъ даже Лермонтовъ въ Максимѣ Максимычѣ.

Бѣлкинъ пушкинскій есть простой здравый толкъ и простое здравое чувство, кроткое и смиренное, толкъ, вопіющій противъ всякой блестящей фальши, чувство, возстающее законно на злоупотребленія нами нашей широкой способности понимать и чувствовать. Стало-быть, въ сущности это начало только отрицательное, и право оно только, какъ отрицательное, ибо предоставьте его самому себѣ,—оно способно перейти въ застой, мертвящую лѣнь, хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова.

Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у самого Пушкина вездѣ, гдѣ онъ у него самолично является, или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ, съ его взглядомъ на жизнь. Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, его мрачной сосредоточенностью въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли, онъ еще сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо *можетъ* существовать. Онъ знаетъ только, что онъ

Digitized by Google

самъ вовсе не Сильвіо, и боится этого типа. „Нѣтъ ужъ — говоритъ онъ — лучше пойду къ людямъ попроще!" и первый опускается въ простые, такъ называемые низменные слои жизни...

Читатели помнятъ, вѣроятно, мѣсто въ отрывкахъ главы, не вошедшей въ поэму Онѣгина и нѣкогда предназначавшейся поэтомъ на то, чтобы привести существованіе Онѣгина въ многообразныя столкновенія съ русской жизнью и почвой (какъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія строфы), привести эту праздную, тяготящуюся собою жизнь на разныя очныя ставки съ дѣятельною, сурово-хлопотливою, дѣйствительною жизнью. Эти отрывки, хотя они и отрывки, въ высшей степени знаменательны для уразумѣнія нашего отрицательнаго процесса.

Въ этихъ отрывочныхъ строфахъ Онѣгинъ является для насъ съ совершенно новой стороны, какъ личность, которой, несмотря на всю бурно-прожитую, тревожную жизнь, все-таки некуда дѣвать своихъ силъ, своего здоровья, своей жизненности.

Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка...
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

И, разумѣется, тоскою о томъ, что много еще силъ, много еще здоровья и крѣпости жизни, долженъ былъ кончить Онѣгинъ, какъ отраженіе извѣстнаго момента нашего нравственнаго развитія процесса, но не тоскою только, а поворотомъ къ почвѣ кончаетъ живая, многообъемлющая натура самого поэта:

Порой дождливою намедни
Я завернулъ на скотный дворъ....
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я разцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая,
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Наводилъ твой безконечный шумъ?

Digitized by Google

Эта выходка поэта—не столько негодованіе на прозаизмъ и мелочность окружающей его жизненной обстановки, сколько невольное сознаніе того, что этотъ прозаизмъ имѣетъ неотъемлемыя права надъ душою, что онъ въ душѣ остался какъ отсадокъ послѣ всего кипучаго броженія, послѣ всѣхъ напряженій и тщетныхъ попытокъ окаменѣть въ байроновскихъ формахъ. И тщета этой борьбы съ собственною душою, и негодованіе на то, что послѣ борьбы остался такой отсадокъ, негодованіе, подъ которымъ уже кроется любовь къ почвѣ —одинаково знаменательны:

Какія-бъ чувства не таились
Тогда во мнѣ,—теперь ихъ нѣтъ.
Они прошли иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, водъ края жемчужны,
И моря шумъ и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны!...
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды мнѣ много подмѣшалъ...
Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ...
Теперь милый мнѣ балалайка,
Да пьяный тономъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь хозяйка,
Мои желанія—покой
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Поразительна эта простодушнѣйшая смѣсь ощущеній самыхъ разнородныхъ,—негодованія и желанія набросить на

Digitized by Google

картину колоритъ самый сѣрый, съ невольной любовью къ картинѣ, съ чувствомъ ея особенной, самобытной красоты... Это чувство—наше родное, такъ сказать, наше типовое чувство... Оно только что очнулось отъ тревожно лихорадочнаго сна, только что вырвалось изъ кипящаго страшнымъ броженіемъ омута. Оно оглядывается на Божій свѣтъ, встряхиваетъ кудрями, чувствуетъ, что все вокругъ его то же, такое же, какъ было до сна; чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и само оно то же, такое же, какимъ было до борьбы съ призраками, и юношески недовольно тѣмъ, что оно свѣжо и молодо послѣ всѣхъ схватокъ съ подводными чудовищами...

Но кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознаніе видѣло такіе сны, и образы сновъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними, мѣряясь съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя... Какъ же это оно такъ молодо, здорово, испытавши столько, и какъ же, испытавши столько, оно опять видитъ передъ собою прежнюю обстановку? Вѣдь въ борьбѣ, хотя и призрачной, оно узнало самого себя, узнало, что не только эту бѣдную и обыденную обстановку можетъ воспринять и усвоить, но и всякую другую, какъ бы эта другая ни была сложна, широка и великолѣпна. Пусть на первый разъ оно разъяснило себя въ чужой обстановкѣ, т.-е. пусть на первый разъ мѣра силы познана въ примѣркѣ къ чужому, для нея призрачному—да сила-то ужъ сама себя знаетъ, и знаетъ кромѣ того, что ей мала, бѣдна и узка обыденная обстановка дѣйствительности. А между тѣмъ и въ самомъ круженіи, въ самой борьбѣ съ призрачнымъ, чуждымъ міромъ, силы чувствовали минутные припадки непонятнаго влеченія къ этой самой, повидимому, столь узкой и скудной обстановкѣ, къ своей собственной почвѣ.

Негодованіе силъ, извѣлавшихъ уже „доброе и злое“, выразившись у Пушкина въ выше приведенныхъ строфахъ, еще сильнѣй сказалось въ стихотвореніи, которое самъ онъ назвалъ „Капризомъ“:

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый и проч.,

Digitized by Google

но не осталось только негодованіемъ, а перешло въ серіозную думу мужа о своихъ отношеніяхъ къ міру призрачному и міру дѣйствительному...

Въ тѣ дни, когда муза, по словамъ его, услаждала ему

Путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа,

когда... но пусть лучше говоритъ онъ самъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа
Она Ленорой при лунѣ
Со мной скакала на конѣ...
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу міровъ,—

въ эти дни молодого и кипучаго вдохновенія великая натура мѣряла свои силы со всѣмъ великимъ, что уже она встрѣчала даннымъ и готовымъ, подвергаясь равномѣрно вліянію и свѣтлыхъ и темныхъ его сторонъ...

Оказалось, что на „вся добрая и злая“ у нея есть удивительная воспріимчивость и отзывчивость; что притомъ эта воспріимчивость и эта отзывчивость не могутъ остановиться на среднемъ пути, а ведутъ всякое сочувствіе до крайнихъ его предѣловъ, и что, наконецъ, натура все-таки не можетъ перестать любить своего типового, не можетъ не стремиться къ нему, не можетъ забыть своей почвы. Это стремленіе скажется то радостью „замѣтить равность“ между Онѣгинымъ и собою, то мечтою о поэмѣ „пѣсенъ въ двадцать пять“, въ которой, какъ говоритъ поэтъ:

Не муки тайнаго злодѣйства
Тогда я въ ней изображу,
Я просто вамъ перескажу
Преданье русскаго семейства;

въ которой мечтаетъ онъ пересказать

Digitized by Google

Простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка...

Мало ли чѣмъ, наконецъ, скажется это стремленіе къ почвѣ!..

Записываніемъ сказокъ старой няни или анекдотовъ о старинѣ, гордостью родовыхъ преданій—въ противоположность бюрократическому чванству, совѣтомъ учиться русскому языку у московскихъ просвиренъ...

И вотъ, когда поэтъ въ эпоху зрѣлости самосознанія привелъ для самого себя въ очевидность всѣ эти, повидимому, совершенно противоположныя стремленія собственной своей натуры, то прежде всего и паче всего правдивый и искренній, онъ умалилъ, принизилъ самого себя, когда-то „Плѣнника“, у котораго

на челѣ его высокомъ
Не измѣнилось ничего,

когда-то „Алеко“, который говоритъ про себя:

Я не таковъ... нѣтъ! я не споря
Отъ правъ своихъ не откажусь, и проч.

до смиреннаго типа Бѣлкина.

Въ этомъ типѣ узаконилось—но только на время, только отрицательно, какъ критическій отсадокъ—стремленіе къ почвѣ, поворотъ къ ея требованіямъ. Въ этотъ образъ пошла далеко не вся великая личность поэта, ибо Пушкинъ вовсе не думалъ отрекаться отъ прежнихъ своихъ сочувствій или считать ихъ противозаконными, какъ это иногда готовы дѣлать мы въ порывахъ усердія къ почвѣ. Да и трудно, конечно, представить себѣ, дѣйствительно, Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ натуру, которая и прежде мѣрялась, да и потомъ не переставала мѣряться своими силами съ самыми могучими типами, ибо въ то же самое время геній поэта проникалъ въ мрачно-сосредоточенную душу Сальери и въ вѣчно жаждущую жизни натуру Донъ-Жуана,

Digitized by Google

стало-быть вовсе не замыкался исключительно въ существованіи Бѣлкина.

Бѣлкинъ для Пушкина вовсе не герой его, а больше ничего, какъ критическая сторона души. Мы были бы народъ, весьма нещедро надѣленный природою, если бы героями нашими были пушкинскій Бѣлкинъ, лермонтовскій Максимъ Максимычъ и даже честный кавказскій капитанъ въ „Рубкѣ Лѣса“ Толстого. Значеніе всѣхъ этихъ типовъ въ томъ, что они критическіе контрасты блестящаго и, такъ сказать, хищнаго типа, котораго величіе оказалось на нашу душевную мѣрку несостоятельнымъ, а блескъ—фальшивымъ. Значеніе ихъ, кромѣ того, въ протестѣ,—протестѣ всего смиреннаго, загнаннаго, но между тѣмъ, основаннаго на почвѣ, на нашей природѣ—противъ гордыхъ и страстныхъ до необузданности началъ, противъ широкаго размаха силъ, оторвавшихся отъ связи съ почвой.

Придать этой сторонѣ души нашей исключительное, героическое, значитъ, впасть въ другую крайность, ведущую къ застою и закиси. Максимъ Максимычъ и капитанъ Толстого, конечно, люди очень честные и безъ всякой похвальбы храбрые; они нисколько не рисуются, нисколько не натягиваютъ своей простой природы на сильныя страсти и глубокія страданія,—но, вѣдь, согласитесь, что съ ними немыслима никакая исторія. Изъ нихъ не выйдутъ, конечно, Стеньки Разины, да зато не выйдутъ и Минины. Увы! на однихъ добрыхъ и смиренныхъ людяхъ, умѣй они даже и умирать такъ, какъ умираетъ солдатъ Веленчукъ у Толстого, будь они благодушны до пантеистической любви ко всей твари, какъ старикъ Агаѳонъ у Островскаго,—далеко не уѣдешь. Для жизни страстное начало нужно, закваска нужна.

Глубоко понималъ это геніальнымъ чутьемъ своимъ Пушкинъ, и потому до сихъ поръ даже, послѣ Максима Максимыча, къ которому самъ Лермонтовъ относится, впрочемъ, съ ироніею, послѣ однодворца Савелья Писемскаго, послѣ капитана Храброва Толстого—его Бѣлкинъ все-таки единственно правильное узаконеніе критической стороны

Digitized by Google

нашей души. Съ тою жизнью попроще, въ которую спускается онъ, ошеломленный страшнымъ призракомъ Сильвіо, онъ, вѣдь, тоже разобщенъ кой-какимъ образованіемъ—ну хоть письмовникомъ Курганова, а главное, онъ ужъ смотритъ на нее съ высоты кой-какого образованія. Комизмъ положенія человѣка, который считаетъ себя *обязаннымъ* по своему кой-какому образованію смотрѣть какъ на что-то ему чужое—на то, съ чѣмъ у него несравненно болѣе общаго, чѣмъ съ пріобрѣтенными кой-какъ верхушками образованности—является необыкновенно ярко въ Бѣлкинѣ, какъ авторѣ „Лѣтописи села Горохина“. Эта лѣтопись—тончайшая и вмѣстѣ добродушнѣйше-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковой полосою нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностью бывалыхъ временъ, сообщавшей намъ взглядъ совершенно неприложимый къ явленіямъ окружавшей и доселѣ насъ окружающей дѣйствительности... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво притаились всѣ наши бывалые взгляды на нашъ бытъ и нашу старину, выражавшіеся то стихами въ родѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы...

то карамзинскими фразами, какъ, напримѣръ: „Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ трупами“ или: „отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной“ и проч. и проч.

Но, вѣдь, мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ геніальныхъ страницахъ бездна лукавой и безпощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ своею *обязанностью* писать съ важностью классическихъ историковъ о странѣ, именуемой Горохинымъ, и *живописуетъ* вычурнымъ слогомъ нравы ея обитателей,—откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ нравовъ и такое любовное и вмѣстѣ совершенно-правильное къ нимъ отношеніе?

Типъ простого и смирнаго человѣка, впервые художе-

Digitized by Google

ственно выдвинутый на сцену Пушкинымъ въ лицѣ его Бѣлкина, съ тѣхъ поръ подъ различными формами является въ нашей литературѣ то въ лицѣ простого, тоже смирнаго, но храбраго и честнаго, хотя нѣсколько ограниченнаго по натурѣ человѣка, каковъ Максимъ Максимычъ Лермонтова; то въ лицѣ загнаннаго судьбой человѣка, который постоянно спасуетъ передъ хищнымъ и блестящимъ типомъ—у Тургенева; то въ лицѣ простого же, но страстнаго человѣка, надѣленнаго сильной, но не развитой природою, который тоже пасуетъ въ жизни передъ внѣшне-блестящимъ, но внутренно-пустымъ типомъ—у Писемскаго; то въ лицѣ человѣка, наконецъ, котораго глубокій анализъ довелъ до сознанія исключительной законности типа простого человѣка передъ блестящимъ, но постоянно поднимающимся на моральныя ходули, типомъ до невѣрія даже въ возможность реальнаго бытія такого ходульнаго типа—какъ у Толстого. Пушкина Бѣлкинъ еще вѣритъ въ существованіе мрачнаго, сосредоточеннаго Сильвіо; Лермонтовъ еще иронически сочувствуетъ своему Максиму Максимычу и, къ сожалѣнію, еще вѣритъ въ своего Печорина; Тургеневъ, сочувствуя глубоко и болѣзненно своему загнанному человѣку, не только вѣритъ въ блестящіе и страстные типы, но самъ ими увлекается; Писемскій явно негодуетъ на торжество фальшиво-блестящаго надъ простымъ и безыскуственнымъ. Толстой анализируетъ, и анализомъ доходитъ до положительнаго невѣрія во всякое сколько нибудь *приподнятое* чувство. Между тѣмъ его невѣріе—не прозаизмъ, нѣсколько грубоватый, Писемскаго, и съ другой не та искусственная практичность, которая заставляетъ Гончарова предпочесть Штольца романтику Обломову. Невѣріе Толстого—результатъ глубокаго анализа, часто доходящаго до крайностей, часто разбивающаго свои собственныя основы, но никогда почти не увлекающагося извѣстными сочувствіями и антипатіями.

Прежде чѣмъ разъяснить значеніе анализа Толстого, я долженъ предупредить о томъ, почему исчисляя различныя отношенія нашихъ писателей къ двумъ типамъ, я не сказалъ ни слова о ярко-замѣчательномъ отношеніи къ нимъ

Digitized by Google

Островскаго и Ф. Достоевскаго? То и другое отношеніе, какъ это будетъ объяснено въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, совершенно оригинально. Въ идеалахъ чуждой намъ жизни искали Пушкинъ и Тургеневъ блестящихъ типовъ; въ глубинѣ народной жизни ищутъ какъ Островскій, такъ и Достоевскій—и широкихъ типовъ, какъ, напримѣръ, типъ Петра Ильича и многія изъ лицъ „Мертваго Дома", такъ равно и смирныхъ. Смирные ихъ типы нельзя назвать, въ противоположность типамъ широкимъ, простыми, потому что и широкіе ихъ типы взяты изъ народной жизни.

Сдѣлавши эту необходимую оговорку, возвращаюсь къ Толстому и значенію его анализа.

Анализъ Толстого дошелъ до глубочайшаго невѣрія во всѣ „приподнятыя", „необыденныя" чувства души человѣческой. Въ этомъ его высокое значеніе, въ этомъ же и его односторонность. Анализъ разбилъ готовые, сложившіеся, *отчасти* чужіе намъ идеалы, силы, страсти, энергіи. Въ русской жизни онъ, какъ и всѣ, видитъ—только отрицательный типъ простого и смирнаго человѣка—и привязался къ нему всей душою. Вездѣ слѣдитъ онъ идеалъ простоты душевныхъ движеній; въ горести няни („въ Дѣтствѣ и Отрочествѣ") о смерти матери героя, — горести, противополагаемой имъ нѣсколько эффектной, хотя и глубокой скорби старой графини; въ смерти солдата Веленчука, въ честной и простой храбрости капитана Храброва, явно превосходящей въ его глазахъ несомнѣнную же, но крайне эффектную храбрость одного изъ кавказскихъ героевъ à la Марлинскій; въ покорной смерти простого человѣка, противопоставленной смерти страдающей, но капризно страдающей барыни... Но, во-первыхъ, несмотря на свою глубокую искренность, можетъ быть, именно вслѣдствіе задачи, поставленной въ искренности анализа, Толстой иногда и пересаливаетъ въ своей строгости къ „приподнятымъ" чувствамъ. Не многіе, напримѣръ, будутъ съ нимъ согласны, насчетъ большей глубины горя няни передъ горемъ старухи-графини. Во-вторыхъ, этотъ анализъ, дошедшій до любви къ смирному типу, преимущественно по не-

Digitized by Google

вѣрію въ блестящій и хищный типъ, въ концѣ концовъ, не опираясь на почву, дающую оба типа, ведетъ къ какому-то пантеистическому отчаянію, очевидному въ „Люцернѣ", „Альбертѣ" и выразившемуся еще прежде въ „Запискахъ Маркера". Въ третьихъ, наконецъ, этотъ анализъ обращается въ какой-то безсодержательный, въ анализъ анализа, своею безсодержательностію приводящій къ скептицизму и къ подрыву всякихъ душевныхъ чувствъ. Ключъ къ концамъ этого анализа — это смерть дуба въ „Трехъ Смертяхъ", смерть, поставленная сознаніемъ выше смерти не только развитой барыни, но и выше смерти простого человѣка. Вѣдь, отсюда одинъ шагъ къ нигилизму.

Правъ этотъ анализъ только въ казни, безпощадно совершаемой имъ надъ всѣмъ фальшивымъ, чисто сдѣланнымъ въ ощущеніяхъ современнаго человѣка, котораго Лермонтовъ суевѣрно обоготворилъ въ своемъ Печоринѣ. А правъ онъ вотъ почему.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку непріятно и тяжело сознавать свои слабыя стороны, это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; задача здѣсь заключается преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ своимъ отнестись съ полною, безпощадною справедливостью. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ—уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе несравненно болѣе тонкое и опасное, именно—преувеличить свои слабости до той степени, на которой они получаютъ извѣстную значимость и, пожалуй даже, по извращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка, величавость и обаятельность зла. Мысль эта станетъ совершенно понятна, если я напомню обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ—не говорю уже Манфреда, Лары, Гяура—но Печорина и Ловласа: психологическій фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ, какъ

Digitized by Google

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы.

Возьмите какую угодно страсть и доведите ее въ вашемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою,—ваше трагическое воззрѣніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ гоголевскимъ Собакевичемъ, скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печоринымъ, чѣмъ Меричемъ; даже уже если Р., то пошло,— Грушницкимъ, чѣмъ Милашинымъ Островскаго, потому что Грушницкій хоть умираетъ эффектно! Сколько лягушекъ надуваются по этому случаю въ воловъ въ насъ самихъ и вокругъ насъ! сколько людей *желаютъ* показаться себѣ и другимъ *преступными*, когда они сдѣлали только *пошлость!* сколько гаденькихъ чувственныхъ поползновеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ, и тотъ зоветъ городничиху „удалиться подъ сѣнь струй!“ Меричъ въ „Бѣдной Невѣстѣ“ самодовольно проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ возмутилъ міръ ея невинной души! Тамаринъ радъ радехонекъ, что его зовутъ демономъ!

Такимъ образомъ даже и до наступленія той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т.-е. комическое отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость вмѣсто прямого поворота предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсильную страстность души, признать ея требованія все-таки правыми; переживши минуты превращенія къ самому себѣ и къ своей личности, сохранить однако вражду и превращеніе къ дѣйствительности.

Вотъ въ какомъ этого-то психическаго изворота и правъ вполнѣ анализъ Толстого, правѣе, чѣмъ анализъ Тургенева, иногда и даже нерѣдко кадящій нашимъ фальшивымъ сторонамъ, и съ другой стороны—правѣе, чѣмъ анализъ Гон-

Digitized by Google

чарова, ибо казнить во имя глубокой любви къ правдѣ и искренности ощущеній, а не во имя узкой, бюрократической практичности; правѣе и анализа Писемскаго, ибо онъ знаетъ глубоко, знаетъ какъ Лермонтовъ современнаго человѣка. Писемскій же рисуетъ его болѣе по наслышкѣ и наглядкѣ, и потому часто не достигаетъ своей цѣли, утрируя его иногда до карикатурности.

Неправъ же анализъ Толстого не только по вышеизложеннымъ причинамъ и не только потому, что не опирается на народную почву, но еще и потому, что не придаетъ значенія блестящему *дѣйствительно* и хищному *дѣйствительно* типу, который и въ природѣ и въ исторіи имѣетъ свое оправданіе, т.-е. оправданіе своей возможности и реальности.

Не только мы были бы народъ не щедро одаренный природою, если бы мы видѣли свои идеалы въ однихъ смирныхъ типахъ—будь это Максимъ Максимычъ или капитанъ Храбровъ, даже и смирные типы Островскаго,—но пережитые нами съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ типы—чужіе намъ только отчасти, только, можетъ быть, по своимъ формамъ и по своему, такъ сказать, лоску. Пережиты они нами потому собственно, что къ воспріятію ихъ наша природа столь же способна, какъ и всякая европейская. Не говоря уже о томъ, что у насъ въ исторіи были хищные типы и не говоря о томъ, что Стеньку Разина изъ міра эпическихъ сказаній народа не выживешь,—нѣтъ, самые въ чуждой намъ жизни сложившіеся типы не чужды намъ и у нашихъ поэтовъ облекались въ своеобразныя формы. Вѣдь тургеневскій Василій Лучиновъ—XVIII вѣкъ, но русскій XVIII вѣкъ, а ужъ его, напримѣръ, страстный и беззаботно прожигающій жизнь Веретьевъ—и подавно.

Стремленіе Пушкина къ блестящимъ, хотя, повидимому, чуждымъ намъ идеаламъ имѣетъ глубокія причины въ свойствахъ самой русской натуры. Потому то, влѣзая въ кожу Бѣлкина, онъ все-таки не переставалъ быть ни Алеко, ни Донъ-Жуаномъ, хотя Толстой едва ли повѣритъ, напримѣръ, жаждѣ мщенія, выражающейся въ извѣстной тирадѣ Алеко:

Digitized by Google

Я не таковъ.. нѣтъ! я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь.. и проч.

И Толстой будетъ правъ, какъ и Писемскій, карикатурно—зло, но вѣрно изображая Батманова и Хазарова, „драпирующихся плащемъ Ромео“, но правъ только по отношенію къ пародіи на типъ страстнаго и сильнаго человѣка, а не по отношенію къ самому типу. Тѣмъ не менѣе правы они будутъ, если русской натурѣ припишутъ только одинъ идеалъ „смирнаго“ человѣка...

Въ русской натурѣ вообще заключается едва ли не одинаковое, едва ли не равномѣрное богатство силъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Нещадно смѣясь надъ всѣмъ, что несообразно съ нашей душевной мѣрой, хотя бы безобразіе несообразности, чудовищное или комическое, явилось даже въ томъ, что мы любимъ и уважаемъ—мы ведемъ всякое отрицаніе лжи до его крайнихъ предѣловъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь и ничѣмъ не смущаясь. Этимъ мы отличаемся отъ другихъ народовъ, въ особенности отъ нѣмцевъ, совершенно неспособныхъ къ комизму и весьма непослѣдовательныхъ въ своемъ хотя и смѣломъ отрицаніи въ принципахъ. Сомнѣнія нѣтъ, что посмѣявшись надъ филистерствомъ какого-либо знаменитаго ученаго, вы впадаете въ глазахъ нѣмца въ crimen laesae majestatis; и извѣстно вамъ также, что великій учитель, подорвавшій своимъ змѣеобразнымъ положеніемъ всякія формы, остановился въ умиленіи передъ формами прусскаго государства—и это вовсе не изъ политическаго благоразумія, а просто потому, что былъ нѣмецъ.

Съ другой стороны, мы столь же мало способны къ строгой, однообразной чинности, кладущей на все уровень внѣшняго порядка и составной цѣльности; съ утопіями формализма, каковы бы они ни были—утопія ли бюрократовъ, или утопія фурьеристовъ, казарма или фаланстера—мы не миримся.

Любя *праздники* и нерѣдко цѣлую жизнь прожигая въ праздношатательствѣ и круженіи, мы не можемъ мѣшать дѣлъ съ бездѣльемъ и, дѣлая дѣло, сладострастно наслаж-

Digitized by Google

датося мыслію о приготовленіи себѣ посредствомъ его извѣстной *порціи* законнаго бездѣлья. Этимъ мы опять-таки въ значительной степени разнимся отъ нѣмцевъ. Мы можемъ ничего не дѣлать, но не можемъ на дѣло смотрѣть какъ на prolegomena къ вздору. Одинъ изъ типическихъ героевъ нашихъ, Чацкій, говоритъ правду:

Когда дѣла—я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться—дурачусь...
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ,—я не изъ ихъ числа.

Съ другой стороны, мы не можемъ помириться съ вѣчной суетней и толкотней общественно-будничной жизни, не можемъ посреди ея заглушить въ себѣ тревожнаго голоса своихъ высшихъ духовныхъ интересовъ, но зато, скоро уставая бороться во имя ихъ съ будничною дѣйствительностью, впадаемъ нерѣдко въ хандру.

Таковы нѣкоторыя, довольно неоспоримыя, кажется, черты нашей—скажемъ безъ лести—богатой стихійной природы, черты, свидѣтельствующія о ея тревожныхъ, порывающихся въ широкую даль началахъ. О нашихъ качествахъ смиренія, непамятозлобія и проч. я не говорю. Они давно признаны всѣми, хотя безъ всякой мѣры, до пересолу славянофилами, не видящими комической стороны нашего смиренія въ смиреніи Фамусова и таковой же стороны нашего непамятозлобія въ дешовыхъ примиреніяхъ „передъ порогомъ кабака". На этихъ однихъ, хотя и дѣйствительно прекрасныхъ качествахъ мы бы далеко не уѣхали. И такъ они немало намъ повредили своимъ одностороннимъ преобладаніемъ въ мірѣ драмъ Островскаго —въ покорности домочадцевъ передъ Китомъ Китычемъ, въ ѣрническомъ раболѣпіи передъ Самсономъ Силычемъ Лазаря Подхалюзина, въ дешевомъ непомятозлобіи, основанномъ на сознаніи общественной безнравственности, Антипа Антипыча и того, кого онъ „помазалъ" насчетъ товара.

Да будетъ далека отъ читателя мысль, чтобы я смѣялся надъ этими самими по себѣ святыми началами, чтобы, напр.,

Digitized by Google

весь міръ, изображаемый Островскимъ, этотъ міръ коренной и отчасти застывшій безъ развитія въ своихъ коренныхъ началахъ, но зато сохранившій упорно свои самостоятельныя начала,—чтобы этотъ міръ, за поклоненіе которому я подвергаюсь постояннымъ укорамъ достопочтенныхъ „Отечеств. Записокъ", я считалъ „темнымъ царствомъ" весь, всецѣло—съ его величавыми патріархами, каковы: Русаковъ, несмотря на его нѣкоторое резонерство, и отецъ Петра Ильича, несмотря на его раскольническую жесткость; съ его широкими и вмѣстѣ благодушными личностями, вродѣ Бородкина и Кабанова, который душою выше своего положенія; съ его женщинами—отъ Любови Гордѣевны до страстнаго типа Катерины и идеально-религіознаго типа Марѳы Борисовны, благодушной и свѣтлой до того, что она готова лгать при всей чистотѣ своей, чтобы только не обидѣть „хорошаго человѣка"; съ его, наконецъ, мужами энергіи и борьбы—отъ падшей, но великой натуры Любима Торцова, не знающей, куда дѣвать свою силу, натуры Петра Ильича до мужа-борца, доходящаго до религіозныхъ экстазовъ, но практически и вмѣстѣ героически кабалящаго народъ ради земскаго дѣла. Нѣтъ, это слишкомъ многообразный, какъ жизнь вообще, и свѣтлый и темный вмѣстѣ міръ. Но, вѣдь, въ немъ не одни же наши смирныя свойства развиваются, и въ немъ же по общему закону организмовъ она стала обособляться, сосредоточиваться около собственнаго центра и, наконецъ, получила цѣльное, реальное бытіе.

И тогда горе заклинателю, который выпустилъ ее изъ центра, и это горе неминуемо ждетъ всякаго заклинателя, поскольку онъ человѣкъ... Пушкина скосила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко; Лермонтова—тотъ страшный образъ, который сіялъ передъ нимъ „какъ царь нѣмой и гордый" и отъ мрачной красоты котораго самому ему „было страшно и душа тоскою сжималася"; Кольцова та раздражительная и начинавшая во всемъ сомнѣваться стихія, которую тщетно заклиналъ онъ своими „думами". А сколько могучихъ, но негармоническихъ личностей закруживали стихійныя начала: Милонова, Кострова—въ прошломъ вѣкѣ, Полежаева, Мочалова—на нашей памяти.

Digitized by Google

Да не скажутъ, чтобы я здѣсь игралъ словами. Стихійное вовсе не то, что *личность*. Личность Пушкина не Алеко и вмѣстѣ съ тѣмъ не Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, отъ лица котораго онъ любилъ разсказывать свои повѣсти: личность Пушкинская—самъ Пушкинъ, заклинатель и властелинъ многообразныхъ стихій, какъ личность Лермонтовская не самъ Арбенинъ и Печоринъ, а самъ онъ „еще невѣдомый избранникъ“ и, можетъ быть, по словамъ Гоголя, „будущій великій живописецъ русскаго быта“. Расколъ Кольцовъ, умѣвшій ловко вести свои торговыя дѣла, спасъ бы намъ надолго жизнь великаго лирика Кольцова, если бы не пожрала его, вырвавшись за предѣлы, та раздражающаяся дѣйствительностью, недовольная, слишкомъ впечатлительная сила, которую не всегда заклиналъ онъ своей возвышенной и трогательной молитвою:

О гори лампада,
Ярче предъ распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва.

Въ Пушкинѣ по преимуществу, какъ въ первомъ цѣльномъ очеркѣ русской натуры—очеркѣ, въ которомъ обозначались и объемъ и границы ея сочувствій,— отразилась эта борьба, высказался этотъ моментъ нашей духовной жизни, хотя великій мужъ былъ и не рабомъ, а властелиномъ и заклинателемъ этого страшнаго момента.

Поучительна въ высшей степени исторія душевной борьбы Пушкина съ различными идеалами, борьбы,— изъ которой онъ выходитъ всегда самимъ собою, особеннымъ типомъ, совершенно новымъ. Ибо, что, напримѣръ, общаго между Онѣгинымъ и Чайльдъ-Гарольдомъ Байрона? что общаго между пушкинскимъ и байроновскимъ или мольеровскимъ французскимъ или, наконецъ, испанскимъ Донъ-Жуаномъ?.. Это типы совершенно различные, ибо Пушкинъ, по словамъ Бѣлинскаго, былъ *представителемъ міра русскаго, человѣка русскаго*. Мрачный сплинъ и язвительный скептицизмъ Чайльдъ-Гарольда замѣнился въ лицѣ Онѣгина хан-

Digitized by Google

дрою отъ праздности, тоскою человѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше, и добрѣе своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностью здороваго русскаго смысла, т.-е. прирожденною, а не пріобрѣтенною критической способностью, который—критикъ, потому что даровитъ, а не потому что озлобленъ, хотя самъ и хочетъ искать причинъ своего критическаго настройства въ озлобленіи, и которому та же критическая способность можетъ, того и гляди, указать средство выйти изъ ложнаго и напряженнаго положенія на ровную дорогу.

Съ другой стороны, Донъ-Жуанъ южныхъ легендъ—это сладострастное кипѣніе крови, соединенное съ демонски-скептическимъ началомъ, на которое намекаетъ великое созданіе Мольера и которымъ до опьяненія восторгается нѣмецъ Гофманъ. Эти свойства обращаются въ созданіи Пушкина въ какую-то безпечную, юную, безграничную жажду наслажденія, въ сознательное даровитое чувство красоты, въ способность „*по узенькой пяткѣ*“ дорисовать весь образъ женщины, способность находить „странную пріятность“ въ потухшемъ взорѣ и помертвѣлыхъ глазкахъ черноокой Инесы; типъ создается однимъ словомъ изъ южной, даже африканской страстности, но смягченной русскимъ тонко-критическимъ чувствомъ, изъ чисто-русской удали безпечности, какой-то дерзкой шутки прожигаемою жизнью, какой-то безустали гоньбы за впечатлѣніями, такъ что чуть впечатлѣніе принято душою,—душа уже далеко, и только „на снѣговой порошѣ“ остался слѣдъ „не зайки, не горностайки“, а Чурилы Пленковича, этого Донъ-Жуана миѳическихъ временъ, порожденія нашей народной фантазіи.

Эта поучительная для насъ борьба — и въ геніально-юношескомъ лепетѣ кавказскаго плѣнника, и въ Алеко, и Гиреѣ (не даромъ же печальной памяти „Маякъ“ объявилъ героевъ Пушкина уголовными преступниками!), и въ Онѣгинѣ, и въ ироническомъ, лихорадочномъ и вмѣстѣ сухомъ тонѣ „Пиковой Дамы“, и въ отношеніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина къ мрачному Сильвіо въ повѣсти „Выстрѣлъ“. На каждой изъ этихъ ступеней—борьба стóить

Digitized by Google

подробнѣйшаго изученія... Но что вездѣ особенно поразительно, такъ это постоянная непослѣдовательность живой и самобытной души, ея упорная непокорность усвоенному ей типу, при постоянной послѣдовательности умственной, послѣдовательности пониманія и усвоенія типа. Ясно видно, что въ типѣ есть для этой души что-то неотразимо влекущее и есть вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, чему она постоянно измѣняетъ, что, стало-быть, рѣшительно не по ней.

Кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознаніе видѣло такіе сны, и образы этихъ сновъ такъ ярко въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними, или, лучше сказать, мѣряясь съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя, силы на созданіе самобытныхъ идеаловъ. Какимъ же образомъ, извѣдавши „добрая и злая", можетъ оно остаться при однихъ чисто-отрицательныхъ типахъ?

Вопросъ объ отношеніи нашихъ писателей къ двумъ типамъ — вопросъ очень важный. Толстой представляетъ крайнюю грань односторонняго отношенія, грань замѣчательную не только по своей односторонности, но и потому еще, что любовь къ отрицательному смирному типу родилась у нашего автора не непосредственно, какъ у писателей народной эпохи литературы, а вслѣдствіе глубокаго анализа.

Душевный процессъ, который раскрывается намъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ" и первой половинѣ „Юности" — процессъ необыкновенно оригинальный. Герой этихъ замѣчательныхъ психологическихъ этюдовъ родился и воспитался въ средѣ общества, столь искусственно сложившейся, столь исключительной, что она въ сущности не имѣетъ реальнаго бытія, въ сферѣ такъ называемой аристократической, въ сферѣ высшаго свѣта. Неудивительно, что эта сфера образовала Печорина — самый крупный свой фактъ — и нѣсколько болѣе мелкихъ явленій, каковы герои разныхъ великосвѣтскихъ повѣстей. Удивительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменательно то, что изъ нея, этой узкой сферы, выходитъ, т.-е. отрѣшается отъ нея посредствомъ анализа, герой разсказовъ Толстого. Вѣдь, не вышелъ же изъ нея, несмотря на весь свой умъ, Печоринъ; не вышли же изъ

Digitized by Google

нея герои графа Соллогуба и г-жи Евгеніи Туръ!... А съ другой стороны становится понятнымъ, когда читаешь этюды Толстого, какимъ образомъ, несмотря на ту же исключительную сферу, натура Пушкина сохранила въ себѣ живую струю народной широкой и общей жизни, способность и понимать эту живую жизнь, и глубоко ей сочувствовать, и временами даже съ нею отождествляться.

Но натура Пушкина была натура по преимуществу синтетическая, одаренная непосредственностью пониманія и цѣльностью захвата. Ни въ какую крайность, ни въ какую односторонность не впадалъ онъ. Равно удивителенъ онъ и въ тонѣ Бѣлкина, и въ тонѣ своихъ поэмъ, и въ сухомъ свѣтскомъ тонѣ „Пиковой Дамы“. Натура же героя „Дѣтства, Отрочества и Юности“ по преимуществу аналитическая. Анализъ развивается въ немъ рано и подкрадывается глубоко подъ основы всего того условнаго, чѣмъ онъ окруженъ, того условнаго, что въ немъ самомъ. Доходя до явленій, ему не поддающихся, онъ передъ ними останавливается. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ высокой степени замѣчательны главы о нянѣ, о любви Маши къ Василію и въ особенности глава о юродивомъ, въ которой сталкивается онъ съ явленіемъ, которое и въ самой народной простой жизни составляетъ нѣчто рѣдкое, исключительное, эксцентрическое. Всѣ эти явленія анализъ противопоставляетъ всему условному, его окружающему, въ которомъ цѣлѣетъ нетронутымъ одинъ только святой образъ,—образъ матери, нѣжно, любовно и граціозно нарисованный образъ. Ко всему другому анализъ безпощаденъ. И понятно: передъ нимъ уже стоятъ несокрушимою стѣною, о которую онъ разбился, иныя, противоположныя, совершенно безыскусственныя явленія иной, не условной, а непосредственной жизни.

Онъ пораженъ простотою, неразложимостью этихъ явленій. И вотъ простоты, неразложимости добивается онъ отъ самого себя, роется терпѣливо и безпощадно-строго въ каждомъ собственномъ чувствѣ, даже въ самомъ томъ, которое, по виду, кажется совершенно святымъ (глава „Испо-

Digitized by Google

вѣдь"), уличаетъ каждое свое чувство во всемъ, что въ дѣтствѣ сдѣлано, даже напередъ,—ведетъ каждую мысль, каждую дѣтскую или отроческую мечту до ея крайнихъ граней. Вспомните, напримѣръ, мечты героя „Отрочества", когда его заперли въ темную комнату за непослушаніе гувернеру.

Анализъ въ своей безпощадности заставляетъ душу признаваться самой себѣ въ томъ, въ чемъ не всякая душа себѣ признается, въ томъ, въ чемъ стыдно себѣ самому признаться. Мудрено ли, что при огромномъ талантѣ анализъ изощрился до того, что въ „Метели" способенъ влѣзть въ существо воробья, который „притворился, что клюнулъ"; въ „Военныхъ Разсказахъ" развертываетъ цѣлую ткань пустыхъ представленій, промелькнувшихъ передъ человѣкомъ въ минуту смерти, до поражающей, несомнѣнной правды.

Та же безпощадность анализа руководитъ героя въ „Юности". Поддаваясь своей условленной сферѣ, принимая даже ея предразсудки, онъ постоянно казнитъ самого себя и изъ этой казни выходитъ побѣдителемъ. Многіе находили растянутою первую половину „Юности". Это неправда. Волоковы, Нехлюдовы должны были быть изображены съ такою мелочною подробностью, чтобы поразительнѣй вышло столкновеніе героя со слоями иной жизни, съ даровитыми, хотя безумно кутящими личностями, полными силъ и высокихъ, неусловныхъ стремленій.

Столкновеніемъ съ этимъ живымъ міромъ кончается, повидимому, процессъ. Но только—повидимому. Слѣдить его можно и даже должно въ „Военныхъ Разсказахъ"—въ разсказѣ: „Встрѣча въ отрядѣ", въ „Двухъ Гусарахъ". Анализъ продолжаетъ свое дѣло. Останавливаясь передъ всѣмъ, что ему не поддается, и переходя тутъ то въ паѳосъ передъ всѣмъ громадно-грандіознымъ, какъ севастопольская эпопея, то въ изумленіе передъ всѣмъ простымъ и смиренно-великимъ, какъ смерть Веленчука или капитанъ Храбровъ, онъ безпощаденъ ко всему искусственному и сдѣланному, является ли оно въ буржуазномъ штабсъ-капитанѣ

Digitized by Google

Михайловѣ, въ кавказскомъ ли героѣ à la Марлинскій, въ совершенно ли ломаной личности юнкера въ разсказѣ: „Встрѣча въ отрядѣ“. Одинъ только типъ остается нетронутымъ, не подвергнутымъ сомнѣнію—типъ простого и смирнаго человѣка.

Между тѣмъ въ „Двухъ Гусарахъ“ авторъ видимо увлекается старымъ гусаромъ съ его энергическимъ буйствомъ и размашистой удалью, въ противоположность гусару новыхъ временъ съ его мелочностью и пошлостью; между тѣмъ въ „Альбертѣ“ онъ явнымъ образомъ поэтизируетъ силу и страстность, хотя пропадающія въ неизлѣчимомъ безпутствѣ.

Толстой—поэтъ, поэтъ точно такъ же, какъ Тургеневъ. Отрицаніе всѣхъ приподнятыхъ чувствъ души не ведетъ его ни къ мѣщанскому прозаизму Писемскаго, ни къ бюрократической практичности Гончарова. Всего же менѣе ведетъ его анализъ къ утилитаризму. На утилитаризмъ отвѣчаетъ онъ своимъ „Люцерномъ“, въ которомъ плачетъ о погибающемъ мірѣ искусства, страстей, исторіи,—„Люцерномъ“, который нежданно поразилъ всѣхъ въ эпоху своего появленія, хотя поражаться тутъ было нечѣмъ. Чего же хотѣли отъ Толстого?...

Прежде всего и паче всего онъ поэтъ. „Приподнятыя“ чувства души человѣческой онъ казнилъ только тамъ, гдѣ они напряженно, насильственно приподняты,—тамъ, однимъ словомъ, гдѣ лягушка раздувается въ вола,—иногда впадая только въ крайности, какъ въ предпочтеніи глубокаго горя старухи-няни горю старухи-графини, какъ въ изображеніи кавказскаго героя, который дѣйствительно герой, и герой нисколько не меньше *смирнаго* капитана Храброва, только герой своей эпохи, эпохи Марлинскаго.

Въ сущности поэтъ нашъ только скорбитъ о томъ, что не находитъ настоящихъ „приподнятыхъ“ чувствъ въ той сферѣ, которую онъ знаетъ, но не можетъ отречься отъ ихъ исканія... Въ сферѣ же иной, въ простой народной сферѣ, ему доступны и понятны вполнѣ только смирные типы... Да иначе и быть нельзя. Только непосредственно

Digitized by Google

сжившись съ народною жизнью, нося ее въ душѣ, какъ Островскій, Кольцовъ и отчасти Некрасовъ, или спустившись въ подземную глубину „Мертваго Дома", какъ Ѳ. Достоевскій, можно узаконить равно два типа — и типъ страстный и типъ смирный. Пушкинъ понималъ это синтезомъ—и синтезомъ создалъ „Русалку", и Пугачова въ „Капитанской Дочкѣ", и старика Дубровскаго. Тургеневъ глубокимъ сочувствіемъ къ народу доходилъ иногда до того, что страстный типъ иногда является ему въ совершенно своеобразныхъ формахъ даже посреди такъ называемаго цивилизованнаго общества (Веретьевъ, Коротаевъ, Чертопхановъ), большею же частью облекалъ его въ условныя формы или въ формы историческія (Василій Лучиновъ). Толстого эти формы не удовлетворяли, и онъ постоянно подкапывался подъ нихъ, какъ подъ всякія формы.

Доходя въ иныя минуты до отчаянія анализа и оставивши слѣдъ этого отчаянія въ образѣ князя Нехлюдова („Записки Маркера" и „Люцернъ"), утомленный работою анализа, Толстой, по натурѣ художникъ, рѣшился хоть разъ успокоиться въ разрѣшеніи психической задачи менѣе широкой,—и далъ намъ „Семейное Счастіе". О достоинствахъ этого тихаго, глубокаго, простого и высоко-поэтическаго произведенія, съ его отсутствіемъ всякой эффектности, съ его прямымъ и неломаннымъ постановленіемъ вопроса о переходѣ чувства страсти въ иное чувство, пришлось бы писать еще цѣлую статью, если бы статьи чисто-эстетическія были возможны, т.-е. читаемы въ настоящую, напряженную минуту.

Задача моя была по возможности опредѣлить смыслъ явленія столь замѣчательнаго какъ Толстой *).

А. Григорьевъ.

---

*) Еще см. въ газетѣ „День" за 1862 г., № 21, краткую замѣтку И. С. Аксакова о журн. „Ясная Поляна".

Примѣч. В. Зеленскаго.

Digitized by Google

1863 г.

*) Критика наша не любитъ много заниматься графомъ Л. Н. Толстымъ. Въ жаркихъ литературныхъ стычкахъ или въ критическихъ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ предметомъ наши литературныя направленія послѣдняго времени, имя Л. Н. Толстого почти не встрѣчается. Даже въ знаменитомъ вопросѣ о нигилизмѣ и нигилистахъ, затронувшемъ рѣшительно всѣ журнальныя партіи и грозящемъ еще долго быть главною темою нѣкоторыхъ журналовъ, имя Л. Н. Толстого вовсе не затрогивалось: помыкались многія, но совсѣмъ другія имена. Значитъ ли это, что литературная дѣятельность Л. Н. Толстого стоитъ внѣ движенія, совершающагося въ нашемъ обществѣ, что она не касается тѣхъ существенныхъ вопросовъ, которые интересуютъ и раздѣляютъ наше общество, насколько, по крайней мѣрѣ, это общество отражается въ журналистикѣ? Но и при самомъ выступленіи Л. Н. Толстого на литературное поприще и во все время дальнѣйшей его дѣятельности, онъ встрѣчаемъ былъ постоянно самыми лучшими отзывами: рѣшительно всѣми онъ признанъ былъ за писателя съ большимъ талантомъ, писателя оригинальнаго и серіознаго. Что же значитъ, что критика какъ будто забыла о немъ въ настоящее время, что въ ряду различныхъ направленій, порицаемыхъ или одобряемыхъ нашими журналами, Л. Н. Толстому вовсе не нашлось мѣста? Дѣлая этотъ вопросъ, мы не имѣемъ только въ виду самаго послѣдняго времени, ближайшихъ нумеровъ нашихъ журналовъ и газетъ. Здѣсь уже все привелось къ двумъ существеннѣйшимъ жизненнымъ вопросамъ: 1) кто лучше—нигилистъ или не нигилистъ и 2) кто правѣе: Красновъ или его жена? Очень понятно, что при разрѣшеніи столь спеціальныхъ задачъ, критика легко могла забыть не только о Л. Н. Толстомъ,

*) „Библіотека для Чтенія" 1863 г., № 3. Статья Е. Эдельсона, подъ заглавіемъ: „Русская литература". *Казаки*—повѣсть графа Л. Н. Толстого. („Русскій Вѣстникъ" 1863 года № 1, январь).

Digitized by Google

но и о всѣхъ другихъ. Нѣтъ, мы хотимъ сказать, что вообще въ послѣднее время, даже когда журналы наши еще занимались отчасти литературною критикой, имя Л. Н. Толстого попадалось всего рѣже между именами другихъ нашихъ писателей. Вина ли въ этомъ критики или нашего автора? Вопросъ, такъ поставленный, могъ бы подать прекрасный поводъ ко многимъ и справедливымъ порицаніямъ пути, на который вступала наша литературная критика въ послѣдніе годы. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы весьма легко могли бы показать, какъ, съ одной стороны, вслѣдствіе недостатка критическихъ талантовъ, съ другой, вслѣдствіе постояннаго и систематическаго преслѣдованія всякихъ другихъ направленій литературной критики, кромѣ одного, кругъ задачи нашей критики суживался все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивалось количество и понижался уровень вносимыхъ ею въ общее сознаніе идей. Мы могли бы представить множество примѣровъ непростительныхъ дѣтскихъ промаховъ нашей критики, той критики, которая хочетъ вести себя преемственно отъ самой блестящей и плодотворной эпохи литературной критики въ нашей исторіи. Многое, однимъ словомъ, можно было бы сказать по этому поводу, и мы не отказываемся современемъ возвратиться къ этому предмету. Но теперь насъ больше занимаетъ другая сторона вопроса. Намъ хочется опредѣлить общій характеръ дѣятельности Л. Н. Толстого и значенія ея — и съ тѣмъ вмѣстѣ показать, что современная, господствующая критика дѣйствительно не можетъ находить себѣ пищи въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого и что, пожалуй, она права въ этомъ отношеніи или, по крайней мѣрѣ, вѣрна себѣ. Но точное опредѣленіе характера и значеніе литературной дѣятельности Л. Н. Толстого не такъ легко, какъ, напр., Тургенева или Островскаго. О двухъ послѣднихъ столько было у насъ писано въ теченіе ихъ долгой и плодовитой дѣятельности, каждое произведеніе ихъ было столько жевано критикой, что они стали теперь по зубамъ рѣшительно каждому. Притомъ и содержаніе ихъ сочиненій всегда близко относится къ самымъ живымъ интересамъ времени,

Digitized by Google

постоянно затрогиваетъ вопросы, стоящіе на виду у всѣхъ. О Толстомъ же и писано сравнительно весьма мало, да и характеръ дѣятельности его какой-то особенный, еще не подошедшій подъ опредѣленія нашей критики. Оттого и произведенія его кажутся какъ будто случайно зародившимися, какъ бы приготовленіями къ какой-то опредѣленной и яркой дѣятельности, пробами таланта, еще не опредѣлившаго своего настоящаго призванія. Въ такомъ взглядѣ есть, пожалуй, своя доля справедливости, ибо нѣкоторыя сочиненія Толстого дѣйствительно порождены случайными обстоятельствами, напр., записки о Севастополѣ, или небольшой разсказъ изъ заграничной жизни, другія дѣйствительно представляютъ какъ бы этюды, не имѣя глубокаго внутренняго содержанія, какова „Метель“. Если хотите, пожалуй, и направленія опредѣленнаго въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого нѣтъ, т.-е. нѣтъ того яркаго направленія, какое можно указать въ Тургеневѣ, Островскомъ, еще болѣе въ Щедринѣ или, напр., Успенскомъ. Вообще дѣятельность Л. Н. Толстого представляется какою-то разбросанною, какъ бы причудливою; по крайней мѣрѣ, внутренняя связь его произведеній, а тѣмъ менѣе развитіе идей въ преемственной связи его сочиненій никакъ уже не бросается въ глаза. А между тѣмъ несомнѣнно же, что въ каждомъ его сочиненіи виденъ умъ наблюдательный и испытующій, талантъ яркій и симпатичный, стремленіе къ истинѣ серіозное. Неужели же при такихъ богатыхъ данныхъ дѣятельность его остается безсвязною, т.-е. не ведетъ къ какому-либо опредѣленному результату, а впечатлѣніе, производимое его сочиненіями на современное поколѣніе, остается безслѣднымъ? Или критика проглядѣла еще то и другое. Все дѣло, кажется, въ томъ, что въ нашей критикѣ, а отчасти и публикѣ установилось слишкомъ узкое понятіе о такъ называемомъ направленіи или, употребивъ болѣе громкое слово, міросозерцаніи въ писателѣ. Прежде всего вслѣдствіе указаннаго уже выше суженія задачъ нашей критики, подъ направленіемъ въ послѣднее время стали разумѣть по преимуществу соціальныя тенденціи автора, чу[illegible]

Digitized by Google

не политическія убѣжденія его, очевидно смѣшивая поэта съ публицистомъ. Этого рода стремленій требовали прежде всего отъ писателя, даже навязывали ихъ ему, если они не оказывались, и по этимъ даннымъ судили его. Такъ Островскаго не разъ преслѣдовали за поощреніе будто бы невѣжества, и потомъ хвалили преимущественно за сатирическое отношеніе къ дѣйствительности; такъ Тургенева уже цѣлый годъ пилятъ за отсталость и противодѣйствіе прогрессу, выразившіяся будто бы въ его послѣднемъ романѣ. Далѣе та же поверхностность и односторонность критики пріучила насъ обращаться слишкомъ легко съ содержаніемъ, представляемымъ дѣятельностью какого-либо писателя. „Я люблю такихъ писателей, у которыхъ съ первой страницы видишь уже все дѣло и затѣмъ знаешь, стóитъ ли книга чего-нибудь", отвѣтилъ намъ одинъ господинъ, которому мы рекомендовали весьма серіозное ученое сочиненіе, предупреждая его, что нужно внимательно прочесть его все, чтобы понять и оцѣнить. Нѣсколько въ этомъ родѣ относится наша журналистика и къ современнымъ литературнымъ явленіямъ, добиваясь какъ можно скорѣе схватить общій смыслъ, видимыя или кажущіяся тенденціи автора и затѣмъ, потолковавъ или поспоривъ объ тенденціяхъ, счесть дѣло съ авторомъ покончennымъ. Очевидно, что при такомъ способѣ сужденія, писатели, съ ярко опредѣленными тенденціями, какъ Марко-Вовчокъ, напр., или Успенскій, выигрываютъ, а писатели съ направленіемъ не столь легко поддающимся опредѣленію, должны проигрывать. Мы не осуждаемъ, впрочемъ, безусловно критиковъ, которыхъ очевидно интересуетъ въ литературныхъ явленіяхъ нѣчто постороннее, которые желаютъ прежде всего дать ходъ своимъ общественнымъ убѣжденіямъ и потому, конечно, не могутъ заниматься всѣмъ содержаніемъ того сочиненія, о которомъ пишутъ, а тѣмъ менѣе доискиваться этого содержанія: но насъ интересуетъ вопросъ, отчего только этого рода критики почти и остались у насъ въ литературѣ?

Но возвратимся къ Л. Н. Толстому. Если искать въ его

Digitized by Google

сочиненіяхъ такого рода направленія или міросозерцанія, о какомъ мы сейчасъ говорили, то, конечно, его не окажется; но, всматриваясь ближе въ его разнохарактерную на первый взглядъ дѣятельность, мы легко откроемъ въ ней нѣкоторую глубокую и общую основу, нѣчто твердое и постоянно выражающееся, нѣчто задушевнѣйшее и дорогое автору, чего онъ не навязываетъ, конечно, никому, но что само неотразимо вливается въ душу при чтеніи любого изъ его произведеній. Л. Н. Толстого, очевидно, не интересуютъ особенно какіе-либо классы русскаго общества, онъ не ищетъ въ немъ какихъ-нибудь куріозныхъ характеровъ или эксцентрическихъ положеній, онъ не гонится также и за созданіемъ характеровъ идеальныхъ; наконецъ, не встрѣтите также въ его сочиненіяхъ особаго сочувствія къ людямъ извѣстныхъ убѣжденій, онъ никого также и ничто не поражаетъ сатирою. Перечитывая его сочиненія, вы не переноситесь въ какой-нибудь особый идеальный міръ, но какъ будто продолжаете жить съ тѣми обыкновенными, будничными людьми, которыми окружены ежедневно: но въ то же время вы чувствуете, какъ эти обыкновенные, причастные многихъ слабостей люди, открывая предъ вами сокровеннѣйшія тайны своего сердца, обнаруживаясь всею полнотою своей души, становятся вамъ близкими и неотразимо влекутъ васъ къ себѣ, затягиваютъ въ волнующіе ихъ жизненные интересы. Л. Н. Толстой дѣйствительно не выбираетъ своихъ героевъ, не сочиняетъ ихъ; но онъ какъ будто владѣетъ даромъ, подойдя къ первому встрѣтившемуся человѣку, открыть въ немъ сразу самыя интересныя черты, показать именно тѣ стороны души, которыя заставятъ насъ узнать въ немъ родственное вамъ существо — брата вашего. Настроеніе, производимое его сочиненіями, совершенно противоположно тому, какое возбуждается, напр., голо-сатирическимъ направленіемъ. Кто не испытывалъ въ себѣ, послѣ чтенія какихъ-либо обличительныхъ очерковъ, замашки подозрѣвать въ первомъ попавшемся незнакомомъ человѣкѣ всѣхъ, только что описанныхъ, пороковъ и не ставилъ мысленно съ нѣкоторой гордостью глубокой грани

Digitized by Google

между имъ и собой. Кто, напротивъ, послѣ чтенія графа Л. Н. Толстого не останавливался со вниманіемъ на людяхъ, повидимому ничтожныхъ, и не задумывался, глядя на нихъ, о той вѣчной безустанной работѣ ума и сердца, которая досталась на долю каждаго человѣка и которая по преимуществу и дѣлаетъ всѣхъ людей родственными между собою.

Графъ Л. Н. Толстой принадлежитъ у насъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, которые черпаютъ и задачи и самый матеріалъ своихъ сочиненій прямо изъ источника, изъ жизни; дѣятельность его возникла и развилась очевидно не потому, что онъ нашелъ готовымъ какое-либо направленіе въ литературѣ, за которымъ и послѣдовалъ, не потому также, чтобы онъ предварительно выработалъ себѣ или взялъ готовыми убѣжденія извѣстнаго общественнаго оттѣнка, съ которыми и приступилъ къ жизни, отыскивая въ ней только данныхъ для своихъ готовыхъ уже задачъ; очевидно, что онъ постоянно, самостоятельно и упорно всматривался въ явленія жизни, ради ихъ самихъ; добросовѣстнѣйшимъ образомъ размышлялъ о множествѣ самыхъ мелкихъ отношеній, связывающихъ, а иногда и путающихъ людскую жизнь и притомъ не спѣшилъ къ какимъ-либо общимъ выводамъ, а главное ничѣмъ предвзятымъ не загораживалъ себѣ прямого и непосредственнаго взгляда на жизнь. Этимъ только и можно объяснить столь подробный, часто поразительно глубокій анализъ его, доходящій иногда до щегольства этою силою. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, что среди нѣсколькихъ, довольно сильныхъ и увлекательныхъ направленій, существующихъ въ нашей литературѣ, Л. Н. Толстой умѣлъ найти свой особенный путь и добыть изъ своихъ наблюденій результаты, никѣмъ другимъ не добытые, но въ то же время не призрачные, а составляющіе несомнѣнное достояніе нашей литературы и общества. Мы даже увѣрены, что цѣнность этихъ результатовъ будетъ поднята въ будущемъ и тогда имя гр. Л. Н. Толстого не будетъ столь рѣдко упоминаемымъ именемъ въ нашей критикѣ, какъ это мы заявили въ началѣ статьи.

Digitized by Google

Но постараемся объяснить еще ближе, въ чемъ, по нашему разумѣнію, заключалось существенное дѣло гр. Л. Н. Толстого и какая именно задача выпала на долю его, среди многихъ задачъ, разрѣшаемыхъ въ послѣднее время нашими литературными дѣятелями. Между тѣмъ, какъ наша обличительная литература совершала свое гражданское дѣло, не безъ основанія пренебрегая строгими литературными формами и спѣша поколебать какъ можно болѣе основъ стараго, дряхлаго порядка, расшевелить и вовлечь въ жизненную борьбу какъ можно болѣе интересовъ; тихая, не столь трескучая, но болѣе глубокая дѣятельность нашихъ лучшихъ писателей продолжала свое непрерывное служеніе той же общей пользѣ, хотя и не отказывалась, да и не могла отказаться, по своей природѣ, отъ поэтическаго обаянія своихъ произведеній. Еще не такъ давно, въ жару перваго увлеченія обличительною литературой, это подвергалось со стороны нѣкоторыхъ критиковъ сомнѣнію, но теперь едва ли наша мысль встрѣтитъ съ чьей-либо стороны возраженіе, что сочиненія Островскаго или Тургенева, напр., въ сильной степени содѣйствуютъ намъ на пути къ нашему самосознанію, а, слѣдовательно, и помогаютъ развитію общества и притомъ самымъ прочнымъ образомъ, совершая переворотъ въ идеяхъ и взглядахъ—объ этомъ едва ли и стоитъ подробно говорить въ наше время. Относительно двухъ послѣднихъ дѣятелей критика сдѣлала даже довольно много, опредѣливъ обстоятельно характеръ ихъ дѣятельности и указавъ ту долю вліянія, какое каждый изъ нихъ имѣлъ на общественное сознаніе. Мы считаемъ необходимымъ повторить здѣсь вкратцѣ эти выводы критики, прежде нежели перейдемъ къ гр. Л. Н. Толстому.

Чуткое вниманіе ко всѣмъ переворотамъ мысли, ко всѣмъ броженіямъ, совершившимся въ образованныхъ слояхъ нашего общества, внутренняя исторія въ лицахъ стремленій и идей лучшихъ людей послѣдняго времени; съ другой стороны, страстное стремленіе къ идеалу, глубокій, тонкій и безпощадный анализъ и обличеніе всего того, что начинало принимать опредѣленную форму въ нашей жизни и

Digitized by Google

старалось выдать себя за установившійся идеалъ—таковы главнѣйшія черты дѣятельности И. С. Тургенева, какъ истолкованы онѣ нашей критикой. Нечего объяснять, конечно, послѣ сказаннаго, ни широты задачъ автора, ни того огромнаго и благотворнаго вліянія, какое должна была имѣть на все умственное и нравственное развитіе молодого поколѣнія поэтическая дѣятельность, захватывающая столь много самыхъ жизненныхъ и въ то же время часто самыхъ тонкихъ вопросовъ.

Вѣрное воспроизведеніе коренной народной жизни въ безчисленныхъ типахъ, яркихъ по языку, ясно, смѣло и твердо очерченныхъ въ ихъ внутреннемъ складѣ; глубокое пониманіе тѣхъ общихъ основъ, которыми слагалась и на которыхъ держится понынѣ эта жизнь, туго поддающаяся цивилизаціи; мастерское изображеніе тѣхъ многихъ отношеній то комическихъ, то полныхъ драматизма, которыя условливаются внутреннимъ складомъ народнаго быта и его неизбѣжными столкновеніями съ цивилизаціею, врывающеюся въ эту замкнутую жизнь, то мародерскимъ образомъ, то явнымъ и справедливымъ протестомъ—таковы по указаніямъ нашей критики общія самыя характеристическія черты дѣятельности А. Н. Островскаго. Нужду и пользу такой дѣятельности, конечно, также не стоитъ объяснять.

Такимъ образомъ, не говоря уже о сочиненіяхъ многихъ другихъ второстепенныхъ писателей, дѣйствующихъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по одному изъ этихъ указанныхъ направленій, двое передовыхъ нашихъ поэтовъ, повидимому, захватили все поле литературной дѣятельности, взяли на себя всѣ задачи, которыя подлежатъ поэзіи, какъ силѣ цивилизующей. Въ самомъ дѣлѣ, народный бытъ, ярко воссоздаваемый и объясняемый, его столкновенія съ идущей мимо него или задѣвающей его цивилизаціей, движеніе этой самой цивилизаціи, тонко и мастерски анализованное, всѣ лучшія стремленія эпохи, вѣрно схваченныя и воплощенныя въ поэтическія образы—развѣ здѣсь не всѣ задачи, которыми, при данномъ историческомъ положеніи нашемъ, поэзія можетъ и должна заниматься, не отказываясь отъ

Digitized by Google

своего самостоятельнаго существованія? Какую же еще оригинальную поэтическую задачу можно найти у Л. Н. Толстого или у кого-либо другого?.. Послѣ многихъ отступленій пора, наконецъ, отвѣчать прямо на вопросъ. Во-первыхъ, два господствующія и только что нами очерченныя направленія, только повидимому исчерпываютъ всевозможныя отношенія поэзіи къ русской дѣйствительности. По силѣ своихъ главныхъ представителей и вслѣдствіе установившихся въ литературѣ и обществѣ извѣстныхъ взглядовъ на наше развитіе, два эти направленія представляются въ настоящее время дѣйствительно господствующими и, конечно, и въ будущемъ не потеряютъ своего значенія. Но, какъ читатель легко могъ замѣтить, оба они больше касаются метаморфозъ, которымъ подвергается наше общество въ настоящее время подъ вліяніемъ цивилизаціи, пока все еще чуждой намъ. Что еще до сего времени эта цивилизація остается намъ чужою, видно и изъ того, какъ быстро формируются и столь же быстро измѣняются оттѣнки убѣжденій въ образованныхъ слояхъ нашего общества и изъ той глухой, часто полной драматизма, борьбы, которая ведется нашимъ народнымъ бытомъ съ различными представителями цивилизованаго начала. Мы не хотимъ сказать, чтобы дѣятельность двухъ главныхъ направленій нашей литературы, и, въ особенности, двухъ главныхъ представителей этихъ направленій, вся исчерпывалась изображеніемъ преходящихъ явленій нашего общества; но, по крайней мѣрѣ, эти стороны ихъ дѣятельности всего болѣе на виду, они кажутся всѣмъ наиболѣе нужными въ настоящую минуту, они по преимуществу теперь интересуютъ критику и общество. Прогрессъ, прогрессъ, во чтобы-то ни стало—есть пока еще передовой и законный крикъ нашего пробужденнаго общества и онъ неизбѣжно будетъ нашимъ девизомъ, пока мы не получимъ полнаго и глубокаго убѣжденія въ томъ, что прогрессъ этотъ освѣтилъ все, что онъ сталъ неотразимою, безвозвратною силою. По этимъ соображеніямъ дѣйствуетъ наша литература, того же по преимуществу желаетъ видѣть критика въ нашихъ передо-

Digitized by Google

выхъ литературныхъ дѣятеляхъ. О прочныхъ основахъ для пересозданія жизни, о степени значенія въ этомъ дѣлѣ наличныхъ нравственныхъ силъ нашего народа и общества и о другихъ подобныхъ вопросахъ еще не пришло время разсуждать серіозно, слышатся пока еще одинокіе голоса этого рода, да и тѣ еще сами смутно сознаютъ свою задачу.

Избравъ своей задачей недвижущіяся начала и силы нашего общества, всматриваясь въ душу русскаго человѣка не съ тѣхъ сторонъ, которыми она сталкивается съ наступающимъ прогрессомъ, отдаваясь ли безсознательно его вліянію или упорно борясь противъ его требованій, Л. Н. Толстой естественно долженъ былъ очутиться какъ бы одинокимъ среди совершающагося движенія и живыхъ общественныхъ вопросовъ, имъ возбуждаемыхъ. Его по преимуществу интересуютъ тѣ прочныя, вѣчныя, можно сказать, отношенія, которыя, при какихъ бы то ни было общественныхъ переворотахъ, при какой бы то ни было формѣ цивилизаціи продолжаютъ самымъ прочнымъ образомъ связывать людей, сплачивать ихъ въ одно общее цѣлое — это отношенія семейныя, супружескія, отношенія къ землѣ, къ близкимъ и т. п. И нужно сознаться, что отношенія этого рода, при недостаткѣ у насъ публичной жизни, при отсутствіи политическихъ партій, при особенномъ характерѣ нашей исторіи, заключавшемся главнѣйшимъ образомъ въ собираніи земли и отстаиваніи себя извнѣ — должны представлять едва ли не самый обильный матеріалъ для поэзіи, самыя характеристическія черты русскаго склада жизни. Нельзя сказать, конечно, чтобы отношенія этого рода вовсѣ не были затрогиваемы въ нашей литературѣ; но они по преимуществу разсматривались съ сатирической стороны, въ нихъ брали почти исключительно то, что въ нихъ устарѣло и отжило, и это отжившее и устарѣлое весьма справедливо казнили во имя разума и новыхъ гуманныхъ идей. Блестящее исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи г-жа Кохановская, но ея высоко талантливыя произведенія, озаривъ яркимъ поэтическимъ свѣтомъ многія черты нашего

Digitized by Google

быта, потому однако и не возбуждаютъ всеобщаго сочувствія, что она какъ будто пристрастна къ старинѣ и старается выдать намъ сильные и яркіе народные типы чуть не за идеалы, а старую жизнь нашу представляетъ уже слишкомъ исключительно поэтическою. Гр. Л. Н. Толстой вовсе ничего не проповѣдуетъ, онъ не пристрастенъ ни къ старой жизни, ни къ новымъ порядкамъ, онъ не идеализуетъ народа или чего бы то ни было. Но какого быта въ русской жизни ни коснется онъ, онъ тотчасъ умѣетъ открыть въ немъ серіозную сторону, найти въ ней звуки, родные каждому русскому, и въ то же время не узконаціональные, а общечеловѣческіе, гуманные. Каждое лицо, которое онъ подвергаетъ анализу въ своихъ сочиненіяхъ, интересуетъ его не потому, велико ли оно или ничтожно, хорошо или дурно, такія или иныя убѣжденія имѣетъ оно, а по тѣмъ человѣческимъ движеніямъ, которыя живутъ въ каждомъ, по тѣмъ безчисленнымъ нравственнымъ нитямъ, какими каждый человѣкъ связанъ со всѣмъ его окружающихъ. Душа въ своихъ глубочайшихъ и вѣчныхъ проявленіямъ и притомъ русская душа, жизнь, просто жизнь, какъ она есть, т.-е. постоянное столкновеніе одной мыслящей и чувствующей души съ другими, отношенія отсюда развивающіяся и, наконецъ, крѣпкимъ узломъ связывающія человѣка съ остальными людьми, радости и горести отсюда истекающія, обязанности этими отношеніями налагаемыя—вотъ главнѣйшее содержаніе сочиненій гр. Л. Н. Толстого. Идеалъ его—это здоровая, цѣльная жизнь души, это правда и искренность отношеній. Но если Л. Н. Толстой еще не успѣлъ найти и воплотить для насъ своего идеала—онъ успѣлъ однако собрать для него много матеріала, и этотъ разсѣянный по его сочиненіямъ матеріалъ, эти безчленныя, добрыя и честныя движенія, которыя авторъ видитъ повсюду, но которыя пока остаются какими-то разрозненными и потому безсильными—все это составляетъ именно то влекущее и отрадное, чѣмъ запечатлѣна бо́льшая часть выведенныхъ имъ лицъ.

Мы старались опредѣлить по крайнему нашему разумѣ-

Digitized by Google

нію существенный характеръ дѣятельности графа Л. Н. Толстого. Но мы чувствуемъ, что сказанное до сихъ поръ можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Это можетъ случиться, во-первыхъ, по нѣкоторой неясности нашего опредѣленія, которая весьма возможна при первой попыткѣ свести всю дѣятельность писателя къ общимъ чертамъ; во-вторыхъ, потому, что дѣятельность графа Л. Н. Толстого до сихъ поръ была по преимуществу какъ бы приготовительною, состояла по преимуществу какъ бы изъ этюдовъ, правда мастерскихъ, но не заключавшихъ въ себѣ однако явнымъ образомъ тѣхъ задачъ, которыя мы считаемъ его главнѣйшими задачами. Только въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ эта задача, какъ мы ее понимаемъ, выразилась съ нѣкоторою опредѣленностію и полнотою, таковы: „Дѣтство и Отрочество“, Семейное Счастіе“, новая повѣсть „Казаки“; въ другихъ же сочиненіяхъ графа Толстого или не было вовсе опредѣленнаго, ясно сознаннаго авторомъ направленія, или оно пробивалось наружу лишь отчасти, какъ бы безъ воли самого автора. Но, какъ бы то ни было, успѣли мы опредѣлить до извѣстной степени сущность міросозерцанія Л. Н. Толстого, или ошиблись, это міросозерцаніе стройное, опредѣленное, оригинальное, уже обозначилось, и мы съ полнымъ правомъ можемъ привѣтствовать въ нашей литературѣ живую струю, еще мало разработанную и авторомъ и критикой, но обѣщающую въ будущемъ весьма многое.

Разборъ новой повѣсти графа Л. Н. Толстого—„Казаки“ поможетъ намъ до извѣстной степени продолжать нашъ этюдъ объ общемъ смыслѣ дѣятельности этого писателя. Молодой человѣкъ Дмитрій Андреевичъ Оленинъ, уже пожившій и насладившійся жизнью въ московскомъ свѣтскомъ обществѣ, но еще не потерявшій въ этой жизни свѣжести сердца, еще сохранившій всю впечатлительность юности, еще полный ея надеждъ и благородныхъ порывовъ, рѣшается покинуть надоѣвшую ему, отчасти разстроившую его состояніе, но, главное, пустую жизнь, какую велъ до сихъ поръ, и отправляется юнкеромъ на Кавказъ. Авторъ почти

Digitized by Google

не останавливается на прежней жизни своего героя. Изъ короткой, но прекрасной сцены отъѣзда Оленина изъ Москвы, вы, правда, чуете отчасти среду, которую покидаетъ герой нашъ, но изъ подробностей узнаете только, что онъ оставляетъ пріятелей, пожалуй друзей, которые, впрочемъ, немедленно по его отъѣздѣ, спокойно разговариваютъ о завтрашнемъ днѣ, клубѣ и т. п. Гораздо важнѣе для насъ тонкая отмѣченная авторомъ черта героя, а именно, что онъ оставляетъ Москву, зная, что онъ любимъ, но именно потому, что не можетъ отвѣчать на эту любовь серіозно, такъ, какъ онъ понимаетъ это чувство.

Пропуская затѣмъ путь Оленина до Кавказа, давшій, впрочемъ, автору прекрасный поводъ ко множеству тонкихъ психологическихъ замѣтокъ, которыми, какъ мы уже говорили выше, графъ Л. Н. Толстой иногда даже просто щеголяетъ, мы переносимся съ героемъ прямо на Кавказъ; первое впечатлѣніе, произведенное на воспріимчивую душу юноши снѣговыми горами и, такъ сказать, сразу давшее ему топъ для всѣхъ будущихъ впечатлѣній, пусть передастъ намъ самъ авторъ. Рано утромъ Олениннъ проснулся отъ свѣжести въ своей перекладной, и равнодушно взглянулъ направо. Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидалъ шагахъ въ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту, чисто бѣлыя громады съ ихъ нѣжными очертаніями и причудливую воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между имъ и горами, и небомъ, всю громадность горъ, и когда почувствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

—„Что это? Что это такое? спросилъ онъ у ямщика.

—„А горы, отвѣчалъ равнодушно ногаецъ.

— И я тоже давно на нихъ смотрю, сказалъ Ванюша,— вотъ хорошо-то! Дома не повѣрятъ.

„На быстромъ движеніи тройки по ровной дорогѣ, горы, казалось, бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала горы толь-

Digitized by Google

ко удивили Оленина, потомъ обрадовали, но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту, не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо изъ степи вырастающую и убѣгающую цѣпь снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту и *почувствовалъ* горы. Съ этой минуты все, что только видѣлъ онъ, все, что онъ думалъ, все, что онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспоминанья, стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ, всѣ исчезали и не возвращались болѣе. „Теперь началось", какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ. И дорога, и вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ— все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо и вспомнитъ горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу—и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чехлахъ равномѣрно поматываются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекомъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы... Солнце всходитъ и блещетъ на виднѣющемся изъ за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, женщины ходятъ красивыя, женщины молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила и молодость; а горы..."

Къ этой картинѣ, разомъ дающей и объективное представленіе о горахъ и глубокое впечатлѣніе ихъ на душу героя, кажется, не нужно комментарій. Просимъ только обратить вниманіе на то обстоятельство, что эта картина не случайно попала въ повѣсть. У Толстого нѣтъ ничего лишняго: первое впечатлѣніе Кавказа на Оленина было рѣшительное, роковое; оно потомъ уже неизбѣжно кидало свой колоритъ на все, что увидѣлъ и узналъ онъ и, безъ сомнѣнія, имѣло даже вліяніе на его дальнѣйшую судьбу на Кавказѣ.

Авторъ какъ бы оставляетъ затѣмъ на нѣсколько времени своего героя, даетъ ему пережить первыя впечатлѣнія кавказской боевой жизни, свыкнуться нѣсколько съ новымъ бытомъ, однимъ словомъ, очевидно, избѣгаетъ тѣхъ

Digitized by Google

рутинныхъ описаній, на которыя не поскупился бы обыкновенный разсказчикъ. Затѣмъ мы уже прямо находимъ Оленина въ казацкой станицѣ Новомлинской, куда Оленинъ прибылъ на стоянку съ своей ротой и гдѣ именно происходитъ главное дѣйствіе повѣсти. Посмотримъ прежде на Оленина, успѣвшаго уже испытать на себѣ вліяніе дѣятельной, трудовой жизни и свѣжей могучей кавказской природы.

„Оленинъ на видъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Вмѣсто бритыхъ скулъ, у него были молодые усы и бородка. Вмѣсто истасканнаго ночною жизнью темноватаго лица,—на щекахъ, на лбу, за ушами былъ красный здоровый загаръ. Вмѣсто чистаго, новаго чернаго фрака, была бѣлая, грязная съ широкими складками черкеска и оружіе. Вмѣсто свѣжихъ крахмальныхъ воротничковъ, красный воротъ капаусоваго бешмета, который стягивалъ загорѣлую шею. Онъ былъ одѣтъ по-черкесски, но плохо, всякій узналъ бы въ немъ русскаго, а не джигита. Все было такъ, да не такъ. Несмотря на то, вся наружность его дышала здоровьемъ, веселостью и самодовольствомъ".

Мы бы отъ души желали передать словами самого автора жизнь станицы, куда судьба занесла Оленина, этой общины издавна поселенныхъ здѣсь раскольниковъ казаковъ, на которыхъ и ихъ происхожденіе, и вѣра, и трудовая, полная опасностей и волненій жизнь, и замкнутость ихъ общины, и богатая, величественная природа—вся обстановка, однимъ словомъ, положили свою самобытную, особенную печать; но въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы перепечатать чуть не бо́льшую часть всей повѣсти. Подъ мастерскимъ перомъ автора предъ нами возстаетъ какая-то новая, вовсе незнакомая намъ жизнь, о которой всѣ прежнія описанія Кавказа не давали никакого понятія. Представьте себѣ цѣлое общество людей, какъ будто оторванныхъ отъ остального міра и поселенныхъ бокъ о бокъ съ враждебнымъ племенемъ ногайцевъ. Одинъ только Терекъ отдѣляетъ эти два вѣчно враждующіе міра, и всевозможныя военныя хитрости, разнообразнѣйшія выходки удальства съ обѣихъ сторонъ стал-

Digitized by Google

кипаются безпрерывно на этой естественной грани. Можно представить себѣ, какое закаленное, сильное, оригинальное племя должно было выработаться среди такой жизни, какая крѣпкая, родственная, общая жизнь должна связывать внутреннѣйшимъ образомъ всѣхъ членовъ этой огромной воюющей семьи, хотя повидимому они также и сплетничаютъ и ссорятся между собой, какъ бы жители какого-либо великороссійскаго уѣзднаго города. Три типическихъ лица изъ этой станицы очерчены подробно гр. Л. Н. Толстымъ и играютъ роль въ его разсказѣ. Первый—это дядя Ерошка, семидесяти-лѣтній казакъ бобыль, стараго, уже прошедшаго времени, казакъ атлетическаго сложенія, когда то первый удалецъ въ станицѣ, молодецъ на всѣ руки: отбить ли табунъ у непріятеля, гулять ли и пьянствовать безпросыпу, человѣкъ, который ни въ поступкахъ, ни въ мысляхъ не привыкъ останавливаться ни передъ чѣмъ, которому забродятъ даже въ голову и такія мысли, что „умрешь, трава вырастетъ на могилкѣ, вотъ и все". Теперь онъ уже нѣсколько чужой среди новаго поколѣнія, въ которомъ и самъ не видитъ прежнихъ казацкихъ доблестей. Всѣ его занятія и средства пропитанія заключаются въ охотѣ, да въ даровомъ угощеніи чихиремъ или водкой, когда случится. Съ станицей у него нѣтъ слишкомъ крѣпкихъ связей, и онъ даже посмѣивается надъ старовѣрствомъ казаковъ и ихъ разными предразсудками, ему больше по душѣ прохожіе русскіе солдаты, да и самъ онъ въ станицѣ не пользуется большимъ уваженіемъ: казаки шутятъ надъ нимъ, мальчишки дразнятъ на улицахъ. Этотъ человѣкъ уже слишкомъ увлекся удальствомъ дѣла и мысли, выскочилъ вовсе вонъ изъ родной сферы и сталъ какимъ-то жалкимъ, одинокимъ, хотя еще физически сильнымъ существомъ. Другой типъ—это богатый хорунжій въ станицѣ и въ мѣстѣ школьный учитель, человѣкъ, уже хватившій нѣсколько образованности и потому съ господами русскими офицерами и юнкерами говорящій на тонкой деликатности. Очевидно, что онъ уже не считаетъ себя заурядъ со всѣми, да и не чувствуетъ влеченія къ той удалой и опасной жизни, которую ведутъ истинные

Digitized by Google

казаки. Его уже по преимуществу занимаетъ стяжаніе, онъ гордъ и важничаетъ предъ другими казаками и богатствомъ и красотой дочери Марьяны. Однимъ словомъ, это типъ часто повторяющійся, встрѣчающійся вездѣ, гдѣ крѣпкая, самобытная естественная жизнь сталкивается съ цивилизаціею и хватаетъ отъ нея на первый разъ внѣшнія, пустыя формы да кое-что изъ ея болѣзней.

Третій типъ—это Лукашка, молодой казакъ новаго времени, такой же первый удалецъ станицы, какимъ въ свое время былъ дядя Ерошка, типъ живой, цѣльный, какъ все, что рисуетъ Л. Н. Толстой. Авторъ посвящаетъ ему много страницъ въ своей повѣсти, въ самой идеѣ которой онъ играетъ немаловажную роль. Это смѣлая, прямая натура, очевидно, богаче другихъ одаренная и потому въ торжественныхъ случаяхъ невольно подчиняющая себѣ другихъ; въ обыкновенное же время это такая же, какъ и другія, гульливая голова, страстная по натурѣ, но въ то же время легко и свободно ко всему относящаяся. Мы видимъ Лукашку въ самую лучшую пору его жизни: на нашихъ глазахъ онъ совершаетъ свой первый воинскій подвигъ —убійство абрека, и потомъ все болѣе и болѣе развертывается его удальство. Красавица Марьяна, его невѣста, уже сговоренная съ нимъ, но ему мало этого — ему хочется не брачной любви, но любви просто, и онъ добивается тайнаго съ ней свиданія. Получивъ отказъ, онъ утѣшается виномъ и старой любовницей. Удальство у него во всемъ, онъ и погибаетъ оттого, что бросается на раненаго, но вооруженнаго еще черкеса, желая захватить его живого. Если таково мужеское населеніе Новомлинской станицы, то не менѣе оригинально и женское. Вотъ тѣ общія черты, которыми авторъ характеризуетъ казацкій бытъ и отношенія въ немъ двухъ половъ. „Казакъ, который при посторонихъ считаетъ неприличнымъ ласково или праздно говорить со своею бабою, невольно чувствуетъ ея превосходство, оставаясь съ нею глазъ на глазъ. Весь домъ, все имущество, все хозяйство пріобрѣтено ею и держится только ея трудами и заботами. Хотя онъ и твердо убѣжденъ, что

Digitized by Google

трудъ постыденъ для казака и приличенъ только работнику ногайцу и женщинѣ, онъ смутно чувствуетъ, что все, чѣмъ онъ пользуется и называетъ своимъ, есть произведеніе этого труда и что во власти женщины, матери или жены, которую онъ считаетъ своею холопкою, лишить его всего, чѣмъ онъ пользуется. Кромѣ того постоянный, мужской, тяжелый трудъ и заботы, переданныя ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характеръ гребенской женщинѣ, поразительно развили въ ней физическую силу, здравый смыслъ, рѣшительность и стойкость характера. Женщины большею частью и сильнѣе, и умнѣе, и развитѣе, и красивѣе казаковъ. Красота гребенской женщины особенно поразительна соединеніемъ самаго чистаго типа черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Казачки носятъ одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешметъ и чувяки, но платки завязываютъ по-русски. Щегольство, чистота и изящество въ одеждѣ и убранствѣ хать составляютъ привычку и необходимость ихъ жизни. Въ отношеніяхъ къ мужчинамъ женщины и особенно дѣвки пользуются совершенной свободой. Столица Новомлинская считалась корнемъ гребенскаго казачества. Въ ней болѣе, чѣмъ въ другихъ, сохранились нравы старыхъ гребенцовъ, и женщины этой станицы издстари славились своею красотою по всему Кавказу. Средства жизни казаковъ составляютъ виноградные и фруктовые сады; бахчи съ арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посѣвы кукурузы и проса, и военная добыча".

Такова оригинальная, интересная среда, куда попалъ нашъ герой, бѣжавшій отъ фальшивой свѣтской жизни въ лоно природы, съ сердцемъ, жаждавшимъ живыхъ и глубокихъ ощущеній, не забудемъ, на первыхъ же порахъ приподнятый во всемъ существѣ своемъ могучими, свѣжими впечатлѣніями Кавказа. Не трудно догадаться, что хозяйская дочь, эта дикая, пугливая красавица Марьяна, съ сильною, но сдержанною страстью, не могла мелькать безпрерывно предъ глазами постояльца, не производя на него сильнаго впечатлѣнія. Но здѣсь и начинается собственно

Digitized by Google

внутренній романъ нашего героя, романъ сложный и запутанный, какъ все, что совершается въ человѣкѣ искусственномъ и изломанномъ при его столкновеніи съ средою грубою, но свѣжею, цѣльною и естественною. Прежде всего Оленинъ постарался закрыть глаза на появившееся въ немъ чувство. Кстати, мы не считаемъ нужнымъ доказывать здѣсь возможность истинной страсти въ развитомъ человѣкѣ къ почти дикаркѣ. Кто читалъ повѣсть г. Толстого, тому не понадобится никакихъ объясненій. Впрочемъ, для крайнихъ скептиковъ мы прибавимъ одно замѣчаніе. Пусть вспомнятъ они, что Оленинъ бросилъ нарочно свѣтскую жизнь, надоѣвшую ему, что здѣсь на Кавказѣ она представлялась ему какъ нѣчто чужое, страшно далекое, что ничьи насмѣшки, шутки не могли загасить этой любви въ самомъ началѣ, пусть вспомнятъ они, наконецъ, постоянное уединеніе Оленина, постоянное обаяніе этой дикой, но свѣжей, здоровой жизни, эту поэтическую обстановку и т. д., но, повторяемъ, само изложеніе повѣсти говоритъ лучше всякихъ нашихъ объясненій.

Итакъ, Оленинъ прежде всего закрылъ глаза на развивавшуюся въ немъ страсть. Онъ даже дошелъ до того въ тонкихъ изворотахъ своей души, что, послѣ свиданья и поцѣлуевъ Марьяны съ Лукашкой на его глазахъ, почувствовалъ любовь къ своему сопернику и рѣшилъ, что нужно жертвовать собой. Въ этихъ благихъ мыслихъ онъ даже подарилъ Лукашкѣ коня, при чемъ послѣдній не преминулъ подумать, что баринъ подкупаетъ его на что-нибудь. Такое самообольщеніе Оленина, какъ ни хитро оно было придумано, не могло продолжаться далѣе извѣстнаго срока. Обстоятельство отчасти случайное, какъ пріѣздъ въ станицу свѣтскаго пріятеля Оленина, князя Бѣлецкаго, отчасти самое развитіе страсти въ душѣ Оленина и неизбѣжныя, частыя столкновенія съ дикой, гордой, недоступной и потому тѣмъ болѣе привлекательной красавицей Марьяной —должны были, наконецъ, открыть глаза Оленину на его чувства и отношенія къ Марьянѣ. Кстати, по поводу Бѣлецкаго. Въ немъ, въ противоположность нѣсколько рома-

Digitized by Google

нической, мечтательной, малопрактической, но чрезвычайно деликатной въ своихъ отношеніяхъ натурѣ Оленина, авторъ представляетъ намъ типъ того рода людей, которыя смотрятъ на жизнь и на отношенія свои къ другимъ съ удивительною легкостью, людей, у которыхъ всегда на первомъ планѣ они сами, ихъ взгляды, привычки, предубѣжденія, а другіе люди, какіе бы они тамъ ни были, только орудія, способствующія имъ прожить болѣе или менѣе счастливо и весело. Такимъ людямъ обыкновенно все удается, потому, во-первыхъ, что и желанія-то ихъ не очень замысловатыя, а во-вторыхъ, потому, что они и не кладутъ всей души въ свои сношенія съ людьми и потому, всегда, при первыхъ неудобствахъ или препятствіяхъ, легко могутъ отступать безъ страданій. Между тѣмъ какъ Оленинъ, влюбившись по уши въ красавицу Марьяну, путается и конфузится на каждомъ шагу, не умѣя подвинуть ни на шагъ своихъ отношеній къ Марьянѣ, не умѣя завоевать для своей любви никакихъ правъ; между тѣмъ какъ весь окружающій его новый и непонятный для него казачій міръ остается для него чѣмъ-то неугаданнымъ и недоступнымъ, куда онъ не рѣшается вступить дерзко и самонадѣянно съ своими взглядами и привычками, ловкій Бѣлецкій уже давно успѣлъ перезнакомиться и сблизиться со всею станицею, успѣлъ уже завести себѣ любовницу и подсмѣивается надъ платоническою любовью Оленина. Странное дѣло, Бѣлецкій, такъ нагло вломившійся въ эту замкнутую жизнь, не стѣсняющійся ничѣмъ въ своихъ отношеніяхъ съ новыми людьми, возбуждаетъ общее сочувствіе, а Оленинъ, на каждомъ шагу наблюдающій за собою, робкій и осторожный въ поведеніи, боящійся на каждомъ шагу оскорбить чужія убѣжденія или нравы, чужое сердце, однимъ словомъ—по преимуществу возбуждаетъ насмѣшки или подозрѣнія станицы.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ слѣдить подробно за развитіемъ и всѣмъ ходомъ любви, сначала безраздѣльной Оленина, а потомъ отчасти и раздѣляемой Марьяной; мы не можемъ дать читателю понятіе о различныхъ сценахъ встрѣчъ двухъ молодыхъ людей, на вечеринкѣ, напр., у

Digitized by Google

Бѣлецкаго, или въ саду при сборѣ винограда. Кто изъ почитателей таланта графа Л. Н. Толстого не знаетъ, какимъ мастерствомъ владѣетъ онъ нарисовать въ короткой сценѣ и отношенія лицъ, и ихъ глубочайшія внутреннія движенія, и природу ихъ окружающую.—Дѣло дошло, наконецъ, до того, что, несмотря на всю неловкость Оленина, его робкая, почтительная, но сильная страсть, обаяніе высшей цивилизаціи, новыхъ, незнакомыхъ ей идей въ разсказахъ Оленина, подѣйствовали на Марьяну, и она даже стала уклоняться отъ Лукашки. Само собою разумѣется, что Оленинъ не имѣлъ въ виду обольщенія Марьяны и потому, какъ только убѣдился въ своей любви къ ней и отчасти и въ ея расположеніи, онъ рѣшился жениться на ней и поселиться въ станицѣ. Впрочемъ, во всемъ этомъ есть что то странное и неясное для самого героя. Письмо, написанное Олениныимъ по случаю этого рѣшенія, чрезвычайно живо рисуетъ борьбу, пережитую нашимъ героемъ передъ этимъ рѣшеніемъ и вообще характеризуетъ состояніе его духа, очевидно восторженное и неспокойное. Всего любопытнѣе, что письмо это не писано ни къ кому и есть не болѣе какъ изліяніе собственныхъ чувствъ. Оленинъ и какъ будто оправдывается въ немъ и подзадориваетъ себя. Вообще онъ чувствуетъ, что собирается сдѣлать, женившись на Марьянѣ, не какое-либо обыкновенное, естественное дѣло, но какой-то подвигъ, что-то романическое. Именно это-то сознаніе неловкости и подзадориваетъ еще болѣе Оленина.

Совершенно неожиданный случай развязываетъ эту запутанную исторію. На одномъ изъ поисковъ за переправившимися на казацкую сторону ногайцами, гдѣ Оленинъ присутствуетъ, какъ простой дилетантъ, а Лукашка играетъ главную роль, послѣдняго ранятъ опасно пулею. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Марьяны, все, напущенное на нее долгимъ вліяніемъ Оленина, вся эта искусственная любовь къ образованному барину изчезаетъ какъ дымъ; въ ней сразу сказываются всѣ родственные, глубокіе инстинкты, связывающіе ее съ своими. Лукашка представляется ей во всемъ обаяніи своего истиннаго казацкаго молодечества, со

Digitized by Google

всѣмъ очарованіемъ любви нѣсколько грубой, но прочной и истинной, а не надуманной и искусственной. При первомъ, слѣдующемъ за тѣмъ намекѣ Оленина на любовь и бракъ Марьяна отталкиваетъ его какъ чужого... Олениnъ остается пока одинокимъ на распутьи между добровольно брошенною имъ прежнею жизнью и жизнью чуждою, которая отказалась принять его въ свою среду.

Главная, основная мысль новой повѣсти гр. Толстого очевидна. Это столкновеніе хорошей, но поломанной искусственною цивилизаціей души съ бытомъ грубымъ, но свѣжимъ, цѣльнымъ, крѣпко сплоченнымъ—при чемъ побѣда остается, конечно, на сторонѣ послѣдняго. Но такъ выраженная мысль повѣсти Л. Н. Толстого, безъ сомнѣнія, не вѣрно передала бы ея содержаніе. Въ томъ-то и дѣло, что истинно художественныя произведенія не исчерпываются голыми сентенціями. Они подаютъ, правда, поводъ къ извѣстному направленію мыслей, но сами же въ себѣ содержатъ и данныя, которыя, если не упущены изъ виду, не дадутъ мысли уклониться въ сторону. Мы почти увѣрены, что у насъ найдутся критики, которые въ повѣсти гр. Л. Н. Толстого готовы будутъ увидѣть измышленное предпочтеніе быта грубаго и естественнаго быту цивилизованной жизни. Но едва ли и стоитъ опровергать такое узкое и одностороннее пониманіе истинныхъ задачъ художественныхъ произведеній. Частный смыслъ, т.-е. собственно ближайшее содержаніе новой повѣсти Л. Н. Толстого составляетъ— въ высшей степени интересный эпизодъ изъ жизни человѣка съ прекрасными природными качествами, съ серіозными взглядами на жизнь и отношенія къ людямъ, но человѣка нѣсколько мечтательнаго, слабаго волею, мало практическаго и неумѣвшаго найти истинныхъ интересовъ въ окружавшемъ его обществѣ. Повѣсть Л. Н. Толстого представляетъ намъ именно тотъ моментъ изъ жизни Оленина, когда, оставивъ добровольно общество, которое надоѣло ему, отчасти по его собственной винѣ, онъ въ первый разъ сталкивается почти съ первобытными людьми и съ дѣвственной, дикой природой. Болѣе широкое содержаніе

Digitized by Google

повѣсти Л. Н. Толстого есть мастерской анализъ того обаянія, которое вообще въ испорченной до конца условными понятіями душѣ должна производить полная, цѣльная, естественная жизнь—жизнь среди природы и сообразно требованіямъ природы. Дѣйствительно, какъ бы ни справедливо гордились мы успѣхами нашей цивилизаціи, какъ бы крѣпко ни стояли мы за тѣ высшія формы соціальной жизни, которыя трудно вырабатывались тысячелѣтними усиліями—едва ли найдется серіозный и добросовѣстный человѣкъ, который бы иногда не тосковалъ глубоко объ утратѣ той непосредственной, первобытной свѣжести и энергіи впечатлѣній и дѣйствій, которыя навсегда уничтожены въ насъ нашею искусственною цивилизаціей. Такого рода тоска по первобытной правдѣ и простотѣ жизни по временамъ овладѣвала цѣлыми народами и поколѣніями, и если въ наше время она перестала уже являться эпидемически, то источникъ, причина ея, постоянно существуетъ и проявляется, хотя временами, въ отдѣльныхъ лицахъ. Такимъ образомъ то состояніе духа, тотъ психологическій процессъ, который совершился на Кавказѣ въ душѣ Оленина и съ такою силою и обаяніемъ изображенъ намъ графомъ Толстымъ, не есть какое-либо патологическое явленіе—напротивъ, представляетъ нѣчто типическое, естественное. Поэтому-то въ *письмѣ* Оленина, хотя оно и представляетъ много задорнаго и слишкомъ юношескаго, много лично принадлежащаго герою повѣсти, есть въ то же время и много правды, безусловной правды, которую всѣ мы, по большей части, заглушаемъ, но которая иногда прорвется-таки въ какомъ-нибудь восторженномъ юношѣ, поставленномъ внѣ прямыхъ и разнообразныхъ вліяній благъ цивилизаціи. Пренебрегать этимъ рѣзкимъ голосомъ тоски по утраченной нами естественности и цѣльности жизни вовсе не слѣдуетъ, какъ, можетъ быть, подумаютъ нѣкоторые изъ людей, постоянно боящихся, чтобы человѣчество не возвратилось къ дикому состоянію. Напротивъ, это именно и есть тотъ глубокій внутренній голосъ, который постоянно стремится найти въ жизни смыслъ, истинныя, непризрачныя цѣли, полную правду от-

Digitized by Google

ношеній и т. под. Безъ него, безъ этого внутренняго голоса, человѣкъ часто является въ жизни какимъ-то дилетантомъ, жуиромъ, которому въ цивилизаціи нравятся только ея внѣшнія стороны и удобства, который результатомъ многовѣковой жизни человѣчества видитъ только—комфортъ въ различныхъ видахъ и ничего болѣе.

Художественная заслуга новой повѣсти графа Толстого заключается въ томъ, что для событія не совсѣмъ обыкновеннаго и имѣющаго, какъ мы сейчасъ показали, глубокій общій смыслъ, онъ умѣлъ найти обстановку самую счастливую и въ то же время въ высочайшей степени естественную. Задача автора, то-есть анализъ одного изъ тѣхъ состояній души, которыя, будучи законными и естественными, рѣдко выражаются однако при обыкновенныхъ условіяхъ съ совершенною искренностью и яркостью, эта задача способна была выразиться только столкновеніемъ двухъ извѣстныхъ началъ. Но разберите каждую изъ этихъ двухъ сталкивающихся сторонъ отдѣльно—обѣ онѣ изображены съ такою глубиною и правдою, какъ будто авторъ только и имѣлъ въ виду ихъ самое добросовѣстное и точное воспроизведеніе. Психологическій анализъ всѣхъ переворотовъ, совершавшихся въ душѣ Оленина до и по встрѣчѣ его съ кавказскою жизнью и Марьяною—есть сама по себѣ задача, достойная пера художника. Съ другой стороны—бытъ Кавказа, его природа, эти различные казацкіе и непріятельскіе типы, рядъ картинъ, изображенныхъ поэтически, съ любовью, но безъ малѣйшей тѣни пристрастія—есть другая задача, счастливое исполненіе которой сдѣлало бы честь любому писателю. Мысль, о которой мы говорили выше, есть уже какъ бы добавочный подарокъ читателю и нѣчто такое, о чемъ, можетъ быть, не думалъ прямо авторъ, но что само собой навѣвается въ голову человѣку, привыкшему размышлять надъ прожитымъ, видѣннымъ или прочитаннымъ.

Мы сказали, что общая мысль, выше нами разъясненная, могла и не быть прямою задачею автора, но что она легко навѣвается его произведеніемъ. Точно также легко могутъ возбудиться повѣстью гр. Толстого и другія мысли.

Digitized by Google

Л. Н. Толстой, собственно говоря, изобразилъ намъ мастерскою кистью событіе совершенно частное: борьбу чувствъ, страстей, сомнѣній, однимъ словомъ отрывокъ изъ внутренней жизни одного молодого цивилизованнаго человѣка среди грубой, дикой, чуждой ему, но привлекательной жизни. Уже по одной глубинѣ и правдѣ анализа, по яркости каждой мелкой картины—повѣсть заслуживаетъ полнаго нашего вниманія; но она имѣетъ для насъ и другой интересъ, по близости ко всѣмъ намъ Оленина, по близости къ намъ той среды, которая породила его и изъ которой онъ бѣжалъ наконецъ. Мудрено ли, что повѣсть возбуждаетъ въ насъ многія мысли.

Намъ лично, напр., невольно приходятъ въ голову слѣдующіе вопросы. Такъ ли же бы отнесся цивилизованный иностранецъ къ той грубой и, очевидно, низшей средѣ, съ которой привелось столкнуться Оленину. А если нѣтъ, то какія же особенности отличаютъ цивилизованныхъ русскихъ людей отъ цивилизован. нѣмцевъ, французовъ, англичанъ? Наконецъ, въ пользу или не въ пользу русской натуры говоритъ эта легкость Оленина, съ которою онъ такъ скоро и безъ сожалѣнія рѣшается промѣнять блага высшей цивилизаціи, имъ уже испытанныя, на простую и грубую жизнь казаковъ? Принадлежитъ ли Оленинъ къ поколѣнію, уже отживающему свой вѣкъ, или мы можемъ возлагать надежды на людей этого склада? Въ другихъ повѣсть гр. Толстого можетъ возбудить и другіе вопросы. Но за всѣ эти мысли, къ какимъ бы результатамъ онѣ ни привели, авторъ уже не отвѣчаетъ—критика можетъ осудить его повѣсть лишь въ томъ случаѣ, когда найдетъ что-либо фальшивое въ самомъ содержаніи повѣсти, въ томъ простомъ фактѣ или событіи, которое изображено авторомъ. Такъ, напр., повѣсть гр. Л. Н. Толстого подлежала бы осужденію, или, лучше сказать, не имѣла бы никакого значенія, если бы можно было указать въ ней психологическія невѣрности, несообразности въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, пристрастное или умышленно-невѣрное представленіе изображаемаго быта. По нашему крайнему убѣжденію, новая повѣсть графа Л. Н. Т

Digitized by Google

стого безукоризненна въ этомъ отношеніи. Все, что сказано въ ней, можетъ быть принято безусловно, какъ фактъ изъ дѣйствительной жизни. Всѣ правильныя разсужденія о фактѣ, изображенномъ авторомъ, приведутъ непремѣнно и къ правильнымъ выводамъ, ибо, какъ всякое истинно-художественное произведеніе, повѣсть гр. Толстого даетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ глубже въ нее всматриваешься. Въ фальшивыхъ выводахъ, которыя можно сдѣлать изъ его повѣсти, авторъ, повторяемъ, не виноватъ.

Статья наша вышла бы черезъ мѣру длинною, если бы мы вздумали указать читателю на всѣ многочисленныя частныя достоинства новой повѣсти гр. Л. Н. Толстого. Но о нѣкоторыхъ общихъ чертахъ его художественныхъ пріемовъ мы считаемъ себя не въ правѣ умолчать. Такъ, напр., мы не можемъ не указать на его мастерскія изображенія природы, не расплывающіяся въ описаніяхъ и картинахъ, но въ двухъ, трехъ самыхъ типическихъ чертахъ сразу рисующія вамъ характеръ мѣстности вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ, какое оно неизбѣжно производитъ на душу. Еще болѣе цѣнимъ мы его высоко-правдивыя, не жеманныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сопровождаемыя чувствомъ глубокой мѣры, изображенія всѣхъ вещей и отношеній. Кого, напр., можетъ оскорбить это почти античное благоговѣніе Оленина предъ молодою и свѣжею красотою Марьяны, или нѣкоторыя страстныя сцены между ними; а описаніе трупа убитаго черкеса!—Только такія художественныя изображенія помогаютъ намъ видѣть прямыми и ясными глазами жизнь и природу, а не загораживаютъ ихъ отъ насъ красивыми, но безъ толку расписанными ширмами. Но довольно пока о „Казакахъ“; мы искренно желаемъ встрѣтиться поскорѣе съ новымъ произведеніемъ гр. Толстого, и тогда будемъ имѣть случай вновь побесѣдовать о его дѣятельности съ читателями.

Е. Эдельсонъ.

* * *

Digitized by Google

*) Лихорадочно-напряженное состояніе нашего общества всѣхъ выбиваетъ изъ колеи, въ особенности литераторовъ. Романисты пускаются въ полемику, публицисты пишутъ романы, историки—драмы, лирическіе поэты—статьи по хозяйственной части и, очень можетъ быть, что экзекуторы скоро начнутъ стихи писать. Я не критикъ, но, по желанію вашему, пишу и посылаю къ вамъ критическія замѣтки по поводу только что прочитанной мною повѣсти „Казаки", соч. графа Л. Н. Толстого.

Кто не читалъ самой повѣсти, тотъ лучше сдѣлаетъ, если прочтетъ ее прежде, чѣмъ станетъ читать письмо мое. Я не стану излагать содержаніе повѣсти и буду кратокъ по возможности; скажу вамъ то же, что сказалъ бы я и самому автору, если бъ по-старому увидѣлся съ нимъ и если бъ онъ спросилъ моего мнѣнія.

Повѣсть „Казаки" есть произведеніе замѣчательнаго художника и въ то же время не есть художественное произведеніе. Если бы оно было таковымъ, я не рѣшился бы взять на себя случайную роль судьи его. До уровня съ великими произведеніями искусства могутъ подниматься только великіе критики. Если-бъ оно было таковымъ, я пришелъ бы отъ него въ такой восторгъ, что ничего бы написать не былъ въ состояніи, да и самый восторгъ постарался бы скрыть отъ глазъ литературной братіи: никто не нашелъ бы въ немъ затаеннаго чувства патріотической гордости и никто бы не повѣрилъ его искренности,—до такой степени въ наши трудные дни потребность наслаждаться искусствами заглушена иными потребностями, которыя вопіютъ и требуютъ удовлетворенія.

Напрасно сталъ бы я увѣрять, что отъ наслажденій умственныхъ точно также плодятся идеи, какъ плодятся люди отъ наслажденій чувственныхъ. Мнѣ на это скажутъ: мы и съ тѣми-то идеями, которыя кой-какъ добыли, не знаемъ куда дѣваться, какъ провести ихъ въ жизнь и проч. и проч.

*) Я. Полонскій. „Время" 1863 г., № 3. Статья подъ заглавіемъ: „По поводу послѣдней повѣсти графа Л. Н. Толстого — „Казаки". (Письмо къ редактору „Времени".)

Digitized by Google

Напрасно я сталъ бы возражать, что отъ частныхъ или индивидуальныхъ идей еще далеко до идеи общей, всепокоряющей и всепроникающей, но что безъ первыхъ не будетъ и послѣдней, какъ безъ мелкихъ ручьевъ и стоковъ не образуется ни одной большой рѣки.

Что такое идеи?—скажутъ мнѣ:—идеи добываются фактами, а не вашими искусствами. Но... произведеніе искусства тотъ же фактъ, точно такъ же, какъ и всякое явленіе природы и точно такъ же достойно глубокаго изученія.

Когда новое явленіе природы поражаетъ естествоиспытателя, онъ наслаждается имъ или безсознательно, какъ и всякій смертный, или сознательно, т.-е. изучаетъ его, находитъ ему мѣсто въ ряду другихъ явленій, старается понять значеніе его для науки или для общества... Онъ можетъ долго и добросовѣстно изучать его, но спорить съ нимъ не можетъ. Точно такое же отношеніе критика къ истинно-художественному поэтическому созданію: онъ можетъ изучать его, но спорить съ нимъ не можетъ.

Да и кого бы могъ онъ оспаривать! Если произведеніе принадлежитъ лирическому поэту, носитъ на себѣ печать его личности (субъективное произведеніе), то поэтъ уже не поэтъ, если можно его оспаривать; да и есть ли возможность оспаривать человѣка, который иронически смѣется или горько плачетъ, если только вы вѣрите въ искренность его смѣха, въ непритворность слезъ его. Тѣмъ душевнымъ настроеніямъ, которыхъ печать лежитъ на лирической поэзіи, можно сочувствовать или не сочувствовать, можно покоряться или не покоряться ихъ магическому вліянію, но не спорить; если же это поэтъ объективный, романистъ, повѣствователь, драматургъ, вы будете имѣть дѣло съ его произведеніемъ,—до личности поэта вамъ и дѣла нѣтъ. Когда Гоголь напечаталъ свою переписку съ друзьями, съ нимъ можно было спорить, соглашаться и не соглашаться съ нимъ, но когда онъ напечаталъ свою повѣсть „Шинель“, отъ нея повѣяло такою жизнью, такою правдой, что изучать можно, даже находить кой-какіе недостатки можно, но есть ли возможность спорить съ такимъ произведеніемъ, въ которомъ не-

Digitized by Google

видать самого производителя, съ такимъ производителемъ, котораго мысль стала живымъ и яснымъ фактомъ. Промелькни эта мысль помимо факта, и споръ возможенъ—ибо мысль о жизни еще не жизнь, мысль о смерти—не смерть. Авторъ можетъ думать одно, читатель другое; онъ можетъ стоять на одной точкѣ зрѣнія, я на другой.

Графъ Л. Н. Толстой не лирикъ и не совершенно объективный писатель; что бы онъ ни писалъ, во всѣхъ его произведеніяхъ мелькаетъ его личность, выступаетъ собственная мысль его; такъ иногда онъ самъ себѣ мѣшаетъ, впутывая самого себя въ свои произведенія.

Когда я читалъ повѣсть его „Казаки", когда передо мной раскрывалась великолѣпная картина Кавказа, казацкой станицы, домашняго и воинственно-служебнаго быта казаковъ, я не могъ не чувствовать, что изъ-за рамы этой картины выглядываетъ самъ художникъ и учитъ меня, какъ понимать ее. Такъ, стало-быть, есть такія мѣста въ произведеніи, которыя сами по себѣ, безъ помощи художника, были бы неясны. Если есть—то картина не дорисована, не дописана и еще не имѣетъ права казаться вполнѣ художественнымъ произведеніемъ, а если все само собой ясно, то къ чему же подсказывать! Наше время особенно богато литературными произведеніями, вызывающими на споръ. Если-бъ произведеніе графа Л. Н. Толстого не дышало такою жизнью, не было поразительно такъ свѣжо, не заключало въ себѣ такъ много правды, словомъ не носило бы на себѣ печати сильнаго таланта, не стоило бы и спорить съ авторомъ.

Съ иными спорить трудно, потому что поневолѣ вѣришь имъ, потому что они стоятъ выше васъ и видятъ дальше васъ; съ иными трудно спорить, потому что большинство стоитъ за нихъ: мысль ихъ нравится молодому поколѣнію. Съ иными легко, потому что за нихъ меньшинство или болѣе или менѣе люди отсталые.

Трудность и легкость спора зависитъ также и отъ самаго произведенія. Жизнь, изображаемая авторомъ, стоитъ

Digitized by Google

или за его убѣжденія или безпрестанно, помимо воли его, противорѣчитъ имъ.

Съ графомъ Л. Н. Толстымъ спорить и трудно, потому что, я увѣренъ, мысль его болѣе или менѣе гармонируетъ съ настроеніемъ нашего общества, и легко, потому что въ его повѣсти сама жизнь безпрестанно споритъ съ авторомъ, противорѣчитъ его мысли, превращая ее въ какой-то парадоксъ, ничѣмъ необъясненный и ничѣмъ еще недоказанный.

Цивилизація не удовлетворяетъ насъ. Не поискать ли этого удовлетворенія въ простотѣ полудикой жизни, на лонѣ природы? вотъ задушевная мысль, приводимая авторомъ.

Она не нова. Пушкинъ приводилъ ту же мысль въ своей поэмѣ „Цыгане", но Пушкинъ, какъ великій художникъ, выбралъ изъ среды кочующаго племени такія идеальныя личности, что сравнительно съ образованнымъ Алеко они кажутся и человѣчнѣе, и даже глубже его въ пониманія человѣческаго сердца. Утомленному борьбой или скучающему въ бездѣйствіи юношѣ сладко примкнуть къ такой широко-вольной, безмятежной жизни. У Пушкина мысль не расходится съ тѣми образами, которые возникаютъ у васъ въ душѣ при чтеніи его произведенія. Графъ Л. Н. Толстой остался вѣренъ природѣ, людямъ и будничной жизни; онъ неспособенъ что-нибудь идеализовать, и вывелъ на сцену далеко не такихъ людей, съ которыми легко надолго мириться человѣку, сколько нибудь развитому. Въ той средѣ, въ которую онъ переноситъ васъ вмѣстѣ съ своимъ героемъ, Олениным, тѣ же условія, тѣ же мелкіе разсчеты, тѣ же награды за подвигъ. И не только читатель, самъ герой Олениннъ колеблется:—то, при малѣйшемъ напоминаніи ему о московской жизни, чувствуетъ, что на него пахнуло той гадостью, отъ которой онъ отрекся; то въ самой станицѣ (напримѣръ, въ обществѣ казачекъ, на именинахъ у Устеньки) многое находитъ до того пошлымъ и отвратительнымъ, что ему бѣжать хочется.

Повѣритъ ли послѣ этого читатель письму Оленина, въ

Digitized by Google

которомъ онъ пишетъ къ своимъ на родину. *„Вы не знаете что такое счастье, что такое жизнь! Надо испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ"* и пр. Ч это: минутный порывъ или фраза? Ни то ни другое заключаетъ въ себѣ силы, насъ убѣждающей, а межд тѣмъ все, что говоритъ Оленинъ, вся его жёлчь и оме зеніе къ свѣту, къ полуобразованной московской сред до такой степени противорѣчитъ всей его московской жи ни, всему тому, что онъ чувствовалъ, покидая эту жизн тому, что самъ авторъ говоритъ о немъ въ началѣ повѣст что по неволѣ вообразишь, что за Оленина говоритъ сам авторъ. Вѣдь, могъ же авторъ сладить со всѣми остальны ми характерами, отчего же онъ не сладилъ только с Олениным? Не оттого ли, что онъ менѣе равнодушен къ нему, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ?...

У Пушкина Алеко — сильный характеръ, и читатель имѣет полную возможность подозрѣвать, отчего онъ не ужился с обществомъ; у графа Толстого герой безъ всякой силы Это маленькій себялюбецъ, скорѣе избалованный жизнью чѣмъ огорченный ея противорѣчіями, маленькій Гамлетикъ способный только на минутныя увлеченія. Отъ чего бы кажется, ему бѣжать? Отъ самого себя? Но отъ себя убѣ жать рѣшительно некуда. Куда ни приди, вездѣ будеш чужой. Авторъ, великій аналитикъ и тонкій психологъ не довольно проникъ въ радости и страданія своего Оле нина и не дорисовалъ его. Онъ ни разу не отнесся к нему съ ироніей, ни разу не выдвинулъ на свѣтъ главную черту его характера. Это безпрестанный надзоръ его за собою ради страшнаго самолюбія и самосбереганія; авторъ щадитъ его, какъ отецъ щадитъ ребенка, щадитъ, имѣя въ рукахъ своихъ тончайшее изъ орудій — анализъ.

Пушкинъ казнитъ своего Алеко; графъ Толстой также *хотѣлъ казнить* своего героя, но не договорилъ послѣдняго слова. Договорить его онъ бы не рѣшился, ибо повредилъ бы не только герою, но и къ собственной мысли своей сталъ бы въ противорѣчіе.

Если бы Алеко ужился между идеальными Пушкинскими

Digitized by Google

цыганами, онъ могъ бы еще быть счастливъ; онъ самъ нарушилъ это счастье, самъ убилъ свою свободу, нарушая свободу другихъ. Но что сталось бы съ Олениннымъ, если бы онъ женился на казачкѣ Маріанѣ, какую роль сталъ бы онъ играть между казаками? Что бы сталъ дѣлать всю жизнь, если-бъ его не убили абреки? ревновать къ женѣ, ходить на охоту или отъ скуки пьянствовать?

Авторъ хотѣлъ казнить героя своего за то только, что онъ не родился въ станицѣ, за то, что у него ничего съ казаками нѣтъ общаго, за то, что онъ не можетъ равнодушно убивать абрековъ, воровать нагайскихъ коней, лазить въ окошки къ дѣвкамъ и цѣловать ихъ, не думая, *что онъ и зачѣмъ онъ*? Словомъ, авторъ казнитъ его не за какое-либо преступленіе противъ свободы, какъ казнитъ Пушкинъ своего Алеко, а просто за то только, что онъ развитѣе казаковъ. Но казня своего героя, авторъ въ сущности спасаетъ его отъ той несвойственной ему животной жизни, которая бы досталась ему на долю, если-бъ онъ остался между казаками мужемъ *первобытной женщины*. Авторъ, какъ кажется, даже и не подозрѣваетъ, что холодность Маріаны спасла его Оленина.

Все, что нашелъ Олениннъ истинно прекраснаго въ станицѣ, все есть и въ средѣ образованной: красота есть; свободолюбивыя, никакихъ условій не признающія, безкорыстныя дѣвушки—есть; хорошія трудолюбивыя хозяйки, созидающія довольство — также есть. Людей, ничего не признающихъ, кромѣ страстей своихъ, людей, не покоряющихся никакимъ свѣтскимъ условіямъ—также можно найти. Нашлись бы и такіе, которые никогда не гордились и не гордятся своимъ знакомствомъ съ аристократами и не чувствуютъ, подобно Оленину, ни малѣйшаго удовольствія, когда подходитъ къ нимъ на балѣ *князь Сергѣй* и говоритъ ласковыя рѣчи.

Оленинъ далеко не представитель лучшихъ людей нашего времени. Онъ человѣкъ явно отживающаго поколѣнія, нѣчто въ родѣ блѣднаго отраженія лучшихъ людей Пушкинской эпохи. Наши передовые люди, возставая на все,

Digitized by Google

что есть ложно и гнило въ нашей цивилизаціи, не пойдутъ наслаждаться на лонѣ природы или искать отрады у дикихъ. Они лучше, подражая графу Льву Николаевичу Толстому, будутъ учить крестьянскихъ мальчиковъ, чѣмъ гоняться за какимъ-то счастьемъ внѣ всякой цивилизаціи.

Въ нашей цивилизаціи много гнили, потому что гніетъ въ ней все отживающее, все ненужное живому общественному организму, все привитое и ему несвойственное; въ этомъ смыслѣ—чѣмъ больше гнили, тѣмъ лучше. Догнивающее отпадаетъ, замѣняясь новыми, свѣжими элементами жизни. Мы навозъ, унаваживающій почву для другихъ поколѣній,—говорилъ когда-то Бѣлинскій, и не приходилъ отъ этого въ отчаянье. Онъ не бѣжалъ отъ гнили ради эгоистическаго самосохраненія, а врывался въ нее, нарушалъ покой ея, обдавая ее струями свѣжаго разъѣдающаго воздуха, заставлялъ ее еще больше гнить, чтобъ всѣ видѣли, что это гниль, и вѣроятно онъ гордился тѣмъ, что могъ на нее указывать, не меньше Лукашки, которому завидовали оттого, что ему удалось подстрѣлить абрека.

Больная мысль человѣка, разбитаго жизнью, конечно очень искренно можетъ иногда пожелать той среды, гдѣ она надѣется на свое выздоровленіе, той среды, гдѣ—по словамъ автора повѣсти, *людіе живутъ, какъ живетъ природа, умираютъ, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ*, той среды, гдѣ *нѣтъ никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву.*

Но едва ли такая жизнь дастъ полное успокоеніе разъ пробужденной, хоть и больной мысли. Живуча эта больная мысль! Если иногда и желаетъ она *бѣжать*, то развѣ потому только, что боится здоровой мысли, чувствуетъ, что не въ силахъ догнать ее и заодно съ нею дѣйствовать.

Въ ту жизнь, которую рисуетъ въ немногихъ словахъ графъ Л. Н. Толстой, и я бы охотно *на время* погрузился, для того чтобы окрѣпнуть физически и опять воротиться на борьбу съ гнилью насколько силъ хватитъ.

Digitized by Google

Я былъ также на Кавказѣ, также испыталъ на себѣ страсть къ полудикой женщинѣ, также наслаждался природой, и несмотря на это, когда покидалъ Кавказъ, писалъ съ искреннимъ одушевленіемъ:

И душа на просторъ вырывается
Изъ-подъ власти кавказскихъ громадъ.

. . . . . .

Душу, къ битвамъ житейскимъ готовую,
Я за снѣжный несу перевалъ, и проч.

Я, какъ видите, не разбиралъ критически самой повѣсти, ни слова не сказалъ вамъ о лучшихъ сторонахъ ея,—ихъ оцѣнитъ всѣ, не только горячіе поклонники таланта Л. Н. Толстого, но и люди, къ нему совершенно равнодушные. Красоты этого произведенія перевѣшиваютъ его недостатки; отъ всего разсказа вѣетъ кавказскимъ воздухомъ. Это не поддѣльный, не подкрашенный, не романтическій Кавказъ, съ романтическими героями. Каждый штрихъ, рисующій тамошнюю природу, вѣренъ, а казаки? Лукашка, дядя Ерошка, хорунжій! Да вы непремѣнно ихъ сами встрѣчали, если только когда-нибудь ломали походы тамъ, гдѣ

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ...

или вы непремѣнно ихъ встрѣтите, если туда поѣдете. Женскія лица также мастерски очерчены, въ особенности Маріана. Я какъ-то въ молодости самъ проѣзжалъ станицы и знакомился проѣздомъ съ казачками, и Маріаны и Устеньки еще до сихъ поръ смутно мелькаютъ въ моемъ воображеніи. Ихъ образы стали для меня яснѣе послѣ прочтенія повѣсти Л. Н. Толстого.

Мнѣ остается сдѣлать одно или два замѣчанія, иначе я увлекусь, и начну хвалить повѣсть... изъ благодарности къ тому, кто волшебствомъ пера своего перенесъ меня на Кавказъ и затронулъ мои воспоминанія.

Что прошло, то *стало* мило.

Digitized by Google

Первое замѣчаніе. Лучшіе эпизоды повѣсти „Казаки“, а именно тотъ, гдѣ казакъ Лукашка застрѣливаетъ ночью переплывающаго черезъ Терекъ абрека; тотъ, гдѣ является братъ убитаго за его тѣломъ, и тотъ, гдѣ, наконецъ, братъ этотъ является съ другими абреками мстить за смерть убитаго, погибаетъ и подстрѣливаетъ Лукашку—эти три эпизода составляютъ почти отдѣльную повѣсть; читая ихъ, забываешь и Оленина и всѣ остальныя части. Эти эпизоды —повѣсть въ повѣсти. Такая сложность разбиваетъ, двоитъ вниманіе читателя.

Второе замѣчаніе. Авторъ не довольно выясняетъ враждебное отношеніе казаковъ ко всѣмъ — кто не казакъ. Откуда эта скрытая непріязнь даже къ своимъ защитникамъ? отъ религіозныхъ или иныхъ причинъ? Вообще, въ чемъ главная „суть“ ихъ раскола, въ чемъ заключается та сила, которая связываетъ ихъ въ такое братство? Всего этого не видимъ изъ повѣсти, несмотря на то, что авторъ, обнаруживая наблюдательность и близкое знакомство съ тѣмъ краемъ, который взялся описывать, вдается въ длинныя, этнографическія, почти научныя подробности. Вообще весь разсказъ изобилуетъ тѣми мелочами, изъ которыхъ каждая сама по себѣ—прелесть, но совокупность которыхъ, какъ излишнее богатство, по временамъ утомляетъ нетерпѣливаго читателя.

Вотъ все, что могу сказать вамъ по поводу новой повѣсти; все это мое личное мнѣніе. Кто докажетъ мнѣ, что я въ чемъ-нибудь ошибся, тому я мысленно скажу спасибо.

Я. Полонскій.

* * *

*) Недавно мы имѣли случай говорить объ одномъ изъ представителей дѣловой беллетристики, Н. Щедринѣ, и замѣтить, что онъ до излишества предается искушенію растолковывать

*) П. Анненковъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1863 г. № 144 и 145. (Статья подъ заглавіемъ: „Современная беллетристика. Графъ Л. Н. Толстой“. *Казаки. Кавказская повѣсть, 1852 года, Л. Н. Толстого.*

Digitized by Google

читателю каждое явленіе и каждый приводимый имъ фактъ съ одной постоянной точки зрѣнія, на которой онъ незыблемо утвердился. Иначе поступаетъ писатель, имѣющій подобную же любимую, неподвижную точку зрѣнія, обладающій сильными художническими средствами. У Л. Н. Толстого есть своя постоянная, предвзятая идея, какъ увидимъ ниже, но способы проводить эту идею въ литературѣ, относиться къ ней и выражать ее до того разнятся съ обыкновенными пріемами дѣловой беллетристики, что искать какой-либо солидарности или родственности между двумя родами литературнаго производства было бы совершенно напраснымъ дѣломъ.

Съ именемъ Толстого (Л. Н.) связывается представленіе о писателѣ, который обладаетъ даромъ чрезвычайно-тонкаго анализа помысловъ и душевныхъ движеній человѣка и который употребляетъ этотъ даръ на преслѣдованіе всего того, что ему кажется искусственнымъ, ложнымъ и условнымъ въ *цивилизованномъ* обществѣ. Сомнѣніе относительно искренности и достоинства большей части побужденій и чувствъ, такъ называемаго, образованнаго человѣка на Руси, вмѣстѣ съ искусствомъ передать нравственные кризисы, которые навѣщаютъ его постоянно—составляетъ отличительную черту въ творчествѣ нашего автора. Еще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ: „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“—Толстой уже былъ психологомъ и скептикомъ; онъ уже и тогда показалъ публикѣ, до чего можетъ итти острый психическій анализъ, опирающійся на сомнѣніи въ человѣческой природѣ, которая испорчена прикосновеніемъ цивилизаціи. Взрослые, уже кончившіе полный курсъ извращенья своихъ естественныхъ чувствъ и наклонностей, и молодые ихъ отпрыски, только еще начинающіе эту науку извращенья—одинаково подпали его изслѣдованіямъ, разумѣется въ мѣру успѣховъ, полученныхъ ими на поприщѣ скрытности, лицемѣрной сдержанности и разладицы между настоящимъ чувствомъ и чувствомъ выражаемымъ. Онъ проникалъ, не разбирая пола и возраста, до дна тѣхъ кокетливыхъ и наружно благообразныхъ душевныхъ порывовъ человѣка, которые прикрываютъ

Digitized by Google

другой, тайный міръ его ощущеній и мыслей, исполненный страшилищъ или, по крайней мѣрѣ, карикатуръ и пародій на то, что вышло къ свѣту, на фразу, идею, спесу, и проч. Тогда еще публика не угадала настоящихъ поводовъ автора къ этому разоблаченію, да и онъ самъ врядъ ли ясно сознавалъ ихъ, слѣдуя только инстинктивно побужденіямъ своего таланта. Безъ всякаго дальновиднаго разсчета или намѣренія, онъ и скрылъ ихъ—выдвинувъ на первый планъ жизнь богатаго, дворянскаго дома, проникнутую чувствомъ семейности, живыя милыя лица дѣтей и подростковъ, которымъ ихъ почтенные родные служатъ какъ бы массивной, оттѣняющей рамой, и окруживъ еще всю эту картину разнообразными явленіями природы, сценами народнаго и домашняго быта. И впослѣдствіи анализъ Толстого никогда не выражался сухо, самъ для себя или при помощи нарочно приготовленныхъ для него типовъ (за исключеніемъ одного или двухъ неудачныхъ соображеній въ родѣ „Люцерна"): наоборотъ анализъ его всего болѣе нуждается въ полной жизни, хорошо растетъ только промежъ разнообразія формъ, въ средѣ свободныхъ людскихъ отношеній и при оригинальныхъ личностяхъ, раздражающихъ и вызывающихъ его. Онъ тогда прививается къ нимъ съ цѣпкостью ліаны, но надо было нѣсколько времени для того, чтобъ настоящія свойства этого анализа уяснились какъ самому автору, такъ и его читателямъ. Только въ послѣднее время, Толстой самъ откровенно выдалъ себя за скептика и гонителя не только *русской* цивилизаціи, но и разслабляющей, причудливой, многотребовательной и запутывающей цивилизаціи вообще.

Какой идеалъ общественнаго развитія желалъ бы онъ поставить на мѣсто заподозрѣваемаго и отвергаемаго имъ развитія—этого авторъ не сказалъ, и не только не сказалъ, но пигдѣ не видно, чтобъ онъ присоединился къ тому, что говорили по этому поводу тѣ литературныя партіи наши, которыя гордятся обладаніемъ подобныхъ идеаловъ. Художническое его чувство, вмѣстѣ съ привычкой къ сомнѣнію и анализу, не позволили ему остановиться ни на одной

Digitized by Google

изъ существующихъ программъ лучшаго развитія, такъ какъ и составить свою собственную. Надо сказать, что эта привычка къ сомнѣнію и анализу воспитала въ немъ самомъ капризную и заносчиво-оригинальную мысль, которая уже не сноситъ какого-бы то ни было самаго законнаго посягательства на свою свободу, представляйся оно хоть въ формѣ дознаннаго историческаго закона, или въ формѣ несомнѣннаго, многолѣтняго опыта, или, наконецъ, въ видѣ изумительнаго художническаго произведенія. Мысль эта начинаетъ тотчасъ же работать по-своему надъ ними, не освѣдомляясь о прежде бывшихъ путяхъ изслѣдованія, всегда отыскивая свой собственный, одной ей принадлежащій и часто кончая тѣмъ, что теряетъ изъ вида самый предметъ анализа со всѣми его реальными свойствами и уже разлагаетъ себя самое. Нѣкоторыя страницы „Ясной Поляны“ (возьмите хоть статью: „Воспитаніе и образованіе“ въ іюльской книжкѣ 1862 г.) могутъ подтвердить наши слова. Въ этихъ случаяхъ капризно-оригинальная и независимая мысль эта становится похожа на станокъ, приведенный въ движеніе сильной паровой машиной, но лишенный матеріала производства: шумъ, стукъ, напряженная дѣятельность тутъ существуютъ, какъ и при настоящей работѣ, но станокъ собственно занятъ ускореніемъ своей порчи. Отсутствіе *„идеала цивилизаціи“* не оставляетъ, однакоже, у Толстого пустого мѣста. Настоящій, опредѣленный идеалъ замѣщается у него, какъ уже было замѣчено прежде насъ—страстнымъ влеченіемъ къ простотѣ, естественности, силѣ и правдивости непосредственныхъ явленій жизни. Душа его отдана всему, что еще не выдѣлилось вполнѣ изъ природнаго состоянія, изъ оковъ матеріи и изъ фатализма исторіи, всему, что развивается безсознательно, покоряясь, съ одной стороны, врожденнымъ и стало-быть искреннимъ побужденіямъ своего организма, а съ другой,—удовлетворяя духовную свою природу только тѣми нравственными представленіями, только той наукой, поэзіей и философіей, которыя сложились въ теченіе вѣковъ, невѣдомымъ образомъ и сами собой, вокругъ человѣка, какъ различные пласты его родной почвы.

Digitized by Google

Здѣсь только и истина для Толстого. Въ этомъ влеченіи кроются и источники его постоянной, предвзятой идеи, управляющей всей художественной его дѣятельностію.

Но идея о естественности и природѣ, какъ критеріумахъ истины, не новость въ русской литературѣ, даже просто въ образованномъ нашемъ обществѣ,—только они понимали ее различно: русская литература всегда, относилась къ ней чрезвычайно отвлеченно, что можно видѣть, напримѣръ, изъ геніальнаго очерка Пушкина—Цыганы, гдѣ Алеко есть воображаемое лицо, не принадлежащее никакой странѣ и олицетворяющее, подобно Манфреду, права гордой непокорной мысли, гдѣ сами цыганы возведены лирическимъ вдохновеніемъ до идеала свободнаго, бродящаго племени, мало отвѣчающаго дѣйствительности. Но для Пушкина такъ и надо было, потому что задача его состояла не въ изображеніи извѣстнаго быта или извѣстнаго развитія, а только въ поэтическомъ воспроизведеніи одного изъ тѣхъ отчаянныхъ порывовъ души, которыми могли быть одержимы усталые и обманутые люди современной ему эпохи. По такимъ же или однороднымъ причинамъ идея эта выражается отвлеченно и въ дѣятельности Лермонтова. Всѣ его Мцыри, демоны—дикіе и своевольные характеры, находящіе только въ самихъ себѣ законы для своего образа дѣйствій, очень прилично связаны съ бытомъ и преданіями Кавказа, но выражаютъ совсѣмъ не дѣйствительный Кавказъ, а политико-философское содержаніе авторской фантазіи, силу и сущность извѣстнаго поэтическаго созерцанія. Фантазія Пушкина и Лермонтова, какъ хотите, связана съ дѣйствительностью и можетъ быть принята за ея отраженіе, но только въ томъ смыслѣ, что сама есть произведеніе своей нервически-раздраженной и безпомощной эпохи, отъ ней отродилась. Что касается до общества, то идея эта, подхваченная у Руссо, осуществлялась у насъ разными куріозными личностями не иначе, какъ въ циническихъ продѣлкахъ, ползаніи на четверенькахъ и тому подобныхъ упражненіяхъ, при чемъ, однакоже, личности не забывали своихъ политическихъ правъ, управляли людьми и безчин-

Digitized by Google

ствовали надъ ними, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и надъ собой. Возвращаясь къ литературной судьбѣ идеи, мы находимъ, что у Толстого она впервые низведена въ реальный міръ и отъ реальнаго міра уже получила всѣ черты и краски, посредствомъ которыхъ выражается писателемъ. Воплощеніе идеи у Толстого разнообразно, но постоянно и безпрерывно. Идея глядитъ отовсюду въ его произведеніяхъ. Она уполномочиваетъ его живописать природу, метель, напримѣръ, какъ дѣйствующее лицо, и смѣло говорить о впечатлѣніяхъ дерева, подсѣкаемаго топоромъ, и о вереницѣ мыслей и представленій, которыя носятся въ замирающемъ мозгу человѣка, раненаго на смерть; она подсказываетъ его поэтическія отступленія и его философскія размышленія о жизни и морали; она стоитъ невидимо за всѣми видами и формами его творчества и составляетъ именно тотъ ключъ, который необходимъ для разбора и правильнаго ихъ пониманія. Мы повторимъ только сказанное, если прибавимъ, что Толстой въ ней и почерпаетъ силу для того остраго разложенія самыхъ тонкихъ душевныхъ ощущеній, которое насъ удивляетъ въ его картинахъ изъ семейнаго и общественнаго быта.

Мы поставлены въ необходимость сказать при этомъ нѣсколько словъ и о педагогической дѣятельности Толстого, такъ какъ, по нашему мнѣнію, она есть не болѣе не менѣе, какъ новый видъ его художническаго творчества. Разница можетъ состоять въ томъ, что страстное исканіе естественныхъ силъ и свѣжихъ зародышей ума и чувства перенесены здѣсь на практическую почву, на живое лицо изъ обширной области фантазіи, въ которой подвизались досель. Толстой относится къ ребенку своей знаменитой школы съ тѣми же требованіями, какъ къ воображаемымъ лицамъ своихъ произведеній и къ окружающему міру вообще. Онъ и за учительскимъ столомъ такой же психологъ, зоркій наблюдатель и фанатическій адептъ своей вѣры въ красоту и истину всего прирожденнаго, какъ и за письменнымъ. Матеріалъ для работы измѣнился, но сама работа не измѣнилась—только анализъ его пріобрѣлъ уже поло-

Digitized by Google

жительный характеръ вмѣсто прежняго отрицательнаго. Анализъ Толстого уже не обличаетъ ребенка: онъ прославляетъ его. Иначе и быть не могло. Крестьянскій мальчикъ уже тѣмъ самымъ, что принадлежалъ къ простому, неиспорченному быту, становится *дитей правды* въ его глазахъ. Ни общество ни литература наша, конечно, никогда не забудутъ великихъ педагогическихъ заслугъ Толстого по открытію цѣлаго міра богатой внутренней жизни дѣтей, міра, существованіе котораго только предчувствовалось до него немногими. Онъ проникъ въ самые скрытые уголки этого міра и, вѣроятно, не одинъ разъ придется всякому учителю и наставнику, понимающему свое призваніе, справляться съ открытіями Толстого для того, чтобъ провѣрить свои планы образованія и уяснить многія загадочныя проявленія дѣтской воли и души. Но логическія послѣдствія чисто художническихъ отношеній къ школѣ часто приводятъ къ сомнѣнію въ достоинство послѣднихъ какъ средствъ и орудій педагогіи.

Намъ совершенно понятно, напримѣръ, отчего Толстой такъ рѣшительно и безпощадно преслѣдуетъ въ своемъ журналѣ всякую мысль о *„воспитаніи“* человѣка со стороны школы. Воспитаніе, по его опредѣленію, есть насильственное привитіе мнѣній, привычекъ ума и понятій одного взрослаго лица къ другому слабѣйшему и беззащитному, на что никто не имѣетъ права, хотя собственно воспитаніе должно бы пониматься какъ прямой, неизбѣжный результатъ духовнаго общенія между тѣмъ и другимъ. Но съ обычной точки зрѣнія Толстого на значеніе и достоинство непосредственныхъ явленій онъ совершенно правъ. Какая передача моральныхъ представленій, отвлеченныхъ идей и понятій можетъ быть допущена тамъ, гдѣ самъ мальчикъ, по происхожденію своему, есть вполнѣ нормальное существо, чистое и поэтическое отраженіе реальной, жизненной истины. Его, наоборотъ, слѣдуетъ беречь отъ внушеній ложной, несостоятельной цивилизаціи, а не подчинять ея сомнительному кодексу, и не только беречь, но изучать ростки его собственной мысли, способные привести къ

Digitized by Google

открытію условныхъ, противуестественныхъ, слабыхъ сторонъ въ самихъ началахъ образованности. По этой теоріи не только воспитаніе есть порча ребенка, который, благодаря ему, принимаетъ въ себя, вмѣстѣ съ пошлыми убѣжденіями своего наставника, ошибки и заблужденія исторіи, предразсудки и безсмыслицы цѣлаго общества (мы бы сказали вообще грѣхи человѣчества, если бы не боялись исказить мысль Толстого преувеличеніемъ ея), но, переходя къ образованію, оказывается, что и простая передача науки подчинена нормальному существу—крестьянскому мальчику. Она находитъ свои границы уже не въ себѣ, а въ своемъ ученикѣ и должна остановиться тотчасъ, какъ посягаетъ на лучшее его достояніе,—какъ начинаетъ перерабатывать его натуру. Знаніе обязательно для всѣхъ, какъ, напримѣръ, вѣра. Прежде чѣмъ навязывать науку ученику, надо еще освѣдомиться: какую онъ науку хочетъ и насколько ее хочетъ или, другими словами, надо узнать насколько онъ, по совѣсти, можетъ принять работу чужой мысли, упражнявшейся задолго до него, безъ его вѣдома и нисколько не имѣя въ виду его свойствъ и потребностей. Главная задача народнаго образованія заключается, по этой, чисто-художнической теоріи, въ томъ, чтобъ сдѣлать мальчика свѣдущимъ и не лишить его ни силы, ни простоты, ни ясности его врожденныхъ представленій, чтобъ вывести знаніе изъ городовъ въ поля и деревни, и при этомъ сохранить имъ всѣ тѣ качества, которыми они отличаются отъ цивилизованнаго общества и его превосходятъ. Границы нашей статьи не позволяютъ намъ отдаться разбору всѣхъ этихъ противупоставленій, всѣхъ этихъ антиномій, которыя такъ подробно и мастерски, въ діалектическомъ смыслѣ, развиты самимъ Толстымъ въ его журналѣ, но что они не могутъ составлять цѣлей педагогіи, какъ науки, это кажется, очевидно само собою. Это скорѣе темы для свободнаго творчества въ области литературы и въ сферѣ преподаванія. Нѣсколько основныхъ правилъ, конечно, приведены и нашимъ авторомъ въ видѣ руководства, какъ, напримѣръ, правило о необходимости полной

Digitized by Google

свободы для ученика относительно учителя и полной подчиненности учителя указаніямъ нравственной природы своихъ воспитанниковъ, но эти правила, какъ и всѣ другія того же рода, требуютъ въ примѣненіи къ дѣлу спеціальныхъ, художническихъ способностей. Одного размышленія, правильнаго пониманія и добросовѣстности, обусловливающихъ хорошее примѣненіе научныхъ правилъ — для нихъ уже недостаточно. Лучшимъ свидѣтельствомъ, что успѣхъ школы, построенной на такихъ основаніяхъ, всегда будетъ зависѣть отъ лица и творческихъ силъ ея основателя, точь въ точь какъ достоинство литературнаго произведенія исключительно зависитъ отъ художническихъ средствъ самого писателя—служитъ „Ясная Поляна" Толстого. Въ этой знаменитой школѣ полная свобода, предоставленная ученикамъ, нисколько не разрослась въ анархію, безпутное баловство. Основатель ея находитъ причину явленія въ чувствѣ мѣры, свойственной дѣтямъ вообще и дѣтямъ этой мѣстности въ особенности; мы имѣемъ полное право думать, что явленіе это есть результатъ тѣхъ особенныхъ пріемовъ творчества, которые участвовали въ созданіи школы, безъ которыхъ немыслимо ея существованіе въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, и которыхъ невозможно требовать отъ каждаго распорядителя народнаго училища. Впрочемъ, остается еще вопросъ—возможно ли даже и художнику-педагогу сохранить во всей цѣлости предписанія поэтической теоріи народнаго образованія, созданной Толстымъ? Самъ авторъ ея не вполнѣ вѣренъ ей. Несмотря на отвращеніе его къ попыткамъ прививать воспитанникамъ собственныя свои духовныя наклонности — кто не замѣтитъ, что въ школѣ его преимущественно были развиты способы дѣйствовать на воображеніе и фантазію учениковъ? „Ясная Поляна" сдѣлалась, можетъ быть, безъ вѣдома учредителя, питомникомъ *натуральныхъ* поэтовъ; она тотчасъ же наполнилась чрезвычайно милыми сочинителями разныхъ возрастовъ, дѣти сочиняютъ взапуски у Толстого—и это очень хорошо: ничто такъ не приводитъ къ уваженію себя, какъ сознанный талантъ или какъ увѣренность въ обладаніи особенной

Digitized by Google

способностью, а уваженіе къ себѣ крестьянскому мальчику необходимо и для того, чтобъ заставить другихъ уважать себя. Но Толстой слишкомъ далеко заходитъ въ радости видѣть, какъ просто и легко школа его производитъ великихъ писателей. По поводу произведенія одного изъ своихъ малолѣтнихъ поэтовъ (разсказа: „Солдаткино Житье"), дѣйствительно отличающагося прелестью свѣжаго, только что возникающаго наблюденія, вспомоществуемаго при этомъ воспоминаніемъ пѣсенныхъ и сказочныхъ мотивовъ, онъ написалъ въ „Ясной Полянѣ" статью, заглавіе которой уже выражаетъ все ея содержаніе. Вотъ оно: „Кому у кого учиться писать—крестьянскимъ ли ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ". Это не капризъ діалектика, не шутка и не преднамѣренный софизмъ: авторъ дѣйствительно убѣжденъ, что литература должна быть сведена на то наивное подсматриваніе ближайшихъ явленій, какимъ всегда отличаются умные и даровитые мальчики.

Указывая на нѣкоторыя страницы „Солдаткина Житья", онъ отъ души восклицаетъ: „ничего подобнаго я не встрѣчалъ въ русской литературѣ", какъ прежде отъ души говорилъ о превосходствѣ своего Ѳомки передъ Гете. Толстой не хочетъ знать, что литераторъ и не долженъ такъ писать, что на порядочной литературѣ лежитъ обязанность не только передавать явленіе съ извѣстной теплотой и живостью, но еще отыскивать, какое мѣсто они занимаютъ въ ряду другихъ явленій и какъ относятся къ высшему идеальному представленію ихъ самихъ, къ своему нравственному и просвѣтленному типу. Если бы дозволено было приходить къ заключеніямъ объ убѣжденіяхъ автора на основаніи аналогіи и сближенія, то естественнымъ выводомъ изъ всего сказаннаго было бы, что для Толстого сага, или народная легенда, можетъ замѣнить исторію, пѣсня, складываемая общими силами народа, личное творчество, примѣта и пословица—всю пытливую разработку вопросовъ естественной исторіи и философіи. Туда, по крайней мѣрѣ, ведетъ напряженное исканіе простоты, природныхъ истинъ, которое можетъ составить и силу писателя и источникъ его неоправдываемыхъ увлеченій.

Digitized by Google

Послѣ этихъ замѣчаній намъ уже гораздо легче будетъ распознать настоящій смыслъ повѣсти „Казаки“, собственно и вызвавшей ихъ. Спѣшимъ прибавить, однакоже, что на какую бы точку зрѣнія ни становилась критика, по отношенію къ этому произведенію Толстого, она должна будетъ признать его капитальнымъ произведеніемъ русской литературы, наравнѣ съ наиболѣе знаменитыми романами послѣдняго десятилѣтія.

*) Если постоянная идея графа Толстого хорошо выражается всѣми видами его дѣятельности, то уже въ романѣ „Казаки“ она обнаружилась съ такой поэтической силой и въ такой изумительной художнической формѣ, что способна покорить себѣ самый холодный и осторожный умъ. Любимая мысль автора нашла себѣ воплощеніе въ неоспоримомъ историческомъ фактѣ, въ славянской общинѣ, очень реально существующей на русской почвѣ и, можно сказать, исчерпала всѣ характерныя и поэтическія особенности, ее отличающія. Десятки статей этнографическаго содержанія врядъ ли могли бы дать болѣе подробное, отчетливое и яркое изображеніе одного оригинальнаго уголка нашей земли, гдѣ всѣ условія человѣческаго существованія далеко не походятъ на тѣ, которыя образованный міръ считаетъ необходимыми для нравственнаго достоинства и благополучія лица. Развѣ только очень умный путешественникъ, надѣленный еще артистической воспріимчивостью, способенъ былъ бы начертать нѣчто приближающееся къ картинѣ, данной намъ гр. Толстымъ. Благодаря роману, мы имѣемъ передъ собой пограничную казацкую станицу 1852 года, связанную съ отечествомъ только языкомъ, смутнымъ чувствомъ одного общаго происхожденія, да спеціальной своей службой—огражденіемъ русской земли отъ сосѣднихъ горныхъ племенъ, съ которыми онъ ведетъ вѣчную борьбу на жизнь и смерть. Вдвойнѣ защищенная отъ всякаго посторонняго вліянія какъ этимъ назначеніемъ, разъ навсегда утвержденнымъ, такъ и старообрядческимъ толкомъ,

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1863 г., № 145.

Digitized by Google

котораго придерживается, казацкая станица покоится на самобытныхъ автономическихъ началахъ, которыя принесла съ собой изъ первоначальной своей родины. Всѣ начала эти, вмѣстѣ взятыя, породили однакоже весьма несложное политическое тѣло, съ едва-едва намѣченными чертами гражданскаго устройства, что, при изумительномъ плодородіи почвы, при раздольѣ и просторѣ кавказскаго предгорья, при постоянной войнѣ и опасности—позволяетъ каждому изъ членовъ общины развиваться, такъ сказать, физически и нравственно въ мѣру всей своей природы. Есть, однакоже, крѣпкій обручъ, который сдерживаетъ разнородныя лица общины въ одной кучкѣ и ограничиваетъ ихъ свободу, не позволяя имъ разлетѣться врозь—обручъ этотъ образуется изъ неподвижныхъ нравовъ и обычаевъ станицы, заговоренныхъ отъ всякаго измѣненія, не испытавшихъ никогда дѣйствія разлагающей мысли, а потому и огражденныхъ отъ тайнаго хода умственныхъ революцій, которыми вызываются нововведенія. Станица цѣльна во всемъ своемъ составѣ и вѣрна себѣ въ каждой своей подробности. Въ такой-то міръ естественности и первоначальнаго гражданскаго развитія, о которыхъ исторія европейскихъ государствъ еще сохраняетъ нѣкоторое воспоминаніе, вводитъ насъ гр. Толстой своей повѣстью. И, конечно, ни одинъ изъ тѣхъ обильныхъ родниковъ поэзіи, которыми подобный міръ силы, молодости и искренности всегда бываетъ исполненъ—не позабытъ нашимъ авторомъ. Поэзія составляетъ основной грунтъ всей его картины.

Переходя отъ общаго впечатлѣнія, производимаго картиною свободной казацкой общины, къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа, мы встрѣчаемся съ весьма занимательнымъ эстетическимъ вопросомъ, который былъ уже предметомъ многихъ споровъ и разрѣшается гр. Толстымъ съ такимъ мастерствомъ и съ такою убѣдительностью, что наслажденіе его произведеніемъ удвоивается именно отъ этого обстоятельства. Можетъ быть, никто изъ нашихъ писателей такъ горячо не исповѣдуетъ эстетическаго догмата, что предметъ и лицо могутъ быть поэтическими по-

Digitized by Google

мимо и даже на зло всѣмъ моральнымъ, философскимъ и политическимъ опредѣленіямъ ихъ. Гр. Толстой никогда не справляется о нравственной сущности типа, какъ скоро типъ этотъ оригиналенъ и поэтиченъ: онъ, нисколько не колеблясь, возвышаетъ его на ту степень, на которой, по художническимъ соображеніямъ, ему слѣдуетъ стоять. Вопросъ заключается въ томъ: это возвышеніе и возвеличеніе лица, съ сомнительнымъ нравственнымъ характеромъ, не составляетъ ли преднамѣреннаго оскорбленія чувству приличія и понятіямъ, выработаннымъ опытомъ и размышленіемъ о достоинствѣ и назначеніи человѣка? Вопросъ этотъ разрѣшается гр. Толстымъ на практикѣ, въ сферѣ созданія и при томъ (кажется намъ) окончательно. По смыслу, который заключается въ выведенныхъ имъ лицахъ, оказывается, что все дѣло—въ полнотѣ и цѣльности типа, каковъ бы онъ ни былъ. Тогда онъ становится, такъ сказать, открытымъ на всѣ стороны, можетъ быть судимъ и приговариваемъ, на основаніи различныхъ схемъ, взглядовъ, теорій—къ чему угодно, дѣлается въ одно время поученіемъ, пугаломъ или идеаломъ по произволу каждаго. Онъ служитъ всѣмъ своимъ содержаніемъ чувству и размышленію, искусству и обществу. Нравственный смыслъ весь въ его полнотѣ. Онъ лишается нравственнаго смысла только по милости утайки, недоговореннаго слова или извращенной, произвольно перетолкованной черты. Замѣчанія эти легко провѣрить на главныхъ типахъ романа. Въ одномъ изъ нихъ, казакѣ Ерошкѣ, Толстой показалъ намъ образчикъ славянскаго лацарони, съ тѣми своеобычными чертами, которыми онъ отличается отъ итальянскаго своего собрата. Казакъ Ерошка весь погруженъ въ самое наивное, откровенное и вмѣстѣ серьезное служеніе своимъ порокамъ, животнымъ инстинктамъ и страстямъ. Онъ сохраняетъ при этомъ, однакоже, безалобныя отношенія къ людямъ, какое-то философское довольство собой и какую-то, тоже философскую, терпимость относительно всего, что живетъ на Кавказѣ, рядомъ съ нимъ—звѣрей, птицъ и горцевъ. Ерошка еще философъ и потому, что обладаетъ цѣлымъ кодексомъ жизнен-

Digitized by Google

ныхъ правилъ и возврѣній, нелѣпости и моральнаго безобразія которыхъ нисколько не подозрѣваетъ. Онъ даже страдаетъ, когда не вѣрятъ въ его чудовищные афоризмы, а подпивши и плачетъ, если одна изъ продѣлокъ, основанныхъ на этомъ кодексѣ, ему не удалась. Комизмъ этого лица, какъ ни сообщителенъ и не увлекателенъ, не успѣваетъ однако же ни на минуту вытѣснить изъ головы читателя мысль, что для гражданскаго развитія общества необходимо, прежде всего, уничтоженіе въ народѣ тѣхъ условій, которыя производятъ подобныя лица. Это то, что мы называемъ полнымъ типомъ. Столь же полный типъ представляетъ и другой казакъ, герой повѣсти, Лукашка. Что онъ есть превосходное выраженіе разбойничества особаго вида, узаконеннаго и направленнаго къ государственнымъ цѣлямъ — это нисколько не скрыто и не задѣлано авторомъ. Художникъ вполнѣ сознавалъ, что чѣмъ вѣрнѣе передастъ онъ образъ удальца станицы, тѣмъ яснѣе обнаружится для всѣхъ мѣсто, какое занимаетъ Лукашка въ степеняхъ гражданскаго и историческаго развитія общественности. Вотъ почему гр. Толстой съ спокойной совѣстью, съ неподражаемымъ искусствомъ и съ едва сдерживаемымъ удивленіемъ передаетъ намъ свободу и красоту всѣхъ движеній Лукашки, его хвастовство своей силой, молодостью, здоровьемъ, его дѣтское щегольство своей рѣшимостью ставить жизнь противъ перваго каприза, который придетъ въ голову, и его неудержимые порывы въ ту сторону, гдѣ есть добыча, удовлетвореніе страсти, торжество самолюбія. Это тотъ же Ерошка, но молодой и дѣйствующій, и оба превосходные типа эти дополняютъ одинъ другого въ романѣ, показывая въ то же время между какого рода удалыми и комическими лицами захвачена и вращается жизнь казацкой станицы. Не менѣе поэтическаго и художническаго таланта употребилъ Толстой и на созданіе лица Маріанны, невѣсты Лукашки и неожиданной возлюбленной заѣзжаго и романическаго юнкера Оленина, который на нѣкоторое время мутитъ и спутываетъ отношенія казацкой четы. Маріанна исполнена граціи, но и тутъ художникъ никого не

Digitized by Google

обманутъ, никого не ввелъ въ заблужденіе. Маріанна вся состоитъ изъ граціи женщины, созрѣвшей для мужа и ожидающей его. У ней, въ моральномъ смыслѣ, нѣтъ никакой покрышки, никакого наряда. Она вся наружѣ, такъ сказать —и опирается на свою природу: опора еще такъ крѣпка, что порождаетъ въ ней какое-то дикое самодовольство и смѣлый, вызывающій взглядъ, съ которымъ не всегда управляется и Лукашка. Не забыты авторомъ относительно мастерской отдѣлки и второстепенныя, менѣе яркія лица повѣсти —этотъ отецъ Лукашки, казакъ-офицеръ, носящій свои эполеты и дворянское званіе уморительно неловко и простодушно, и всѣ эти матери, жены, сестры, осужденныя обычаями станицы на вѣчную тяжелую, домашнюю работу, пока повелители ихъ служатъ или пьянствуютъ, но которыя несутъ свое бремя съ такимъ же достоинствомъ, какъ тѣ свое оружіе. Общее впечатлѣніе, рождаемое картиной станичнаго быта, походитъ на то, которое испытываетъ человѣкъ, входя въ дремучій, еще не тронутый и могущественный лѣсъ. Вѣдь, и лѣсъ можетъ свидѣтельствовать объ отсутствіи человѣческой производительности, о бѣдности средствъ общественныхъ, низкомъ состояніи культуры въ населеніи, его окружающемъ, но отъ этого онъ не перестанетъ казаться менѣе великолѣпенъ, грандіозенъ самъ по себѣ. Ошибку сдѣлалъ бы только тотъ, кто бы принялъ одну поэзію явленія за неопровержимое доказательство его правъ на вѣковѣчное существованіе или за единственное мѣрило его нравственнаго, общественнаго и политическаго достоинства. Поэзія знаетъ только себя, и ей нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ другихъ правдъ, которыя могутъ существовать одновременно съ нею, по отношенію къ избранному ею предмету.

А Оленинъ, отъ имени котораго разсказывается вся повѣсть, который самъ участвуетъ въ ней, довольно страннымъ, трогательнымъ и комическимъ образомъ, бѣдный, колеблющійся, идеализирующій юнкеръ Оленинъ именно и сдѣлалъ эту ошибку: онъ принялъ поэтическій смыслъ станичнаго быта за единственный смыслъ, какой ему при-

Digitized by Google

сущъ. Онъ одинаково увѣровалъ въ прелесть его свободной жизни и въ его невѣжество и глухоту, по отношенію къ представленіямъ нравственнаго рода, въ его энергію, красоту и во всѣ пороки, ихъ сопровождающіе, въ откровенность, патріархальную простоту его взаимныхъ отношеній и въ нагльій цинизмъ, который онѣ часто ведутъ за собой и т. д. Казачій бытъ, переданный имъ съ такой истиной, теплотой и, можно сказать, добросовѣстностію—повредилъ его сужденіе. Онъ спуталъ окончательно его понятія. Оленинъ растерялся въ поэзіи станичнаго житья, какъ мальчикъ, котораго неожиданно ввели въ театральную залу на большое волшебное представленіе, и который тутъ же и потерялъ всякую жизненную, реальную мѣрку для того, чтобъ моло-мальски трезво судить о чудесахъ, представшихъ его глазамъ.

Вопреки мнѣнію, установившемуся объ Оленинѣ въ публикѣ, мы считаемъ характеръ этотъ столь же глубоко задуманнымъ и превосходно изображеннымъ, какъ и всѣ другія лица и части замѣчательнаго романа гр. Толстого. Правда, это типъ, уже отжившій и перешедшій въ исторію, но вокругъ корней его, на нашихъ глазахъ, поднялись ростки, которые и оправдываютъ всякую новую остановку критики на ихъ родоначальникѣ. Требованіями драматической развязки и художническихъ цѣлей самаго романа Толстой долженъ былъ противопоставить реальному міру выведенныхъ имъ казаковъ цивилизованнаго русскаго человѣка съ условіемъ, конечно, чтобъ, этотъ цивилизованный русскій человѣкъ былъ также реаленъ, также взятъ былъ изъ дѣйствительности и современнаго развитія, какъ и его соотечественники низшаго, непосредственнаго быта. Отдѣлаться при этомъ отвлеченными типами въ родѣ Алеко, Печорина и проч., тутъ уже не представлялось бы возможности,—во-первыхъ, потому, что они внесли бы разладицу въ общій тонъ и характеръ романа, а во-вторыхъ, потому, что они противны вообще натурѣ художническаго созерцанія, свойственнаго Толстому. На комъ же онъ остановился? Можетъ быть, самая поучительная сторона романа въ томъ

Digitized by Google

и заключается, что авторъ не могъ найти въ образованномъ обществѣ настоящаго представителя русской цивилизаціи, такого, который показалъ бы, какъ народный духъ и народные элементы соединяются съ высокимъ нравственнымъ, политическимъ и научнымъ воспитаніемъ. Писатель, искавшій всю жизнь, съ самаго начала своего поприща, жизненной правды—принужденъ былъ вывесть передъ нами, для составленія художническаго контраста, вмѣсто лица, мало-мальски отвѣчающаго идеѣ цивилизованнаго русскаго человѣка,—Оленина. Оленинъ только боленъ цивилизаціей; она успѣла разбить его первоначальную, довольно страстную и порывистую натуру, да такъ и оставила его въ лежачемъ положеніи, безъ средствъ подняться на ноги, потому что трудъ возстановленія себя, требуемый ею, былъ уже ему не подъ силу. Оленинъ пріѣхалъ на Кавказъ лѣчиться нравственно отъ цивилизаціи, пріобрѣсть однимъ цѣлебнымъ курсомъ все, недодѣланное ею, подобно тому, какъ другіе туда же ѣдутъ за облегченіемъ отъ физическихъ недуговъ, нажитыхъ извращенной жизнію. Нельзя сказать, чтобъ цивилизація обездолила Оленина совершенно: она дала ему спасительное безпокойство ума и чувства, много благородныхъ стремленій, но не показала ему никакой серіозной цѣли существованія и лишила средствъ къ достиженію чего-либо основательнаго, такъ какъ всего этого онъ отъ нея и не требовалъ. Оленинъ имѣлъ несчастіе, еще и доселѣ грозящее многимъ—принять за настоящія цѣли образованія всю ту нарядную, тщеславную, суетную и легкомысленную жизнь богатыхъ классовъ, которая въ годы его молодости была особенно развита. Едва ступилъ онъ ногой на Кавказъ, какъ всей душой потянулся къ величію его природы, а всего болѣе къ его свободнымъ обитателямъ, къ ясности всѣхъ ихъ мыслей, очевидности и доступности всѣхъ ихъ цѣлей. Такъ и должно было случиться съ человѣкомъ, который не предохраненъ ни отъ какихъ соблазновъ истинной народной цивилизаціей. Нѣмецкіе и преимущественно англійскіе путешественники дали намъ множество трогательныхъ, поэтическихъ описаній пер-

Digitized by Google

вобытныхъ племенъ, встрѣченныхъ ими въ разныхъ концахъ свѣта; но какъ горячо ни сочувствовали они ихъ быту, какъ пламенно ни защищали ихъ отъ презрѣнія и равнодушія европейскихъ народовъ—ни одному изъ нихъ не приходила въ голову попытка упразднить въ себѣ свою собственную, народную цивилизацію. Напротивъ, они торжественно и съ достоинствомъ берегли передъ низшими племенами высокую, образовательную мысль своего отечества. Не то было съ Олениннымъ. Влюбившись въ Маріанну, что не подлежитъ разбору, такъ какъ любовь и страсть часто имѣютъ основаніе въ недоступныхъ психическихъ тайнахъ, Олининъ пожелалъ еще сдѣлаться казакомъ, уничтожить въ себѣ задатки нравственныхъ началъ и всю духовную жизнь, уже завязанную въ немъ полученнымъ образованіемъ, какова бы она ни была. Въ моральномъ смыслѣ это было равносильно тому же ползанію на четверенькахъ, тому же смѣшному пребыванію въ натурѣ. на манеръ адамитовъ, какое пробовали осуществить нѣкоторые наши философы изъ помѣщиковъ 18-го столѣтія, слишкомъ начитавшіеся и недовольно понявшіе Руссо. И когда, послѣ героической смерти Лукашки въ рукопашномъ бою съ засадой горцевъ, Маріанна съ ненавистью отвергаетъ постылую любовь Оленина, бѣдный юнкеръ уѣзжаетъ, сопутствуемый презрѣніемъ всей станицы, не исключая и друга своего Ерошки, сожалѣніе котораго тоже довольно подозрительнаго свойства. И Олининъ вполнѣ заслужилъ эти проводы своей распущенностію, отсутствіемъ нравственной силы, которую могло бы ему доставить только дѣльное образованіе, если бы оно у него было. Этой силѣ подчинилась бы и станица, потому что, если она презираетъ всѣхъ, кого видитъ у себя изъ русскаго міра—солдатъ и чиновниковъ—то презираетъ по одной причинѣ: она не чувствуетъ въ нихъ самобытнаго характера и воли, а считаетъ ихъ только представителями извѣстныхъ распорядковъ. Изъ всѣхъ народовъ она уважаетъ одинъ, именно тотъ, съ которымъ ведетъ истребительную войну, и уважаетъ за способность его хорошо ненавидѣть и жить по-своему. Какъ истое славянское племя,

Digitized by Google

она этому народу и подражаетъ въ лицѣ своихъ щеголей, перенимающихъ наряды и пріемы знаменитѣйшихъ джигитовъ; дѣло даже не ограничивается только львами и денди станицы. Уже и понятія ауловъ, вмѣстѣ съ ихъ языкомъ, успѣли перейти въ нее, и малороссійскій говоръ казаковъ почти также испещренъ иностранными словами, какъ нашъ русскій разговорный языкъ. Эта глубоко-вѣрная черта подмѣчена тѣмъ же Олениным, который оказался такимъ несостоятельнымъ лицомъ передъ „станицей“, во-первыхъ, и передъ „образованностію“, во-вторыхъ. Она напоминаетъ намъ, что Оленинъ, будучи запутаннымъ и шаткимъ характеромъ вообще, есть въ то же время самый зоркій наблюдатель жизни, самый воспріимчивый человѣкъ къ поэтическимъ оттѣнкамъ предметовъ и самый тонкій психологъ, по отношенію къ себѣ и другимъ! Противорѣчія, удивительно обрисовывающія его натуру и свойства, его воспитаніе!

Въ такомъ-то поэтическомъ и художественномъ видѣ является постоянная идея гр. Толстого въ романѣ, написанномъ, если не ошибаемся, лѣтъ десять тому назадъ. Какъ бы вы не относились къ этой идеѣ, къ какимъ бы соображеніямъ и выводамъ она васъ ни приводила, но произведеніе, на ней основанное, благодаря участію настоящихъ творческихъ силъ въ его созданіи—остается все-таки образцовымъ по строгой вѣрности изображеній, по истинѣ и теплотѣ колорита, по свѣжести, красотѣ и вмѣстѣ реальности всѣхъ своихъ подробностей. Мы уже замѣтили, что искусство выбираетъ для себя предметы совершенно независимо отъ существующихъ мнѣній, относительно ихъ достоинства или ихъ недостатковъ, но оно уже никогда не лжетъ. Тотъ еще не понялъ романа, кто не почувствовалъ въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ его, пересчитанныхъ нами выше, удивительнаго сочетанія поэзіи съ самой жестокой, изобличающей правдой. То же сочетаніе, возможное единственно художникамъ, слышится и въ передачѣ обычаевъ, нравовъ, образа жизни и хода дѣлъ въ станицѣ. Они не составляютъ у гр. Толстого отдѣльныхъ описаній,

Digitized by Google

но вплетены въ самую жизнь, имъ изображаемую, и текутъ вмѣстѣ съ нею, ни разу не отдѣляясь отъ нея: такъ искусство усвоиваетъ себѣ данныя этнографическаго свойства, возвращая ихъ дѣйствительности, изъ которой они обыкновенно открываются наукой для болѣе удобнаго изслѣдованія. Впрочемъ, въ романѣ есть страницы, завоевывающія себѣ, такъ сказать, вниманіе и сужденіе читателя по силѣ поэзіи и правды, которая вѣетъ отъ нихъ. Врядъ ли сыщется воображеніе, которое не было бы поражено описаніемъ ночи въ „секретѣ", на берегу Терека, въ его камышахъ съ переплывающимъ для добычи черкесомъ, фигурой молчаливаго горца, пришедшаго къ казакамъ выкупить тѣло убитаго брата, отчаяннымъ боемъ въ засадѣ, вѣнчающимъ пору собиранія винограда и длинныхъ кутежей молодежи на улицахъ станицы, и многими другими сценами. Нельзя забыть, говоря о качествахъ этого романа, развитія его драмы: исторія отношеній Оленина къ станицѣ, Лукашкѣ и его невѣстѣ, этого страннаго соперничества между совѣстливой, повѣряющей себя личностію и коварствомъ и самоувѣренностію людей естественнаго быта, ведена съ постоянно возрастающимъ вдохновеніемъ, которому отвѣчаетъ постоянно возрастающій интересъ положенія. Мы удерживаемъ за романомъ право называться капитальнымъ произведеніемъ нашей литературы. Можетъ быть, онъ еще важенъ и тѣмъ, что поможетъ сохранить истинныя преданія искусства и творчества въ эпоху, когда послѣднимъ грозитъ опасность загрубѣть и выродиться отъ попытокъ миновать ихъ въ беллетристикѣ и достичь убѣдительности, на зло имъ и безъ ихъ помощи.

Но послѣднее слово относительно произведенія гр. Толстого все таки должно указать на полное отрицаніе естественнаго, непосредственнаго быта, какое заключается въ самомъ романѣ, несмотря на всю его прелесть, и къ какому приведенъ былъ авторъ, помимо своей воли, можетъ быть, единственно тѣмъ, что дѣлаетъ его замѣчательнымъ писателемъ, вѣрностію избранному предмету, художническимъ исполненіемъ своей задачи. Мы не говоримъ о по-

Digitized by Google

пытках насильственнаго усвоенія простоты и безыскусственности патріархальнаго существованія: тѣ положительно и очень хорошо осуждены имъ въ лицѣ Оленина; но и первобытная община, возвеличенная его поэтическимъ описаніемъ, также осуждена уже однимъ тѣмъ, что выведена на свѣтъ въ полномъ своемъ образѣ. Онъ самъ привелъ всѣ черты, указанія и подробности, которыя могутъ служить данными для процесса противъ общины, въ защиту морали, цивилизаціи, высшаго гражданскаго развитія. Мы не можемъ принять на себя труда, который былъ бы, впрочемъ, и лишній—перебрать всѣ такія черты, указанія и подробности; но достаточно будетъ упомянуть объ одной особенности, бросающейся въ глаза и подрывающей все значеніе станицы, какъ примѣра: станица не имѣетъ будущности: она временное явленіе, долженствующее съ развитіемъ мира и гражданственности на Кавказѣ уничтожиться со всѣми своими поэтическими отличіями и характерными чертами и, конечно, всякій понимающій благо и призваніе своего отечества, не усомнится сказать, что чѣмъ скорѣе, для достиженія выпеозначенныхъ результатовъ, пойдетъ она къ концу своему, тѣмъ лучше.

Въ заключеніе справедливость требуетъ замѣтить, что гр. Толстой не составляетъ въ нашей литературѣ отдѣльнаго, исключительнаго явленія. Вся мыслящая часть нашего общества занята исканіемъ простоты, естественности, новыхъ мѣръ для опредѣленія нравственнаго достоинства человѣка и новыхъ способовъ воспитывать его политически и гражданскн. Литература собственно ничего другого и не дѣлаетъ: это такъ же вѣрно для ученой, политической и экономической литературы, какъ и для искусства и беллетристики. Подобное же движеніе замѣчается и въ современныхъ европейскихъ литературахъ, но у нихъ есть и коренное, громадное отличіе отъ того, что происходитъ у насъ. Тамъ люди ищутъ между народомъ и въ молчаливыхъ классахъ общества свѣжихъ родниковъ чувства и жизненныхъ откровеній, съ цѣлью внести здоровые соки въ свою утвердившуюся цивилизацію, которой, что бы они ни го-

Digitized by Google

ворили въ порывѣ гнѣва и нетерпѣнія, никогда и ни на что не промѣняютъ. Мы ищемъ другого: мы ищемъ, нѣтъ ли гдѣ у насъ, въ основныхъ слояхъ населенія, цѣльной, полной культуры, способной отвѣчать на всѣ законные запросы человѣка и общества и сразу помѣстить насъ въ средѣ совсѣмъ готовой, народной цивилизаціи. Исканіе европейскихъ литературъ выходитъ изъ заботы поддержать существующее зданіе на вѣки въ первоначальной красотѣ, новизнѣ и свѣжести; наше исканіе есть еще странствованіе въ пустынѣ за обиталищемъ, которое, по мнѣнію писателей, и завоевывать не надо, которое насъ ждетъ совсѣмъ устроенное для того, чтобы успокоить всѣ наши требованія и стремленія. Идеалы простыхъ, естественныхъ и прочныхъ развитій смѣняются у насъ въ литературѣ одинъ другимъ, выказывая пламенную вѣру своихъ авторовъ, а иногда и высокія художническія ихъ достоинства. Покидая гр. Толстого съ великой благодарностію за все, что онъ далъ намъ испытать своимъ разсказомъ, мы встрѣчаемся съ другимъ авторомъ, также очень даровитымъ и исполненнымъ, въ высокой степени, энергіи и лирическаго паѳоса, что всегда служитъ признакомъ существованія у писателя замѣчательныхъ производительныхъ силъ. Мы говоримъ о г-жѣ Кохановской, недавно издавшей два тома своихъ повѣстей. У нея есть тоже свое „спасительное слово“, свое представленіе о началахъ, обусловливающихъ появленіе истинно-народнаго, мощнаго развитія, и свои высокіе примѣры, въ которыхъ начала эти воплотились, но критика наша отнеслась къ идеаламъ автора только съ намеками, болѣе или менѣе оскорбительными, и не подвергла ихъ разбору, котораго они, сами по себѣ и по способу ихъ изложенія, далеко превышающему обычный уровень приличія и достоинства, казалось бы, вполнѣ заслуживали.

П. Анненковъ.

* * *

Digitized by Google

*) Г-жа Е. Туръ, объяснивъ, какимъ образомъ попалась ей за границей въ руки книжка „Русскаго Вѣстника“ съ повѣстью „Казаки“ и съ какимъ захватывающимъ интересомъ была прочитана ею эта повѣсть, говоритъ:

„Въ этой повѣсти бездна поэзіи, художественности, образности. Повѣсть не читаешь, не воображаешь, что въ ней описано, а просто видишь; это—цѣлая картина, нарисованная рукою мастера, колоритъ котораго поразительно ярокъ и вмѣстѣ вѣренъ природѣ; въ немъ съ ослѣпительною *яркостію* соединена *правда* красокъ. А въ этомъ-то гармоническомъ соединеніи и заключается величайшая трудность, которую дано преодолѣть и побѣдить только истинному художнику. Задача эта разрѣшается только кистью мастера! Гр. Толстой исполнилъ ее съ необычайной легкостію, энергіею и смѣлостію. Нигдѣ не видать кропотливой работы, нѣтъ изысканности выраженій; все просто, незамысловато—но сколько поэзіи и оригинальности въ этой простотѣ! Это—сама жизнь съ ея неуловимой прелестію; что̀ можетъ быть поэтичнѣе описанія выкупа тѣла убитаго черкеса, собиранія винограда и картинъ природы, разбросанныхъ по всему разсказу, чарующихъ читателя на каждой страницѣ?

Кажется, что повѣсть гр. Толстого должна безусловно закупить всякаго, а между тѣмъ, несмотря на ея поэтическія и художественныя достоинства, на душѣ дѣлается и грустно, и смутно, и неловко послѣ ея прочтенія. Это смутное чувство превращается въ горькое, когда повѣсть перечитывается со вниманіемъ. Вотъ объ этомъ-то, до искусства не касающемся вопросѣ, я желаю поговорить...“

*) Евгенія Туръ (гр. Е. В. Саліасъ-де-Турнемиръ). „Отечественныя Записки“ 1863 г., № 6. Статья подъ заглавіемъ: *Казаки*. „Кавказская повѣсть 1852 г. графа Л. Н. Толстого“.

Изъ обширной (занимающей около 40 страницъ) критической статьи г-жи Е. Туръ о повѣсти „Казаки“ взятъ въ настоящій сборникъ только анализъ главнаго лица повѣсти, Оленина, и то съ нѣкоторыми сокращеніями; характеристики же другихъ лицъ и общій отзывъ о повѣсти, въ которомъ г-жа Туръ между прочимъ много сѣтуетъ на Толстого за то, что послѣдній „рѣзко и храбро принялся поэтизировать пьянство, разбой, воровство, жажду крови“ и т. п.,—сюда не вошли.

Примѣч. В. Зеленскаго.

Digitized by Google

(Пропускается нѣсколько разсужденій, относящихся къ теоріи *искусства для искусства* и трактующихъ о результатѣ произведенія съ тенденціей и безъ тенденціи).

„Что хотѣлъ доказать своею повѣстію гр. Толстой? Прочитавъ его великолѣпную, по колориту, повѣсть, къ какому заключенію приходитъ читатель? Надъ чѣмъ онъ задумался? Что поражаетъ его? Что ласкаетъ или немилосердно оскорбляетъ его чувства? Я не хочу произвольно отвѣчать на эти вопросы, и потому попытаюсь поговорить о характерѣ одного изъ героевъ повѣсти, навести самого читателя на тѣ мысли, которыя неотвязно меня преслѣдуютъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, вторично прочитавъ повѣсть, я закрыла книгу. Въ характерѣ, въ жизни Оленина, въ жизни его до начала завязки и въ жизни его послѣ нея —надо искать разрѣшенія вопроса...“ (За симъ слѣдуетъ пересказъ изъ повѣсти характеристики Оленина).

„Что ни фраза, то противорѣчіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ авторъ не сбиваетъ абриса (по мѣткому и вѣрному выраженію живописцевъ), фигура Оленина выходитъ отчетливо. Фальшивые штрихи не въ силахъ затемнить первоначальный, рѣзкій очеркъ. Человѣкъ двадцати-четырехъ лѣтъ, который нигдѣ не кончилъ своего образованія, ничѣмъ серіознымъ не занятъ, который успѣлъ промотать полсостоянія, не доживъ до двадцати-пяти лѣтъ, который, чувствуя приближеніе *труда* или *борьбы*, спѣшитъ, по словамъ автора, отстоять свою свободу, а по-нашему проще, спѣшитъ уйти отъ борьбы и труда,—у котораго нѣтъ *ни вѣры ни отечества*, очень памятенъ всѣмъ намъ, русскимъ. Олениннъ, не имѣя ни вѣры ни отечества, оттого именно не скучалъ и не былъ мраченъ, что не чувствовалъ, не могъ даже по своему крайнему неразвитію чувствовать, что за лишеніе, что за бѣдствіе, что за скорбь заключаются въ сознаніи несчастнаго, что у него нѣтъ ни вѣры ни отечества. Что касается до резонёрства, то, по нашему мнѣнію, Олениннъ именно резонеръ—но объ этомъ послѣ. Если переложить на простой языкъ очеркъ Оленина, сдѣланный авторомъ, то выйдетъ, мы уже сказали

Digitized by Google

это, всѣмъ намъ знакомая фигура. Оленинъ—индиферентъ, недоучка, лѣнтяй, контитель неба, топтатель мостовой, маменькинъ сынокъ, барченокъ, пустой тщеславный щеголь, отчасти пьяница, отчасти повѣса (не отъ избытка силъ, а отъ праздности и распущенности), мотъ, общество котораго состояло изъ такихъ же лицъ, какъ онъ самъ. Это общество проводило вечера въ гостиныхъ, ночи за бутылкой шампанскаго, у Шеваліе или у Амалій, Луизъ и въ другихъ грязныхъ мѣстахъ, гдѣ разыгрывались пошлыя похожденія и авантюры. Что касается до прикрасъ, которыми разукрасилъ авторъ своего героя, то мы не можемъ взять ихъ на вѣру; да если бы и рѣшились принять ихъ къ свѣдѣнію, то прикрасы эти окажутся вскорѣ самаго мишурнаго свойства; для этого нужно не болѣе минуты размышленія. Желаніе посвятить себя музыкѣ, любви къ женщинѣ (какъ же это посвятить себя любви къ женщинѣ? что-то непонятно), *наукѣ* (?) и чему-то еще—немыслимо въ такомъ лицѣ, какъ Оленинъ. Мы не сомнѣваемся, что онъ при случаѣ, рисуясь, говорилъ все это, но мы не обязаны слова его принимать къ свѣдѣнію. Мы также не можемъ принять за серіозное увѣреніе, что онъ раздумываетъ, *куда* положить всю эту силу молодости, только разъ въ жизни бывающую въ человѣкѣ. Да и увѣреніе это пахнетъ фразою безъ всякаго содержанія. Что̀ такое сила молодости, *разъ въ жизни бывающая*? Когда? Въ двадцать лѣтъ, или въ двадцать-пять, или въ восемнадцать? И сколько длится эта сила молодости? Годъ, два, три или десять лѣтъ, отъ восемнадцати до двадцати-восьми? Эта фраза просто непонятна, но она сдѣлается еще непонятнѣе, если мы приклеимъ къ ней слѣдующую за тѣмъ фразу: „не силу ума, сердца, образованія, но тотъ не повторяющійся порывъ, ту на одинъ разъ данную человѣку власть сдѣлать изъ себя все, что̀ онъ хочетъ...“ Тутъ мы не понимаемъ ни слова, не можемъ отгадать мысли автора. Что̀ же это за сила, которая не есть ни сила ума, ни сила образованія, ни сила сердца? Какая же это сила? Физическая, стало быть. Но когда же дано было физической силѣ сдѣлать

Digitized by Google

изъ человѣка или изъ всего міра то́, что́ ей хочется? Слава Богу, физической силѣ есть границы и сфера ея тѣсна. Физической силѣ дано гнести людей, это правда, и гнести ихъ гнетомъ тяжкимъ; но силы духа, силы сердца, силы образованія всегда въ конечномъ результатѣ одерживаютъ побѣду и помогаютъ людямъ освобождаться изъ-подъ физическаго гнета. Силы духа, сердца и образованія таковы, что онѣ творятъ чудеса, въ которыхъ отказано силѣ физической, силѣ грубой. Въ этомъ и заключается величіе души человѣка, его могущество, его святая прерогатива надъ всѣми созданіями. —*Неповторяющійся порывъ*... Но что́ такое порывъ? Порывъ—не причина, а слѣдствіе, не исходная точка, а отъ нея бѣгущая сила. Порывъ происходитъ отъ толчка, а кто даетъ толчокъ, если не сила ума, не сила образованія, не сила сердца? Воля, скажете вы! Но и воля управляется чѣмъ-нибудь—умомъ, сердцемъ, образованіемъ (понимая подъ образованіемъ нравственное развитіе), прихо́тью, наконецъ! Дальше авторъ объясняетъ, что до сихъ поръ (до начала повѣсти) Оленинъ любилъ одного себя. Мы въ этомъ не сомнѣваемся. Такіе господа, какъ Оленинъ, не доросли до того, чтобы сумѣть любить другихъ, и способны любить лишь самихъ себя, ибо они пусты, мелочны и ничтожны; чтобы любить другихъ и другое, надо быть одареннымъ или глубокою натурою или безконечною добротою, то-есть широкимъ и глубокимъ сердцемъ. Авторъ старается объяснить, почему Оленинъ любилъ одного себя и прибавляетъ: „и не могъ не любить (себя), потому что ждалъ отъ себя всего хорошаго“. На какихъ основаніяхъ? „Потому—говоритъ авторъ—что не успѣлъ разочароваться въ самомъ себѣ“. Очень вѣримъ! какъ ему было разочароваться? Чтобы разочароваться, надо носить идеалъ въ душѣ своей, надо стремиться къ чему-нибудь! Къ чему могъ стремиться неучъ, щеголь гостиныхъ, кутила ресторановъ? Онъ умѣлъ только слегка волочиться за барышнями, и убѣгалъ тотчасъ, какъ скоро любовь, не съ его, а съ ихъ стороны, грозила перейти въ нѣчто серіозное. Оленинъ такъ мелокъ, что онъ боялся даже въ

Digitized by Google

другихъ серіознаго чувства. Зато онъ мастеръ заставить богатаго пріятеля заплатить счетъ въ ресторанѣ, умѣетъ *съ честью* участвовать въ попойкахъ съ цыганками, устроенныхъ какими-то Сашкой Б*, полковникомъ и флигель-адъютантомъ. (Сашка! драгоцѣнное имя! сколько свойствъ, какія добродѣтели заставляетъ оно предполагать въ томъ, который заслужилъ и усвоилъ его!). Знакомые Оленина считали за честь сближаться съ этимъ Сашкой Б*, и хотя Оленинъ увѣряетъ, что онъ съ своей стороны не желалъ сближатья съ симъ героемъ французскихъ трактировъ, но мы имѣемъ право опять не вѣрить ему; ибо онъ спѣшитъ прибавить, что однако Андрей, его управляющій, былъ бы *озадаченъ*, когда бы узналъ, что его баринъ *на ты* съ Сашкой Б*. Если онъ *на ты*, стало-быть, сближался; мало того, если разсуждаетъ, что его управляющій былъ бы озадаченъ этимъ, то ясно, что и самъ онъ нѣсколько озадаченъ и самому ему льститъ близкое знакомство съ Сашкой Б*. Всѣ эти размышленія Оленинъ кончаетъ очень характеристично. Онъ вспоминаетъ, что на послѣдней попойкѣ никто не выпилъ больше его, и что онъ выучилъ цыганъ новой пѣснѣ, и всѣ слушали... Мы приводимъ все это не для того, чтобы выяснить характеръ Оленина: онъ, повторяемъ, угадывается съ первыхъ строкъ; но для того, чтобы доказать, что не мы преднамѣренно навязываемъ Оленину различныя свойства, а что такимъ выставилъ его самъ авторъ. Надо прибавить, однако, что, выставляя его такимъ, авторъ пытается оправдывать своего героя, всегда обращается съ нимъ серіозно, и порою желаетъ выставить его въ хорошемъ, розовомъ и поэтически-обольстительномъ свѣтѣ. Мы, съ своей стороны, совершенно отрицаемъ присутствіе чего-нибудь серіознаго въ людяхъ, подобныхъ Оленину, и, разумѣется, въ немъ самомъ, и постараемся доказать это, продолжая разборъ нашъ.

Авторъ не говоритъ намъ, по какимъ соображеніямъ герой его изъ гостиныхъ, ресторановъ, отъ цыганъ, княженъ, Сашекъ и попоекъ, словомъ, отъ дѣятельной и столь почтенной жизни кутилъ, рѣшился ѣхать на Кавказъ юн-

Digitized by Google

керомъ. Мы догадываемся, что это произошло частію отъ праздности, бросающей человѣка туда и сюда, безъ всякой цѣли, для исканія чего-либо *новенькаго*, частію отъ тщеславія схватить крестикъ, либо чинъ, частію изъ желанія покутить на иной ладъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжать отъ долговъ, которыхъ накопилось ужъ слишкомъ много. При томъ же мысль, что объ немъ будутъ говорить, что онъ займетъ собою въ теченіе недѣли или двухъ и эту княжну, и этихъ Сашекъ, полковниковъ и флигель-адъютантовъ, и этихъ Амалій, и этихъ цыганокъ, могло толкнуть его юнкеромъ на Кавказъ. Его будутъ провожать, его будутъ жалѣть, надъ нимъ будутъ охать. Все это лестно, а онъ будетъ рисоваться, ломаться, играть роль! Просто, не жизнь, а масленица! Оленинъ прощается, *не расплачивается* (черта характеристическая), и ѣдетъ на Кавказъ, увѣряя себя (или лучше, какъ увѣряетъ насъ за него авторъ), что онъ прежде не хотѣлъ жить *хорошенько*, но что теперь начнется для него *новая жизнь*, въ которой не будетъ ошибокъ, раскаянія, а будетъ одно *счастіе*. Кромѣ этихъ возвышенныхъ мыслей, есть у Оленина другія, болѣе ему свойственныя и сродныя, которыя ему приходятся болѣе по плечу. Онъ думаетъ, что если бы онъ женился на этой богатой барышнѣ, которой онъ нравился, то у него не было бы долговъ; но пусть читатель не смущается. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ Оленинъ и всѣ ему подобные не были способны жениться изъ-за денегъ. Конечно, они не сдѣлаютъ этого безъ настоятельной необходимости, ибо глупо жертвовать своей свободой и стѣснять свою жизнь брякомъ безъ увлеченія, хотя бы чувственнаго, когда есть еще и состояніе, и молодость, и будущность, и когда долги не слишкомъ безпокоятъ и ихъ можно еще очень спокойно не уплатить, а уѣхать, сказавъ: *подождите!* Дѣло другое, когда уже *все* состояніе промотано, молодость прожита— тогда не жениться на деньгахъ было бы глупо. Тогда онъ и женится—а пока нѣтъ еще, подождетъ. Продолжая раздумывать, Оленинъ кончаетъ тѣмъ, что заподозрѣваетъ своего друга въ корысти и рѣшаетъ, что другъ любитъ богатую

Digitized by Google

дѣвушку за ея деньги. Несмотря на это, онъ трогательно прощается съ нимъ и даже говоритъ какую-то сантиментальную фразу, гдѣ слова: „я говорю откровенно, я люблю тебя“, звучатъ очень фальшиво. Не будь у насъ другихъ чертъ для физіономіи Оленина, довольно было бы и этихъ. Испорченность—необходимое условіе безпорядочной жизни посреди мелкихъ, пустыхъ и грязныхъ людишекъ—привилась къ его небогатой натурѣ. Онъ ужъ не просто *добрый малый, а дрянной человѣкъ*. Какъ назвать иначе человѣка, который въ двадцать четыре года таковъ, каковъ Олениннъ?

„Дорогой онъ продолжаетъ мечтать объ опасностяхъ, о новой жизни, о черкешенкѣ, *рабынѣ съ покорными глазами*. „Она дика, груба, но понятлива, даровита и быстро усвоиваетъ себѣ знанія. Она выучится по французски, и Notre Dame de Paris ей понравится“. Чего стоятъ эти строки? Какъ ярко обрисовался тутъ тотъ, особенно противный типъ великорусса, о которомъ сказалъ кто-то: grattez le russe, vous trouverez le tartare. Не встрѣчаемся ли мы тутъ съ онѣмечившимся монголомъ; ему пріятно мечтать о рабыняхъ, покорныхъ глазахъ, о рѣзнѣ; жаль, что не прибавлено къ рѣзнѣ и рабынѣ—неотъемлемой принадлежности ихъ—нагайки! Гарцовать на конѣ, съ нагайкой въ рукахъ, драться, бить, ухорствовать и, воротясь домой, встрѣчать рабыню съ покорными глазами и длинною косой! Мечтать о рѣзнѣ con amore, о рѣзнѣ ради рѣзни, безъ причины, безъ повода! Какой идеалъ жизни! Это хотя и не ново, но такъ ярко, что какъ не сказать спасибо! Но это не все. Послѣ рѣзни, рабыни и нагайки (мы непремѣнно стоимъ за нагайку, неотъемлемую принадлежность всѣхъ героевъ на ладъ Оленина), мысли его летятъ далѣе: послѣ славныхъ подвиговъ, онъ возвращается въ отечество, но уже не простымъ смертнымъ, а равнымъ Сашкѣ Б*. И онъ флигель-адъютантъ, и онъ полковникъ! Посмотримъ, какъ этотъ истинно достойный молодой человѣкъ осуществитъ свой высокій идеалъ, верхъ счастія и блаженства своего!

„Уже отъ Ставрополя „все пошло *удовлетворительно*,

Digitized by Google

дико и *воинственно*. Оленину все становилось веселѣе и веселѣе. На одной станціи ему даже разсказали недавно случившееся убійство. Стали встрѣчаться вооруженные люди". Ну, какъ же было не радоваться! Герой гр. Толстого страдалъ воинственнымъ запаломъ и могъ, наконецъ, удовлетворить этой благородной потребности образованнаго человѣка, не кончившаго, впрочемъ, курса ни въ какомъ учебномъ заведеніи. Увидимъ, какіе подвиги, (въ этомъ, конечно, смыслѣ) онъ совершитъ! А пока въ немъ просыпается, по словамъ автора, любовь къ природѣ и является способность страстно восхищаться ею. „Всѣ московскія воспоминанія, стыдъ и раскаяніе исчезли и не возвращались болѣе. *Теперь началось*, какъ будто сказалъ ему торжественный голосъ". Что началось? Убійства, рѣзня, или что другое? Онъ предается какому-то странному на яву сну". (Слѣдуетъ отрывокъ изъ повѣсти о впечатлѣніи, произведенномъ на Оленина видомъ кавказскихъ горъ).

„Что сказать на это? Впечатлѣніе, произведенное горами и мѣшающееся со всѣмъ, передано поэтически-художественно; но это прочувствовалъ и написалъ самъ авторъ. Олениннъ, попивавшій въ Москвѣ съ Сашкой и радовавшійся, что князь Сергій удостоилъ его милостиваго слова, что цыганки поютъ его пѣсню и ихъ *всѣ* Сашки слушаютъ, что пріятель заплатитъ его долгъ въ ресторанѣ, кажется намъ не способнымъ такъ всецѣльно, такъ поэтически проникнуться красотою природы, прочувствовать ея чарующее обаяніе и найти такое глубокое и роскошное наслажденіе въ ея созерцаніи. Чтобъ понять, любить, созерцать и наслаждаться природою, надо обладать не грязною, мелкою и пустою душонкою, не холоднымъ, увядшимъ преждевременно сердцемъ, не праздднымъ умомъ; природа нѣма для такихъ бѣдныхъ созданій; они слѣпы къ расточаемымъ ею богатствамъ и безчувственны къ роскошнымъ наслажденіямъ, которыми даритъ она избранныхъ. Часто эти избранные—люди простые, нехитрые, но зато они добры, чисты, неиспорчены, одарены или широкимъ сердцемъ, или любовною душою, или свѣтлымъ умомъ. Съ такими близка мать наша природа;

Digitized by Google

они ее понимаютъ и вкушаютъ на ея роскошномъ лонѣ безмятежное, безконечное, великое наслажденіе. Жаль, очень жаль, что гр. Толстой разсыпаетъ перлы своей поэзіи передъ Олениными.

Поселясь въ станицѣ, Оленинъ остается вѣренъ себѣ, если не на словахъ (онъ часто морочитъ читателя и, пожалуй, попытается морочить и себя, какъ мы увидимъ дальше), то на дѣлѣ въ поступкахъ и образѣ жизни, а это-то и есть пробный камень человѣка. На Кавказѣ онъ остается тѣмъ же праздными и пустымъ малымъ. Онъ ходитъ на охоту и бродитъ до вечера по лѣсу...“

(Пропускается выписка изъ повѣсти, начинающаяся словами: „Само собою сдѣлалось, что онъ просыпался вмѣстѣ со свѣтомъ...“ и оканчивающаяся: „и застаетъ себя или казакомъ, работающимъ въ садахъ съ казачкою-женою, или абрекомъ въ горахъ, или кабаномъ, убѣгающимъ отъ себя самого“).

„Вотъ это называется дойти до послѣдняго результата. Мало того, желать быть пьянымъ казакомъ, дикимъ абрекомъ, воромъ, въ обоихъ случаяхъ, по свидѣтельству самого же автора, описывающаго и тѣхъ и другихъ ворами и пьяницами, Оленинъ идетъ послѣдовательно и желаетъ обратиться въ звѣря, въ кабана. Впрочемъ, онъ могъ бы, по нашему мнѣнію, утѣшиться въ невозможности превращенія въ четырехногаго кабана; онъ хотя и двуногій, но мало чѣмъ по своей жизни и наклонностямъ разнится отъ животнаго...“ (Въ подтвержденіе этого, Г-жа Е. Туръ продолжаетъ выписки со своими замѣчаніями о жизни Оленина въ станицѣ).

„Оленинъ пилъ чихирь съ Ерошкой, просиживалъ цѣлые вечера съ хозяевами, нерѣдко напивался съ ними, волочился за Марьянкой и хотѣлъ на ней жениться, слѣдственно, дѣлалъ рѣшительно все то, что дѣлаютъ, по словамъ автора, въ станицахъ. Что же касается до забавнаго увѣренія, что онъ имѣлъ отвращеніе *отъ битыхъ дорожекъ*, то оно кажется намъ совершенно несправедливымъ. Прежде всего надо замѣтить, что люди, имѣющіе *отвращеніе* отъ

Digitized by Google

битыхъ дорожекъ, называютъ этимъ не оригинальный строй ума или иную отъ другихъ натуру, а только претензію на нее и мелкое самолюбіе. „Я-де, не такой, какъ другіе; я самъ по себѣ, я оригиналенъ и, слѣдственно, выше всѣхъ другихъ". Кто, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительно выше другихъ, кто созданъ иначе, тотъ не *имѣетъ отвращенія* отъ *битыхъ* дорожекъ, но найдетъ по нимъ потому, что итти *не можетъ*. Онъ часто, и какъ простодушно, сожалѣетъ, что не можетъ жить, *какъ всѣ*, сѣтуетъ на себя и иногда принуждаетъ себя къ этому, но всегда напрасно. Натура такого человѣка, ея высшія потребности толкаютъ его вонъ изъ колеи, и много натерпится онъ, много испытываетъ горечи среди пошлости его окружающаго міра. Олениннъ же, какъ мы видѣли, шелъ положительно по битой дорожкѣ, но только воображалъ, что найдетъ по ней, или только заявлялъ эту смѣшную, ни на чемъ не основанную претензію.

Онъ достигъ полнаго физическаго благосостоянія, такъ что внѣшній видъ его совершенно сходился съ тѣмъ, который имѣютъ такія лица, поселившись на Кавказѣ..." (Выписка, начинающаяся словами: „Олениннъ на видъ казался совершенно другимъ человѣкомъ..." и кончающаяся: „Всякій узналъ бы въ немъ русскаго, а не джигита").

„Отставъ даже отъ чистоплотности людей, живущихъ въ обществѣ, и принявшись носить *грязныя* черкески и оборванные зипуны, онъ предался *сладостному недугу любви*, по любимому выраженію сантиментальныхъ офицеровъ 40-хъ годовъ. Довольство его собою и другими тѣмъ понятнѣе, что въ станицѣ онъ могъ вполнѣ удовлетворить своему самолюбію и тщеславію; онъ былъ большой баринъ въ этой деревнѣ, самый богатый изъ всѣхъ жителей. Всѣ его принимали за начальника, и онъ самъ, вмѣстѣ съ своимъ лакеемъ, Ванюшей, хвастался, что у него нѣсколько своихъ домовъ и *свои холопи*..."

(Далѣе Г-жа Е. Туръ говоритъ о встрѣчѣ Оленина съ Бѣлецкимъ, сравниваетъ ихъ съ нравственной стороны, и приводитъ изъ повѣсти Толстого выписку о томъ, какъ Олениннъ философствовалъ на охотѣ).

Digitized by Google

„Въ этой вереницѣ мыслей, безпорядочно нанизанныхъ, выдуманныхъ, приложенныхъ для чего то, ничто не вяжется, все неразумно, все ребячески глупо. Радоваться, что нашелъ *новую истину*, взволноваться, бѣжать домой, чтобъ сдѣлать *кому-нибудь* добро—изъ рукъ вонъ глупо. Оленинъ, конечно, могъ думать все это отъ праздности и бѣдности соображенія; но для какой цѣли авторъ пересказываетъ его бредни? Развѣ авторъ не знаетъ, что жертвы не приносятся такъ легко, что самое слово *жертва* заключаетъ въ себѣ понятіе страданія и мучительной съ самимъ собою борьбы, что самъ божественный учитель нашъ отступалъ передъ жертвою и сказалъ, какъ и всякій человѣкъ скажетъ: „Да мимо меня идетъ чаша сія!“ Если не легко принести жертву, то не легко и дѣлать добро. Его надо дѣлать умѣючи. Скажемъ больше, надо дорасти нравственно до того, чтобъ быть въ состояніи сдѣлать добро. Его нельзя приниматься дѣлать въ одно прекрасное утро, какъ пекутъ хлѣбъ, или замѣсиваютъ тѣсто. Добро ни съ того ни съ сего, по щучьему велѣнью, смахиваетъ на капризъ, прихоть или на слова, фразы и пустомельство. Самъ Оленинъ долженъ былъ слышать отъ нянюшки въ дѣтствѣ, что поступай, какъ Богъ велитъ—и будешь счастливъ. Онъ, вѣроятно, слыхалъ и отъ школьнаго учителя въ юности, что фразу няни: *Богъ велитъ*, можно свести на весьма незатѣйливые размѣры. Иди по прямой дорогѣ, не хитри съ собой и другими, держись очень простыхъ и ужъ никакъ *не новыхъ* истинъ и правилъ— и спокойствіе будетъ съ тобою. Спокойствіе есть почти счастіе. Неужели и эти азбучныя понятія не были знакомы герою гр. Толстого, одержимому проказой изыскивать *новыя* истины и зараженному желаніемъ *не ходить по битымъ дорожкамъ*? Намъ кажется что особенно въ этомъ случаѣ битая дорожка была бы разумнѣе и не на столько уклонила бы героя отъ простого здраваго смысла.

Впрочемъ, понятія Оленина *о добрѣ* разнились нѣсколько съ общими понятіями о томъ же предметѣ. Пришедши домой, онъ спѣшитъ подарить Лукашкѣ одну изъ сво

Digitized by Google

шадей. Попросту, люди не философствующіе называютъ такіе поступки *не добромъ, а подаркомъ*, тѣмъ болѣе, что Оленинъ не лишалъ себя; лошадь была стара, некрасива; онъ имѣлъ ихъ двѣ, да дома, по собственнымъ словамъ, обладалъ коннымъ заводомъ въ триста головъ. Онъ могъ себѣ купить хотя десять лошадей. Лукашка, несмотря на свои увѣренія, что онъ ему отплатитъ при случаѣ, что онъ ему другъ и едва ли не пойдетъ за него въ огонь и воду, очень смышленъ и не чувствуетъ благодарности за подарокъ, полученный нежданно, безпричинно. Онъ будто угадываетъ, что это—новая прихоть барича. Вся станица отчасти раздѣляетъ это мнѣніе. У иныхъ Оленинъ прослылъ глупцомъ, а другихъ плутомъ; они заподозрили его въ томъ, что онъ дѣлаетъ это не спроста, а изъ какихъ-нибудь неблаговидныхъ, еще ими неразгаданныхъ цѣлей. Это послѣднее воззрѣніе особенно вѣрно: люди грубые, полудикіе, глядятъ на жизнь единственно съ практической стороны, и, не имѣя понятія о дурачествахъ, до которыхъ, доходятъ люди праздные и богатые, о броженіяхъ неразвитой и праздной мысли въ ихъ пустой головѣ, натурально заподозрѣваютъ ихъ въ плутовствѣ. Подаривъ лошадь, Оленинъ доставилъ себѣ большое удовольствіе, ибо имѣлъ случай разсказать Лукашкѣ, какъ онъ богатъ, и что у него есть лошади, которыя стоятъ по триста рублей штука, и нѣсколько домовъ въ три яруса. Услышавъ чудеса эти, Лукашка не могъ сообразить, зачѣмъ же пріѣхалъ этотъ богачъ въ эту глушь! Лукашка обращался *просто* съ Олениным, и это стало ему *непріятно*, до первой, впрочемъ попойки, въ которой онъ потопилъ свой зашевелившійся аристократизмъ. Оленинъ, вовсе *съ новой открытой имъ истиной*, подѣлился ею съ Ванюшей, который, какъ и слѣдовало ожидать, ее не одобрилъ и замѣтилъ, что денегъ у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Добро представлялось Ванюшѣ, какъ и Оленину, въ видѣ подарковъ и безсмысленной траты денегъ..." (Далѣе анализуется сближеніе Оленина съ Марьяной на вечеринкѣ и приводится отрывокъ изъ повѣсти, въ которомъ описывается красота Марьяны).

Digitized by Google

„Оленинъ такъ созданъ, что онъ долженъ любить только однимъ, очень обыкновеннымъ образомъ, и ему не можетъ быть знакома любовь въ высшемъ смыслѣ слова. Точно такъ же незнакомо ему и то, что у людей развитыхъ понимается подъ словами *мысль*, *мышленіе*. Какъ только онъ начинаетъ размышлять, то заходитъ, очевидно, въ чужую сферу, гдѣ онъ не хозяинъ. Видно, какъ его пустая голова, и, что еще хуже, голова спутанная—до мысли додуматься не въ силахъ, и что, вмѣсто мысли, онъ заноситъ страшную чепуху. И зачѣмъ ему хочется мыслить? Или лучше, зачѣмъ авторъ, создавшій его, немилосердно вталкиваетъ его въ чуждую для него область? Вотъ еще примѣръ слабой способности сообразительности, соединенной съ неизмѣнной претензіей сказать что-нибудь *новое*, оригинальное. „Никакихъ здѣсь нѣтъ бурокъ,—размышляетъ Оленинъ,—стремнинъ, Амалатъ-Бековъ, героевъ и злодѣевъ". Что это за безсмыслица! Какъ же это на Кавказѣ нѣтъ стремнинъ и бурокъ? А Терекъ съ стремнинами, а черкесы въ буркахъ, которыхъ видали всѣ бывшіе на Кавказѣ, видалъ слѣдственно и Оленинъ! Какъ же это нѣтъ героевъ, злодѣевъ! Положимъ, что Амалатъ-Бековъ дѣйствительно нѣтъ—и слава Богу. Амалатъ-Бекъ—лицо мелодраматическое и народился на Руси нечаянно, въ подражаніе Жану Сбагару или иному герою плохихъ драмъ и романовъ. Графъ Л. Толстой не пишетъ плохихъ романовъ, но великолѣпная сцена выкупа тѣла убитаго черкеса, сцена смерти джигита какъ нельзя нагляднѣе рисуетъ намъ героя-черкеса въ его первобытной дикости, гордости и поэзіи. Оленинъ, побывавшій въ экспедиціи, не могъ не встрѣтиться съ такимъ же первобытнымъ типомъ героя. Что же касается злодѣевъ, то старый охотникъ Ерошка былъ когда-то разбойникомъ, грабилъ и убивалъ безразлично и черкесовъ и русскихъ; Лукашка обѣщаетъ быть такимъ же разбойникомъ; они оба, конечно, не мелодраматическіе злодѣи, но звѣри въ полномъ смыслѣ слова. Звѣриное чувство въ дикарѣ-человѣкѣ описано графомъ Л. Толстымъ удивительно въ сценѣ, когда Лукашка сторожитъ плывущаго абрека, и

Digitized by Google

убивъ его, съ звѣриной радостію смотритъ на тѣло, которое *обираетъ и раздѣваетъ донага.* Сказавъ вышеприведенныя слова, Оленинъ продолжаетъ предаваться несчастной своей страсти къ философствованію. „Люди живутъ, какъ живетъ природа; умираютъ, родятся, совокупляются, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, дереву, звѣрю. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ! И оттого эти люди въ сравненіи съ нимъ самимъ казались ему прекрасны, *сильны, свободны* и, глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя". Какъ же это? Опять совершенно непонятно и нелогично. Оленинъ, сколько разъ укорявшій Лукашку, что онъ застрѣлилъ человѣка какъ зайца, и старавшійся пробудить въ немъ человѣческое чувство милосердія и жалости, этимъ однимъ уже стоитъ выше Лукашки. Какъ ни жалокъ, ни пустъ, ни грязенъ и ни мелокъ Оленинъ, но онъ все-таки во многихъ случаяхъ выше и лучше Лукашки, если не по душѣ, то по пониманію, которое и въ необразованномъ членѣ образованнаго (то-есть недикаго) общества гораздо выше, чѣмъ у члена дикаго племени или дикой общины. Оленинъ, что бы онъ ни былъ, не могъ не усвоить себѣ хотя нѣкоторыя понятія всякаго общества, вышедшаго изъ первобытной дикости. Мы не будемъ долго останавливаться на подробностяхъ, ибо всякій читатель можетъ очень легко убѣдиться, прочитавъ *Казаковъ* графа Толстого, что Оленинъ (помимо собственной воли и, кажется, воли самого автора) стоитъ выше Лукашки и Ерошки. Онъ стоитъ выше ихъ не по свойствамъ души, ума и сердца—ибо Лукашка отъ природы умнѣе, сильнѣе, даровитѣе Оленина—но только по своему развитію, какъ ни бѣдно, какъ ни ничтожно оно. Малая толика образованія, которую удалось Оленину захватить въ средѣ общества, очевидно сдѣлала изъ него если не вполнѣ человѣка, то уже и не дозволила ему остаться въ ряду двуногихъ звѣрей. Оленинъ не способенъ, какъ Лукашка, убить безъ нужды человѣка съ злобною радостію охотника, травящаго звѣря, неспособенъ потомъ съ жадною удалью *обирать его и раздѣвать донага;* онъ знаетъ, что

Digitized by Google

жизнь человѣческая дороже и священнѣе жизни дрозда или зайца; онъ знаетъ, что убить человѣка безъ нужды, не изъ защиты—значитъ нарушить святой и великій нравственный законъ. Оленинъ неспособенъ, какъ Лукашка, не будучи въ состояніи побѣдить сопротивленіе женщины, стращать ее, что она будетъ плакать отъ него, когда онъ станетъ ея мужемъ. Какъ ни испорченъ Оленинъ, онъ обращается съ женщиной больше по-человѣчески, чѣмъ по-звѣрски. Онъ неспособенъ бить ее, неспособенъ издѣваться надъ ней, неспособенъ пьяный влѣзать къ ней въ комнату; правда, что и Оленинъ подозрителенъ, какъ Лукашка, но въ меньшей степени. Оленинъ заподозрилъ пріятеля, Лукашка заподозрилъ Оленина, получивъ отъ него подарокъ,—но это происходитъ въ одномъ отъ испорченности полуобразованія, а въ другомъ отъ совершеннаго отсутствія даже и полуобразованія. Подозрительность есть отличительная черта всѣхъ дикарей; чѣмъ болѣе образованъ и развитъ человѣкъ, тѣмъ онъ довѣрчивѣе и способнѣе видѣть и оцѣнить все хорошее въ людяхъ-братьяхъ. Люди, взросшіе и воспитанные въ истинно гуманной и слѣдственно образованной средѣ, гдѣ все дышитъ любовію къ ближнимъ и желаніемъ добра, дѣлаются довѣрчивѣе и, развивъ въ себѣ все хорошее человѣческой души, признаютъ это и въ другихъ. Если жизнь ихъ не всегда пропитана гуманностію, то правила, внушаемыя дѣтямъ такой среды, пропитаны ею, и эти правила руководятъ человѣкомъ и смущаютъ его, когда онъ отступаетъ отъ нихъ. Человѣкъ можетъ ошибаться, уклоняться отъ правилъ, ему внушенныхъ, но, несмотря на это, не теряетъ вѣры, идетъ дальше, скорбитъ, и кончаетъ тѣмъ, что находитъ добро въ другихъ, и не въ одномъ, а во многихъ. Лукашка неспособенъ, разумѣется, лелѣять въ себѣ такую вѣру и не давать ей угаснуть: онъ вовсе не знакомъ съ нею. Она кажется ему глупостію, невозможностію. Онъ способенъ только искать дурное, заднюю мысль и, разумѣется, найдетъ ее даже и тамъ, гдѣ ея нѣтъ и тѣни. Оттого Лукашка, услышавъ отъ Оленина, что онъ не прочь бы купить у него лошадь—

Digitized by Google

слово, сказанное, очевидно, вскользь, безъ всякаго намѣренія, говоритъ пріятелю:

— „Спасибо, отдарить его кинжаломъ, а то коня было просить сталъ".

Но верхъ нелогичности и спутанности понятій Оленина явственно и рѣзко высказывается въ письмѣ его къ роднымъ. Мы не можемъ не попытаться разобрать его, ибо въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась и мораль повѣсти, и стремленія героя, и *новая теорія жизни:* такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ герой повѣсти графа Толстого. „Мнѣ пишутъ изъ Россіи письма соболѣзнованія, боятся, что я погибну, зарывшись въ этой глуши. Говорятъ про меня: онъ загрубѣетъ, отъ всего отстанетъ, станетъ пить и еще, чего добраго, женится на казачкѣ".

Мы можемъ только удивляться, что родные Оленина боятся, чтобы онъ не погибъ на Кавказѣ. Если бы у нихъ была капля здраваго смысла, они бы поняли, что Ленинъ пропадалъ и въ Москвѣ, что онъ одинаково, какъ тамъ, такъ и тутъ, жилъ жизнію животнаго, что онъ загрубѣлъ еще тамъ, что отстать ему не отъ чего, ибо онъ ни къ чему не приставалъ, что онъ пилъ въ Москвѣ, такъ же какъ на Кавказѣ. Они могли бояться, что онъ женится на казачкѣ столько же, какъ могли бояться, что онъ женится на цыганкѣ.

„Недаромъ, говорятъ, Ермоловъ сказалъ: кто десять лѣтъ прослужитъ на Кавказѣ, тотъ либо сопьется съ кругу, либо женится на распутной женщинѣ. Какъ страшно!".

Дѣйствительно, страшно! Кому не покажется страшной такая катастрофа! Вѣдь, это—конечное паденіе человѣка. Спиться съ кругу, назвать женой и матерью дѣтей своихъ распутную женщину—великое несчастіе, и только Ленинъ, да и то зафилософствовавшись, можетъ иронически отзываться объ этомъ и восклицать: „какъ страшно!" Не взирая на это, этотъ же самый Оленинъ при мысли, что Марьянку онъ могъ бы сдѣлать своей любовницей, содрогается. Стало быть, ничего нѣтъ особенно отраднаго, даже и для него,

Digitized by Google

назвать женою распутную женщину. Но мы уже сказали, что лишь только Оленинъ старается мыслить, какъ заноситъ страшную безсмыслицу и путаницу. Надо простить ему это и примириться съ нимъ. Онъ не учился, необразованъ, а такъ набрался кое-какихъ понятій, не вполнѣ понявъ ихъ. Въ слабой головѣ все спуталось, а самолюбіе его такъ велико, что онъ не сознаетъ своей слабости умственной и своего глубокаго невѣжества, а туда же, какъ и люди развитые, стремится разсуждать—ну, и выходитъ то, что мы видимъ. Онъ продолжаетъ: „Въ самомъ дѣлѣ, не погубить же мнѣ себя, тогда какъ на мою долю могло бы выпасть великое счастіе стать мужемъ графини Б*, камергеромъ или дворянскимъ предводителемъ. Какъ вы мнѣ гадки и жалки! Вы не знаете, что́ такое счастіе и что такое жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что́ я каждый день вижу передъ собою: вѣчные неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно станетъ, кто губитъ себя: кто живетъ въ правдѣ или во лжи—вы или я".

Что ни слово, то ложь и ходули! Особенно не любимъ мы злоупотребленія сопоставленій, и надо признаться, что нигдѣ не встрѣчается ихъ столько, какъ на матушкѣ Руси. Они пріобрѣли право гражданства, являются подъ тысячью формами, подъ различными масками и всегда одинаково ложны, а часто безсовѣстно-наглы. Вотъ и въ письмѣ Оленина сопоставленіе совершенно безсовѣстное. Съ одной стороны, онъ говоритъ о какой-то графинѣ Б*, вѣроятно очень пустой, негодной женщинѣ, о лжи гостиныхъ, о камергерствѣ, и восклицаетъ: „какъ вы мнѣ гадки и жалки!" Мы не споримъ, что такіе люди могутъ быть гадки и жалки! Самъ Оленинъ гадокъ и жалокъ! Но дѣло не въ томъ—онъ сопоставляетъ этихъ людей съ чѣмъ, съ кѣмъ? Вѣдь, людей надо сопоставлять съ людьми же: стало-быть, ихъ надо сопоставить съ Ерошкой, Лукашкой, или хорунжимъ, отцомъ Марьянки, который говоритъ совершенную

Digitized by Google

безсмысліцу, или, наконецъ, съ Назаркой. Нѣтъ! Нѣтъ! Оленинъ сопоставляетъ ихъ съ горами да съ величавой женщиной въ первобытной красотѣ. Вѣдь, и на Руси есть если не горы, то природа, говорящая душѣ; вѣдь, и на Руси есть, помимо гостиныхъ, женщины, и ужъ никакъ не равныя Марьянкѣ, которая съ величавостью первобытной женщины соединяетъ привычку говорить грубыя рѣчи и обыкновеніе кокетствовать по-своему. У ней есть даже желаніе выйти замужъ за богатаго барича, изъ-за денегъ, для того, чтобы стать *барыней*. Быть можетъ, разница между ней и другими женщинами изъ гостиныхъ только въ томъ, что она толстая, а онѣ хилы, у ней коса—у тѣхъ фальшивыя букли. Не отрицаемъ, что физическою красотою пренебрегать нельзя—но, вѣдь, это не все; вся женщина не въ одной матеріальной красотѣ; это всѣ знаютъ, кромѣ, видно, Оленина; но мы отъ него этого и не требуемъ. Намъ только досадно, что онъ не знаетъ своего мѣста, лѣзетъ неловко на ходули! Намъ досадно, что, поговоривъ съ презрѣніемъ о гостиныхъ, гдѣ женщины шевелятъ губки, гдѣ *спрятаны* и изуродованы ихъ слабые члены (нельзя же ходить всѣмъ въ рубашкахъ, какъ Марьянкѣ), восклицаетъ: „Мнѣ становится невыразимо гадко!“ Да отчего же? Откуда это благородное негодованіе? Читатель подумаетъ, что Оленинъ превыше суеты мелкаго міра, преисполненъ добродѣтели и ведетъ жизнь святую, занятъ возвышенными мыслями, наукой, изобрѣтеніями и готовится стать благодѣтелемъ человѣческаго рода—а онъ пьетъ себѣ чихирь съ Ерошкой! Мы понимаемъ, что онъ желаетъ жениться на Марьянкѣ и—Богъ съ нимъ—будетъ ли онъ мужъ Марьянки или графини Б*—это все едино. Онъ отъ этого не станетъ ни лучше ни хуже; но когда онъ прибавляетъ, что онъ *не смѣетъ* (жениться на Марьянкѣ), потому что это было бы верхъ счастія, котораго *онъ недостоинъ*, то мы не понимаемъ ровно ничего. Что это за новый капризъ? что за новая претензія? Чѣмъ онъ хуже Марьянки? Ея умственныя, сердечныя свойства не описаны; сказано только, что она здоровая, толстая и сильная дѣвка—и больше ничего.

Digitized by Google

Мы видимъ, что она работящая и не безъ характера, что она бой-баба, какъ говорится. Это-то и надо Оленину; онъ допался бы ей въ руки и, вѣроятно, она отучила бы его отъ праздности и пьянства. Мы всегда бы согласились съ Олениннымъ, если-бъ онъ намъ высказывалъ *просто* свои простыя и незатѣйливыя желанія; къ несчастію, онъ не можетъ никакъ ограничиться простымъ заявленіемъ чувствъ своихъ: ему все надо выдумывать *новыя* истины, *новыя* чувства, *новыя* теоріи, и надо становиться на ходули, жалѣть другихъ и брезгать ими. Даже и тогда, когда онъ говоритъ, что недостоинъ счастія стать мужемъ Марьянки, онъ рисуется. Въ сущности, онъ знаетъ, что Марьянка — простая, красивая и сильная дѣвка, которую осчастливить не мудрость; но ему мало этого. Ему хочется увѣрить другихъ, что она что-то такое особенное, что́ не дано всякому понять; что надо даже отрѣшиться отъ прошлаго, чтобы понять это величавое созданіе. Даже чувство, которое она внушаетъ ему, не похоже, по его увѣренію, ни на какое другое чувство. Это—опять что-то особенное...“

(Приводятся выписки изъ повѣсти съ замѣчаніями г-жи Е. Туръ, подтверждающія только что сказанное; затѣмъ г-жа Е. Туръ выясняетъ настоящія отношенія Оленина къ Марьянѣ и разбираетъ сцену объясненія Оленина съ Марьяной въ то время, когда смертельно раненый Лукашка умираетъ въ мученіяхъ).

„Тутъ что ни слово, то самая пошлая безтактность (рѣчь идетъ о только что упомянутой сценѣ), самое безстыдное себялюбіе. Можно подумать, что Оленинъ не знаетъ, что Лукашка умираетъ; напротивъ того, онъ не только знаетъ это, но еще видѣлъ, какъ его ранили и какъ его, поднявъ, понесли въ станицу. Съ эгоизмомъ, свойственнымъ одной чувственной любви, съ ея безпощадною свирѣпостью и привязчивостью, онъ пристаетъ: „пойдешь за меня?“ А еще хотѣлъ жертвовать собою! Тутъ дѣло шло не о жертвѣ, а о томъ, чтобы повременить—онъ и того не сумѣлъ, и всякая Марьянка, не лишенная намека на женскія свойства, должна непремѣнно воскликнуть: „уйди! постылый!“

Digitized by Google

„Послѣ этого Оленинъ уѣзжаетъ. Намъ сдается, что отъѣздъ этотъ слишкомъ внезапенъ, что и Оленинъ по своему характеру не можетъ такъ скоро уѣхать, да и Марьянка, одумавшись и погрустивъ объ Лукашкѣ, пошла бы *за барина* и зажила съ нимъ очень счастливо. Оно, конечно, такъ, но тогда нельзя бы было Оленину жалѣть, что онъ не сталъ казакомъ, который крадетъ табуны, или кабаномъ, который бѣгаетъ въ лѣсу, или Лукашкой, который рѣжетъ людей какъ кабановъ, напивается чихирю, *пьяный влѣзаетъ къ ней* въ окно и совершаетъ прочія удальскія шутки и ухарскія выходки, столь нравственно-высокія и человѣчески-прекрасныя! Тогда нельзя бы было горевать Оленину, что *и малая толика* образованности, захваченная имъ, сдѣлала его неспособнымъ къ такимъ подвигамъ. Что съ нимъ станется—авторъ не говоритъ намъ, но изъ данныхъ мы можемъ заключить о послѣдствіяхъ. Онъ возвращается домой и, вѣроятно, заживетъ тою же жизнію ресторановъ и самыхъ пошлыхъ изъ всѣхъ пошлыхъ гостиныхъ? быть можетъ, накутившись въ волю, станетъ мужемъ графини Б*. Вѣдь, одинъ одного стóитъ. Умная, развитая женщина не можетъ выбрать Оленина мужемъ. Его удовлетворятъ экипажи, общество Сашекъ и другія благодати. Между графиней Б*, изуродованной воспитаніемъ и условіями самой гнилой и низкой среды, и Марьянкой, душа которой заключена какъ гусеница въ вѣчной тьмѣ ночи и которая ничего не пойметъ, кромѣ матеріальныхъ удобствъ и наслажденій, не такъ много разницы, какъ кажется съ перваго, поверхностнаго взгляда. Обѣимъ одинаково недоступны высшія сферы человѣческаго пониманія и человѣческаго бытія. Обѣ онѣ не живутъ жизнію женщины и обѣ живутъ жизнію животнаго. Ни одна изъ нихъ не подойдетъ подъ требованія человѣка съ душой, сердцемъ и образованіемъ, но обѣ удовлетворятъ Оленина. У одной развитыя формы молодого тѣла, у другой щегольскіе пріемы, которые польстятъ тщеславію пустого мужа, ибо друзья его, *Сашки*, будутъ цѣнить высоко эти свѣтскія совершенства. Мы увѣрены даже, что графиня Б*, о ко-

Digitized by Google

торой съ такимъ презрѣніемъ и высокомѣріемъ въ минуты резонерства отзывется Оленинъ, была бы женою, вполнѣ его осчастливившей. Ея состояніе, положеніе въ свѣтѣ, ласковыя рѣчи князя Сергія и другихъ, возможность говорить „ты" *Сашкѣ*, полковнику и флигель-адъютанту, совершенно бы ублажили его и заставили бы скоро позабыть молодое и здоровое тѣло Марьянки, всѣ достоинства которой только въ этомъ и заключаются.

Повѣсть кончается. Что хотѣлъ сказать ею авторъ, или что, помимо его воли, сказалось ею и тѣмъ выдало намъ воззрѣнія автора на жизнь? „Да, ничего, скажутъ многіе: передъ вами художественныя картины природы, сцены убійствъ, описанія сбора винограду; читайте, наслаждайтесь, удивляйтесь!"—И читали, читали и другіе, наслаждались, удивлялись, осыпали автора похвалами, а потомъ все-таки задумывались. И дума эта не была ни легкая, ни радостная, ни утѣшительная. Дума была тяжкая, безотрадная, горькая. Передъ вами поэма, гдѣ воспѣта не съ дюжиннымъ, а съ дѣйствительнымъ талантомъ отвага, удаль, жажда крови и добычи, охота за людьми, безсердечность и безпощадность дикаря-звѣря. Рядомъ съ этимъ дикаремъ-звѣремъ униженъ, умаленъ, изломанъ, изнасилованъ представитель цивилизованнаго общества, да и какой еще представитель. Онъ взятъ преднамѣренно въ самой тинѣ этого общества, вытащенъ изъ грязи ресторановъ, изъ вонючей и затхлой атмосферы Сашекъ, изъ удушливаго воздуха гостиныхъ, и выдается намъ за образецъ и продуктъ цивилизаціи, за ея *единственный* продуктъ, какъ будто *настоящая* цивилизація даетъ такіе гнилые плоды. Этотъ образецъ цивилизованнаго, будто бы, общества, чахлый, подленькій, мелкій, но самолюбивый, самонадѣянный, и резонирующій вкривь и вкось, брошенъ посреди дикаго племени; авторъ (или просто таковъ результатъ повѣсти) силится доказать, что дикіе велики и счастливы, образованные—низки, мелки и несчастливы. Что представитель цивилизаціи радъ бы достичь счастія, но ужъ не можетъ, радъ бы сдѣлаться великимъ, какъ Лукашка, но ужъ силъ его на то не хватитъ, а

Digitized by Google

отчего?—Оттого, что онъ образованъ. Вотъ мысль повѣсти, или вотъ мысли, которыя она навѣваетъ.

Е. Туръ (Е. В. Салиасъ-де-Турнемиръ).

***

*) Для новой нашей литературы, кажется, уже совсѣмъ прошло время романовъ и повѣстей съ трескучими событіями, необыкновенными эффектами, неизмѣримыми страстями и т. п. Теперь ужъ рѣдко какому-нибудь писателю, понимающему жизнь, приходитъ въ голову ставить своихъ героевъ въ сверхъестественныя положенія, создавать на ихъ дорогѣ фантастическія препятствія, мѣшающія ихъ счастью, и заставлять ихъ проходить длинный рядъ необыкновенныхъ приключеній, цѣной которыхъ пріобрѣтается, наконецъ, счастливая развязка.

Простыхъ, обыденныхъ препятствій къ достиженію не только счастья, но и просто сноснаго положенія, стало оказываться такое множество, что разсказы о вымышленныхъ бѣдствіяхъ и романтическихъ чувствованіяхъ перестали занимать общество. Чѣмъ проще, обыкновеннѣе, реальнѣе сюжетъ и положеніе дѣйствующихъ лицъ, тѣмъ занимательнѣе произведеніе публикѣ, потому что описаніе реальныхъ страданій и реальныхъ радостей несравненно болѣе раздражаетъ мысль и чувство, чѣмъ всевозможныя хитропридуманныя сцѣпленія обстоятельствъ, выходящихъ изъ ряду вонъ,—когда общество начинаетъ принимать извѣстное серіозное настроеніе. Ему надоѣдаетъ изображеніе вздорныхъ скорбей и радостей разныхъ героевъ, по поводу ихъ удачъ или неудачъ въ отысканіи удовлетворенія своимъ искусственнымъ и пошлымъ потребностямъ, описанія неясныхъ ощущеній, не научающія его ничему, ни въ положительномъ ни въ отрицательномъ смыслѣ. Общество ищетъ въ романѣ своего собственнаго интереса и своей жизни, и служеніе этому интересу стало главной задачей писателя, и чѣмъ сильнѣе талантъ, тѣмъ болѣе съ него спросится.

*) „Современникъ“ 1863 года, №. 7. („*Казаки*“. Кавказская повѣсть графа *Л. Н. Толстого*).

Digitized by Google

Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ все еще такъ слабо сознательное развитіе, истина эта также начинаетъ получать право гражданства, и рѣже попадаются поэты, которые воображаютъ, что въ настоящее время достаточно

Красу небесъ, долинъ и моря
И ласку милой воспѣвать.

и налагать читателю свое туманное фантазерство, чтобы считать себя передовымъ человѣкомъ и властвовать надъ „толпой“. Эта толпа уже не признаетъ этихъ властителей; ея поэтическій идеалъ не выходитъ изъ области ея собственной человѣческой жизни и человѣческихъ правъ. Люди поняли, что счастье человѣка есть его естественное право, и что право это у него постоянно отнимается или нарушается вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся условій и недостаточности знанія. Они поняли, что весь драматизмъ положеній, и жизненныхъ и поэтическихъ, заключается въ томъ, что, съ одной стороны, человѣкъ самъ создаетъ общественныя условія, а съ другой — вполнѣ и какъ бы фаталистически подчиненъ этимъ условіямъ, и страдаетъ, стараясь измѣнить хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Вслѣдствіе этого современный писатель ставитъ обыкновенно своихъ героевъ на реальную почву, показываетъ реальныя препятствія, съ которыми они должны бороться, а также коренныя причины этихъ препятствій, лежащія во всей совокупности общественныхъ условій и въ самомъ человѣкѣ, какъ продукты этихъ условій. Этимъ способомъ читатель хотя отчасти приводится къ уразумѣнію средствъ, обладая которыми, можно, во-первыхъ, бороться успѣшнѣе и безъ той огромной и безполезной растраты силъ, которой человѣкъ обыкновенно подвергается, а во-вторыхъ, удобнѣе предохранять себя отъ вредныхъ обезсиливающихъ вліяній среды. Несмотря на тупоумные крики поклонниковъ стараго искусства, романъ и повѣсть этого рода взяли верхъ окончательно, а писатели волей-неволей стали покоряться требованію общества, которое въ послѣднее время особенно настоятельно спрашиваетъ, почему

Digitized by Google

Который умъ вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и золъ человѣкъ?

Словомъ, романъ и повѣсть придвинулись къ тому вопросу: какими именно средствами личность можетъ добиться возможной доли счастья, и въ чемъ должна заключаться ея дѣятельность по отношенію къ средѣ и другимъ личностямъ для достиженія искомой цѣли? Нука рѣшаетъ эти вопросы въ теоріи, но выводы ея еще не проникли въ сознаніе людей, одаренныхъ художественнымъ талантомъ; истина этихъ выводовъ еще не получила для нихъ характера очевидности. Но скоро и этотъ вопросъ перейдетъ изъ сферы научной въ сферу искусства, къ неоцѣненнымъ свойствамъ котораго принадлежитъ обобщеніе и популяризованіе результатовъ, добытыхъ наукой.

При такомъ положеніи современной мысли — выступилъ снова на беллетристическое поприще графъ Л. Н. Толстой; два послѣдніе года онъ посвятилъ, какъ извѣстно, исключительно педагогической дѣятельности и издавалъ педагогическій журналъ „Ясная Поляна“. Повѣсть, съ которой онъ возвращается къ старой дѣятельности, появилась, какъ и слѣдовало ожидать, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Мы вовсе не желали бы здѣсь касаться педагогической дѣятельности графа Л. Н. Толстого, а по старой критической теоріи и не имѣли бы на это права. Старая теорія говоритъ: вотъ сочиненіе, пиши критику именно на эту книжку и опредѣляй, чего она стоитъ по отношенію къ искусству, манерѣ изложенія, занимательности сюжета и правильности положеній дѣйствующихъ лицъ. Къ сожалѣнію многихъ любителей искусства, теорія эта измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ въ литературѣ получилъ свою роль элементъ общественный, и писатель, переставъ изображать изъ себя жреца, сдѣлался общественнымъ дѣятелемъ на ряду съ другими людьми. Объ общественной дѣятельности человѣка нельзя судить по какому-нибудь одному факту, случайно попавшемуся подъ руку, какъ бы значителенъ ни былъ этотъ фактъ. Сужденіе можетъ быть вѣрно только тогда, когда, разбирая какой-нибудь фактъ общественной дѣятельности человѣка,

Digitized by Google

мы указываемъ мѣсто его въ послѣдовательномъ ряду другихъ подобныхъ явленій, совокупность которыхъ и есть то, что называется общественною дѣятельностью человѣка, а затѣмъ обращаемъ вниманіе на причины и необходимыя послѣдствія разбираемаго факта. Критика поневолѣ должна была стать въ такое же положеніе относительно литературной дѣятельности писателя, и при разборѣ отдѣльнаго произведенія должна коснуться общаго смысла его дѣятельности, той степени развитія, на которой стоитъ въ данную минуту талантъ его, указать связь между прежнимъ и настоящимъ. И чѣмъ разнообразнѣе дѣятельность писателя, тѣмъ интереснѣе связь ея различныхъ фазисовъ между собою, или, такъ сказать, логическое развитіе этой дѣятельности. Вотъ на этихъ-то основаніяхъ, несмотря на все наше желаніе не касаться въ настоящей статьѣ педагогической дѣятельности графа Л. Н. Толстого, мы находимся въ необходимости сказать и о ней нѣсколько словъ, ибо между этою дѣятельностью и появленіемъ его повѣсти „Казаки" есть связь, и довольно тѣсная связь.

Въ тотъ моментъ, когда стало ясно обрисовываться новое русло, въ которое вступила современная жизнь, когда требованія ея отъ науки и искусства стали уясняться, а старые знаменитые писатели начали не безъ нѣкотораго озлобленія протестовать противъ нихъ, въ это время графъ Л. Н. Толстой обратился къ практической дѣятельности, какъ бы не желая участвовать въ словесномъ препирательствѣ, какъ бы желая именно этою дѣятельностью выяснить свое личное воззрѣніе на современную задачу общественнаго дѣятеля и на его отношенія къ новымъ требованіямъ жизни. Эта практическая дѣятельность, начатая довольно шумно, ему не удалась, потому что всякая практическая дѣятельность требуетъ серіозной подготовки и строго-опредѣленнаго воззрѣнія, во-первыхъ, на самую эту дѣятельность, а во-вторыхъ, на ея отношенія ко всему строю современной общественной жизни. Скоро оказалось, что у новаго педагога взглядъ на его собственную дѣятельность страдаетъ изрядной распущенностью, что желаніе сказать что-нибудь та-

Digitized by Google

кое, чего еще никто не говорилъ, и сдѣлать то, чего еще никто не дѣлалъ, вводя его въ грубыя ошибки, обличаетъ въ отсутствіи знанія и въ нетвердости мышленія. Это было ему замѣчено. Онъ отвѣчалъ на это желчными отзывами и, приписавъ, вѣроятно, такое мнѣніе о своихъ средствахъ къ дѣятельности на избранномъ имъ поприщѣ зависти и недоброжелательству, съ которыми посредственность всегда относится къ геніальности, рѣшился совершенно оставить и не признавать современную жизнь, ея требованія и стремленія, ея надежды и опасенія, и съ каждой книжкой своего педагогическаго журнала становился все настойчивѣе въ своей непослѣдовательности, все презрительнѣе къ современнымъ результатамъ знанія и основанной на нихъ дѣятельности людей новаго порядка. Когда эта педагогическая пропаганда пала, истощивъ свои силы въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики, мы уже тогда догадывались, что если беллетристическая дѣятельность графа Л. Н. Толстого возобновится, то онъ явится въ ней писателемъ протестантомъ, la gloire oblige, и знаменитому писателю неприлично же выслушивать мнѣнія какихъ-нибудь незнаменитыхъ или дерзкихъ писателей. Мы ожидали, что, въ отмщеніе за посягательство на свою прежнюю славу и новыя способности, графъ Л. Н. Толстой приметъ манеру другого знаменитаго писателя, перепугавшагося до полусмерти современнаго поворота мысли. Мы однако ошиблись. Вслѣдствіе ли невозможности положительно отречься отъ выводовъ современной науки о человѣческомъ благосостояніи, знакомство съ которыми хотя и безпорядочно, неполно и распущенно, но проглядываетъ въ педагогическихъ писаніяхъ графа Л. Н. Толстого, вслѣдствіе ли отсутствія того огорченія, которое овладѣло г. Тургеневымъ, но повѣсть „Казаки“ не этой стороной связана съ Ясной Поляной. Эта повѣсть является не протестомъ, а сугубымъ непризнаніемъ всего, что совершилось и совершается въ литературѣ и въ жизни, построена на тѣхъ художественныхъ основаніяхъ, по которымъ художнику ни въ какомъ отношеніи законъ не писанъ.

Digitized by Google

Повѣсть „Казаки" названа авторомъ кавказскою, потому, вѣроятно, что дѣйствіе происходитъ на Кавказѣ. Она имѣетъ характеръ очерковъ, взятыхъ изъ станичной жизни казаковъ; дѣйствіе происходитъ въ станицѣ, на берегахъ Терека. Если бы эти очерки явились въ формѣ простого разсказа путешественника, или вообще лица, какимъ-нибудь образомъ попавшаго въ эту далекую и малоизвѣстную сторону, то они могли бы доставить легкое и очень занимательное чтеніе. Конечно, въ этомъ случаѣ можно было бы пожаловаться на автора за легкомысленное обращеніе съ предметомъ, за поверхностный взглядъ на окружающую его среду; читатель пожелалъ бы, можетъ быть, знать причины, почему такъ, а не иначе сложился оригинальный бытъ того народа, къ которому своевольно привелъ его авторъ, а между тѣмъ принужденъ разсматривать его нравы, обычаи и весь общественный строй жизни сквозь узенькое и тусклое окно хаты. Несмотря однакожъ и на это, пестрая, разнообразная и оригинальная картина все-таки удовлетворила бы его отчасти—это весьма вѣроятно. Бѣда только въ томъ, что по прихоти автора эти очерки являются не простыми очерками, а въ видѣ повѣсти, гдѣ героемъ является юнкеръ изъ образованнаго и даже аристократическаго общества города Москвы, по фамиліи Оленинъ. Этотъ Оленинъ не принадлежитъ къ группѣ лицъ кавказской, казацкой и вообще неизвѣстной читателю мѣстности, разсказамъ о которой онъ долженъ вѣрить автору на слово,—нѣтъ. Это лицо, по крайней мѣрѣ, по платью, образу жизни, привычкамъ, всѣмъ знакомое лицо, естественность и художественную правду котораго легко провѣрить всякому, не бывшему на Кавказѣ и въ станицахъ гребенскихъ казаковъ. Онъ поневолѣ привлекаетъ къ себѣ глаза читателя, какъ всегда привлекаетъ наше вниманіе знакомое лицо, встрѣчаемое въ числѣ множества незнакомыхъ. Это лицо, собственно говоря, совершенно ненужное казацкой станицѣ и въ казацкой жизни, введено авторомъ съ умысломъ. Оно должно представить рядъ измышленій автора о человѣческомъ счастьи вообще и затѣмъ показать все превосходство идеала счастья

Digitized by Google

простого, естественнаго, такъ сказать, дикаго, передъ идеаломъ счастья человѣка, заѣденнаго сознательностью, плодомъ неестественной цивилизаціи. Вотъ сюжетъ повѣсти.

Молодой человѣкъ аристократическаго происхожденія и такового же общества, Оленинъ, вдругъ проникается отвращеніемъ и къ обществу, въ которомъ онъ живетъ, и къ тому образу жизни, который онъ ведетъ вмѣстѣ съ этимъ обществомъ. Онъ рѣшается начать новую жизнь и бѣжать изъ Москвы. Куда же можетъ бѣжать молодой человѣкъ аристократическаго общества? конечно, на Кавказъ. Авторъ не объясняетъ, почему Оленину вдругъ показалась гнусною и пошлою жизнь, которую онъ велъ, и упоминаетъ только о денежномъ долгѣ молодого человѣка портному Капелю и о его радости, что онъ будетъ далеко отъ своихъ кредиторовъ. Чѣмъ ближе подъѣзжаетъ Оленинъ къ Кавказу, тѣмъ легче становится ему, и чѣмъ дальше остается за нимъ покинутая московская среда, тѣмъ бодрѣе онъ себя чувствуетъ. Наконецъ, доѣзжаетъ онъ до кавказскихъ горъ и поселяется въ станицѣ. Авторъ описываетъ, какъ онъ принялся ходить на охоту, купать въ Терекѣ лошадь, пить съ казаками Ерошкой и Лукашкой чихирь и любоваться хозяйской дочерью Марьянкой,—ходитъ онъ и въ заходъ, гдѣ ведетъ себя хорошо. Оленинъ отъ всего этого каждый разъ чувствуетъ себя морально-свѣжимъ, *сильнымъ* и совершенно счастливымъ. Первое измышленіе автора насчетъ человѣческаго счастія Оленинъ предлагаетъ читателю по поводу разговора своего съ казакомъ Ерошкой, сказавшимъ, что „послѣ нашей смерти изъ насъ трава вырастетъ".

„Да что же, что трава вырастетъ? думалъ онъ дальше: все надо жить, надо быть счастливымъ; потому что я только одного желаю—счастія. Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, на которомъ трава растетъ, и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единаго Божества: все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?" И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого

Digitized by Google

себя. Онъ самъ представился себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣчивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ себя все такимъ же счастливымъ, какъ и прежде. „Отчего я счастливъ, и зачѣмъ я жилъ прежде?“ подумалъ онъ. „Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастія!“ И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастіе вотъ что, сказалъ онъ самъ себѣ, счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья, стало-быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобства жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворять этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!“ Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему показалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣніи сталъ искать для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. „Вѣдь, ничего для себя не нужно, все думалъ онъ, отчего же не жить для другихъ?“

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, Оленинъ, придя домой, взялъ да подарилъ казаку Лукашкѣ старую лошадь, стоившую рублей сорокъ. Но самыя главныя занятія героя были— любоваться „на утро, на горы, на Марьянку“.

„Онъ смотрѣлъ, говоритъ авторъ, на Марьянку и любилъ ее (какъ ему казалось) такъ же, какъ любилъ красоту горъ и неба, и не думалъ входить ни въ какія отношенія къ ней. Ему казалось, что между имъ и ею не можетъ существовать ни тѣхъ отношеній, которыя возможны между ею и казакомъ Лукашкой, ни еще менѣе тѣхъ, которыя возможны между богатымъ офицеромъ и казачкой-дѣвкой.

Digitized by Google

Ему казалось, что ежели бы онъ попытался сдѣлать то, что дѣлали его товарищи, то онъ бы промѣнялъ свое, полное наслажденій совершеніе, на бездну мученій, разочарованій и раскаяній. Притомъ же, въ отношеніи къ этой женщинѣ, онъ уже сдѣлалъ подвигъ самоотверженія *), доставившій ему столько наслажденія; а главное, почему-то онъ боялся Марьянки, и ни за что бы не рѣшился сказать ей слово шуточной любви.

Наконецъ, является въ станицѣ одинъ изъ его московскихъ пріятелей, князь Бѣлецкій, который удивляется его образу жизни, удивляется тому, какъ онъ до сихъ поръ не свелъ знакомства съ казачками и пренебрегаетъ красавицей Марьянкой. Оленинъ отвѣчалъ, что онъ составляетъ исключеніе. Бѣлецкій почти насильно заставляетъ его прійти къ себѣ на вечеринку, гдѣ собрались казачки, и доставляетъ ему случай обнять и поцѣловать Маріану. Оленину эта вечеринка, до поцѣлуя, все казалась почему-то противною, и его все отъ чего-то коробитъ. Авторъ очень тонко, хотя и не совсѣмъ понятно, передаетъ это ощущенія героя, но зато ничего не говоритъ, какъ показалась Оленину вечеринка эта послѣ поцѣлуя.

Послѣ этого поцѣлуя, отношенія Оленина къ Марьянкѣ измѣнились. Онъ сталъ съ ней кланяться и ходить въ гости къ ея отцу. Авторъ говоритъ, что „онъ *ничего не желалъ отъ нея*, а съ каждымъ днемъ ея присутствіе становилось ему необходимостью. Несмотря на то, что дѣло начинаетъ уже разъясняться, авторъ очень добродушно и искренно написалъ только что приведенную нами фразу и даже продолжаетъ слѣдующимъ образомъ разсуждать за Оленина:

„Оленинъ такъ вжился въ станичную жизнь, что прошедшее показалось ему чѣмъ-то совершенно чуждымъ, а будущее, особенно внѣ того міра, въ которомъ онъ жилъ, вовсе не занимало его. Получая письма изъ дома отъ родныхъ и пріятелей, онъ оскорблялся тѣмъ, что о немъ видимо сокрушались, какъ о погибшемъ человѣкѣ, тогда какъ

*) Онъ рѣшился великодушно уступить ее казаку Лукашкѣ, за котораго она была сговорена.

Digitized by Google

онъ, въ своей станицѣ считалъ погибшими всѣхъ тѣхъ кто не велъ такую жизнь, какъ онъ. Онъ былъ убѣжденъ, что никогда не будетъ раскаиваться въ томъ, что оторвался отъ прежней жизни и такъ уединенно и своеобразно устроился въ своей станицѣ. Въ походахъ, въ крѣпостяхъ, ему было хорошо; но только здѣсь, только изъ-подъ крылышка дяди Ерошки, изъ своего лѣса, изъ своей хаты на краю станицы, и въ особенности при воспоминаніи о Марьянкѣ и Лукашкѣ, ему ясна казалась вся та ложь (какая ложь?), въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и тамъ возмущала его, а теперь стала ему невыразимо гадка и смѣшна. Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя здѣсь болѣе и болѣе свободнымъ, и болѣе человѣкомъ. Совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ воображалъ, представился ему Кавказъ. Онъ не нашелъ здѣсь ничего похожаго на всѣ свои мечты и на всѣ слышанныя и читанныя имъ описанія Кавказа. „Никакихъ здѣсь нѣтъ бурокъ, стремнинъ, Амалатъ-бековъ, героевъ и злодѣевъ“, думалъ онъ: „люди живутъ, какъ живетъ природа; умираютъ, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ“... И оттого люди эти, въ сравненіи съ нимъ самимъ, казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя. Часто ему серіозно приходила мысль бросить все, приписаться въ казаки, купить избу, скотину, жениться на казачкѣ,—только не на Марьянѣ, которую онъ уступилъ Лукашкѣ,—и жить съ дядей Ерошкой, ходить съ нимъ на охоту и на рыбную ловлю, и съ казаками въ походы. „Что-жъ я не дѣлаю этого? Чего-жъ я жду?“ спрашивалъ онъ себя. И онъ подбивалъ себя, онъ стыдилъ себя: „Или я боюсь сдѣлать то, что самъ нахожу разумнымъ и справедливымъ? Развѣ желаніе быть простымъ казакомъ, жить близко къ природѣ, никому не дѣлать вреда, а еще дѣлать добро людямъ, развѣ мечтать объ этомъ глупѣе, чѣмъ мечтать о томъ, о чемъ я мечталъ прежде,—

Digitized by Google

быть, напримѣръ, министромъ, быть полковымъ командиромъ?" Но какой-то голосъ говорилъ ему, чтобъ онъ подождалъ и не рѣшался. Его удерживало смутное сознаніе, что онъ не можетъ жить вполнѣ жизнью Ерошки и Лукашки, потому что у него есть другое счастіе,—его удерживала мысль о томъ, что счастіе состоитъ въ самоотверженіи. Поступокъ его съ Лукашкой не переставалъ радовать его. Онъ постоянно искалъ случая жертвовать собой для другихъ, но случаи эти не представлялись. Иногда онъ забывалъ этотъ вновь открытый имъ рецептъ счастія и считалъ себя способнымъ слиться съ жизнью дяди Ерошки; но потомъ вдругъ опомнился и тотчасъ же хватался за мысль сознательнаго самоотверженія и, на основаніи ея, спокойно и гордо смотрѣлъ на всѣхъ людей и на чужое счастіе.

Въ августѣ мѣсяцѣ, при сборѣ винограда, ярость Оленина начинаетъ обнаруживаться, наконецъ, несмотря на всѣ усилія автора какъ можно дольше оставить это обстоятельство въ туманѣ безсвязныхъ ощущеній героя. Однако всѣ попытки объясненій Оленина въ любви какъ-то не удаются ему,—какъ увѣряетъ авторъ—оттого, что Оленину всѣ объясненія эти постоянно казались почему-то пошлыми, а Маріанна какою-то гордою, неприступною, стоявшею выше всѣхъ его соображеній, но читатель увидитъ далѣе, что дѣло было проще. Наконецъ, является на сцену необходимое во всѣхъ старыхъ повѣстяхъ письмо героя, которое никуда не посылается, а служитъ къ тому, чтобы читатели въ одномъ фокусѣ видѣли всю разнообразную массу самыхъ тончайшихъ впечатлѣній, которыми авторъ какъ сѣтью опутываетъ бѣднаго героя. Въ подлинникѣ это письмо очень длинно—на пяти печатныхъ страницахъ, намъ хотѣлось бы выписать цѣликомъ это интересное письмо въ назиданіе любителямъ разслабляющихъ поэтическихъ ощущеній, но оно черезчуръ длинно, а потому приходится дѣлать изъ него извлеченія.

Въ началѣ письма Оленинъ негодуетъ на соболѣзнованія знакомыхъ о его участи, о томъ, что онъ погибаетъ въ

Digitized by Google

кавказской глуши. Онъ смѣется надъ понятіями о счастіи того круга людей, гдѣ онъ прежде жилъ. „Вы мнѣ жалки и гадки“, восклицаетъ онъ: „вы не знаете, что такое счастіе и что такое жизнь“. Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе счастія: „вѣчные, неприступные снѣга горъ и величавая женщина въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ Творца“. Ну, хорошо; далѣе: „счастье,—это быть съ природою, видѣть ее, говорить съ ней!“ А потомъ Олениннъ переходитъ къ разсужденіямъ, что онъ именно въ свѣтскомъ-то смыслѣ и желалъ бы пропасть, желалъ бы жениться на казачкѣ, но что онъ не смѣетъ этого, потому что недостоинъ такого блаженства. Свое недостоинство онъ объясняетъ историческимъ наложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе его любовныхъ отношеній къ Маріаннѣ. Сначала, вслѣдствіе предразсудковъ, онъ не вѣрилъ, что можетъ полюбить эту женщину. Онъ любовался ею какъ красотою горъ и неба. Потомъ почувствовалъ, что созерцаніе этой красоты сдѣлалось для него необходимостію, и спросилъ себя, ужъ не любитъ ли онъ казачку? Это чувство, изъясняетъ онъ, не было похоже ни на тоску одиночества и желаніе супружества, ни на платоническую, а еще менѣе плотскую любовь. Ему, изволите видѣть, нужно было только знать, что она близко, и онъ былъ счастливъ и спокоенъ. Когда онъ поцѣловалъ ее на вечеринкѣ, онъ вдругъ ощутилъ,—а почему неизвѣстно,—между собою и ею неразрывную связь, но боролся противъ этого ощущенія, думая, что нельзя любить женщину, не понимающую *задушевныхъ интересовъ его жизни*. Здѣсь читатель, какъ намъ кажется, долженъ прійти въ совершенное недоумѣніе:—какіе это задушевные интересы его жизни, которыхъ не могла бы понять казачка? Олениннъ ходитъ на охоту, купаетъ лошадей въ Терекѣ, пьетъ чихирь, ходитъ въ набѣгъ, отъ всего этого чувствуетъ себя счастливымъ, никуда не хочетъ уѣзжать—вотъ и всѣ его задушевные интересы. Чего же тутъ не понять казачкѣ? О другихъ же интересахъ, да еще задушевныхъ, во всей повѣсти нѣтъ

Digitized by Google

ни полъ-слова, кажется, эти интересы авторъ вставилъ для красоты слога... Прежде вечеринки (мы продолжаемъ наше извлеченіе), Маріана была для Оленина „чуждымъ, но величавымъ предметомъ *внѣшней* природы", послѣ вечеринки стала человѣкомъ, но, несмотря на болѣе близкія отношенія, оставалась столь же „чистою, неприступною и величавою". Уже сблизясь съ ея родными и познакомясь съ нею короче, онъ все стыдился тѣхъ обыкновенныхъ словъ, которыя ему приходилось говорить этой женщинѣ. „Я не хотѣлъ, объясняетъ онъ, унижаться, оставаясь въ прежнихъ шуточныхъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что я не дорось до прямыхъ и простыхъ отношеній". Онъ съ отвращеніемъ отталкивалъ отъ себя мысль сдѣлать ее своей женой или любовницей. „Это было бы убійство".

„Мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе. Каждый день передо мною далекія снѣжныя горы и эта величавая, счастливая женщина. И не для меня единственновозможное на свѣтѣ счастье, не для меня эта женщина! Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не пойметь меня. Она не пойметь, не потому что она ниже меня, напротивъ, она не должна понимать меня. Она счастлива: она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу, чтобъ она поняла мое уродство и мои мученія". Несмотря на это, онъ говоритъ, что любитъ ее, но какъ-то не самъ, „а черезъ меня любитъ ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій, вся природа вдавливаетъ эту любовь въ мою душу, и говоритъ: люби! Я люблю ее не умомъ, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ моимъ". Въ концѣ этого пространнаго письма онъ признается, что старыя его убѣжденія, относительно самопожертвованія, вздоръ, что когда прошла любовь, онъ желаетъ счастья для себя. „Не для другихъ, не для Лукашки я теперь желаю счастья. Я не люблю теперь этихъ другихъ. Прежде я бы сказалъ себѣ, что это дурно. Я бы мучился вопросами: что будетъ съ ней, со мной, съ Лукашкой? Теперь мнѣ все равно. Я живу не самъ по себѣ,

Digitized by Google

но есть что-то сильнѣй меня, руководящее мной". Онъ рѣшается, однако, несмотря на все отвращеніе отъ мысли сдѣлать Маріану своей женой, посвататься къ ней. Напившись изрядно чихирю съ ея родителями, онъ сказалъ ей, что хочетъ на ней жениться. Она не отказываетъ, а спрашиваетъ только:

— „Куда Лукашку дѣнемъ?

„Онъ вырвалъ у нея руку, которую она держала, и сильно обнялъ ея молодое тѣло. Но она какъ лань вскочила, спрыгнула босыми ногами и выбѣжала на крыльцо. Оленинъ опомнился и *ужаснулся* на себя. Онъ опять показался себѣ невыразимо гадокъ *въ сравненіи съ нею*". Окончательнаго рѣшенія отъ Маріаны онъ потребовалъ послѣ одной стычки съ абреками, гдѣ былъ смертельно раненъ Лукашка, женихъ Маріаны. Вотъ какъ авторъ описываетъ эту сцену:

„Вдругъ она обернулась. На глазахъ ея были чуть замѣтныя слезы. На лицѣ была красивая печаль. Она посмотрѣла молча и величаво.

„Оленинъ повторилъ:—Марьяна! я пришелъ...

— „Оставь,—сказала она. Лицо ея не измѣнилось, но слезы полились у ней изъ глазъ.

— „О чемъ ты? Что ты?

— „Что?—повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ.—Казаковъ перебили, вотъ что.

— „Лукашку?—сказалъ Оленинъ.

— „Уйди, чего тебѣ надо?

— „Марьяна!—сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

— „Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

— „Марьяна, не говори,—умолялъ Оленинъ.

— „Уйди, постылый! крикнула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться, что онъ прежде думалъ о неприступности этой женщины—было несомнѣнная правда.

„Оленинъ ничего не сказалъ ей и выбѣжалъ изъ хаты".

Digitized by Google

Мы изложили по возможности полно и почти словами автора всѣ эти странныя ощущенія и приключенія Оленина, составляющія главную часть содержимаго кавказской повѣсти графа Л. Н. Толстого. Изъ этого изложенія читатель можетъ легко усмотрѣть, что графъ Толстой принадлежитъ къ той прежней школѣ „художниковъ"-писателей, къ той школѣ, основнымъ правиломъ которой всегда было, чтобы дѣйствующія лица, въ особенности главныя, ощущали какъ можно больше и разсуждали какъ можно безпорядочнѣе, совершенно не отдавали себѣ отчета ни въ своихъ ощущеніяхъ, ни мысляхъ и не обращали никакого вниманія на то, что кругомъ ихъ дѣлается. При началѣ нашего знакомства съ Олениномъ намъ все казалось, что вотъ-вотъ авторъ отнесется къ своему герою иронически, и даже не безъ презрѣнія къ его наивничанью и крайней пустотѣ, а въ концѣ обличитъ всю ложь его размышленій и вздорную путаницу въ ощущеніяхъ. Но скоро догадались, какъ только выступили на сцену безпрестанные возгласы о красотѣ и величавости природы и первобытной женщины и появились какіе-то задушевные интересы, что авторъ смотритъ на своего героя серіозно. Онъ полагаетъ, что поведеніе его очень естественно при тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ его поставилъ, что ощущенія его нормальны. Умыселъ автора, повидимому, именно былъ—изобразить, что вотъ какъ хороши отношенія людей между собою и къ окружающему ихъ міру въ ихъ первобытномъ, такъ сказать, дикомъ видѣ, но что люди, испорченные нашей цивилизаціей, хотя и могутъ понять и оцѣнить все это, но уже не могутъ наслаждаться тѣмъ счастіемъ, которое даетъ эта первобытность, между тѣмъ какъ тутъ только и есть истинное счастіе. Человѣкъ стремится сбросить съ себя путы цивилизаціи и, обратясь къ первобытному состоянію, обрѣсти свое счастіе, но порча такъ велика, что сдѣлать этого онъ не можетъ. Отсюда безвыходность положенія человѣка и всѣ его несчастія. Не ручаемся, что поняли совершенно мысль автора, потому что онъ безпрестанно противорѣчитъ себѣ въ частностяхъ и загромождаетъ ее анализомъ вздорныхъ ощуще-

Digitized by Google

ній и представленій своего героя, выражающихся въ какихъ-то отрывочныхъ, бѣдныхъ реальнымъ содержаніемъ фразахъ. Извѣстно, что, по старой теоріи, чѣмъ туманнѣе взглядъ героя на вещи, чѣмъ безпутнѣе его мысль, чѣмъ больше и безсознательнѣе онъ ощущаетъ, тѣмъ поэтичнѣе выходитъ художественное произведеніе, лишь бы слогъ автора былъ хорошъ, да фраза звучала бы намекомъ на какую-то силу мысли и глубину чувства,—послѣднее называлось тонкимъ анализомъ. Мы подозрѣваемъ однако, что угадали главную мысль автора; какъ же онъ ее обставилъ?

Молодой человѣкъ уѣзжаетъ на Кавказъ, потому что общество, окружавшее его, показалось ему пошлымъ и гадкимъ, а жизнь, которую онъ велъ, отвратительною. Мы уже сказали, что авторъ не объясняетъ, почему возбуждаетъ въ его героѣ такое отвращеніе та среда, гдѣ онъ воспитался и жилъ; онъ говоритъ только, что герой задолжалъ портному Капелю, а можетъ быть, и еще кому-нибудь. Читатель сейчасъ видитъ, что фразы, которыми авторъ увертывается отъ объясненія, ровно ничего не значатъ, а герой просто разсердился на общество за то, что оно не удовлетворяло какимъ-нибудь его потребностямъ, вѣроятно, тщеславію, самолюбію, желанію успѣховъ въ обществѣ,—мало ли, какія бываютъ потребности!—слѣдовательно, не давало ему того счастія, которое ему было тогда нужно. Это весьма просто, потому что если бы Оленинъ имѣлъ другія причины презирать общество, которое покидаетъ, то авторъ не преминулъ бы ясно указать ихъ, потому что сильно симпатизируетъ своему герою. По крайней мѣрѣ, онъ указалъ бы намъ хоть слегка на господствующее убѣжденіе героя, на основаніи котораго читатель могъ бы признать за нимъ право питать отвращеніе къ обществу, гдѣ тотъ жилъ до сихъ поръ. На этомъ-то основаніи Оленинъ и бѣжитъ именно на Кавказъ, потому что ни о какомъ-другомъ мѣстѣ для бѣгства онъ никогда не думалъ, а бѣжать ему было все равно, куда, авось, въ другомъ мѣстѣ найдутся тѣ удовлетворенія, въ которыхъ отказывало ему аристократическое общество города Москвы. Понятно, что чувство

Digitized by Google

свободы и спокойствія должно было невольно охватить душу молодого человѣка, при видѣ чудной природы и вольнаго края, если эта душа не совсѣмъ высохла въ салонной жизни. Свобода—главное и необходимое условіе счастія, отсюда естественно, что воля и роскошная природа Кавказа сдѣлали Оленина на первый разъ удовлетвореннымъ, счастливымъ. Скоро увидѣлъ онъ молодую, красивую женщину, полюбилъ ее, и желаніе обладать ею нѣсколько ослабило счастливыя впечатлѣнія свободной жизни, потому что внесло требованіе еще новаго условія счастья. Здѣсь автору показалось, что будетъ очень обыкновенно, очень пошло и недостойно его способности понимать самыя тончайшія ощущенія души человѣческой, если онъ позволитъ своему герою, человѣку умному (онъ хитро разсуждаетъ о счастьи, самоотверженіи и проч.), человѣку восторженно понимающему изящное (а горы!.. а горы!..), глубоко и оригинально чувствующему (черезъ меня любитъ какая-то стихійная сила, весь міръ вдавливаетъ любовь въ мою душу),— просто покориться этому естественному чувству и попытаться добиться взаимности. Нѣтъ, какъ можно! И вотъ авторъ придумываетъ для героя тьму разныхъ ощущеній, и скорбный герой бьется въ нихъ, ничего не понимая, что происходитъ въ немъ самомъ и вокругъ него; авторъ же занимается анализомъ этихъ ощущеній, ни одно изъ нихъ не опредѣляя. Сидитъ Оленинъ на крыльцѣ своей хаты, пьетъ чихирь съ дядей Ерошкой и мечтаетъ о могучихъ дѣвственныхъ формахъ красавицы, находя въ то же время, что въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлаетъ гадости. И не замѣчаетъ авторъ, что такимъ-то именно способомъ идеальничанья съ вещами, которыя сами по себѣ поэтичны потому только, что они просты и естественны, и можно довести положенія до крайней степени пошлости и уродливости. Оленинъ съ своей стороны на крыльцѣ хаты также не замѣчаетъ, что онъ человѣкъ чуждый обществу, въ которое попалъ, и по своему званію, образу жизни, привычкамъ, а главное по своему крайнему бездѣльничеству, долженъ возбуждать если не презрѣніе, то по крайней мѣрѣ

Digitized by Google

самое полное равнодушіе въ казацкой компаніи. Онъ не замѣчаетъ, что съ нимъ обходятся ласково, что Маріанна подаетъ ему надежды потому только, что онъ богатъ. Ни автору ни Оленину, въ ихъ погонѣ за счастьемъ, ни разу не пришло въ голову, что человѣкъ, требуя себѣ счастья, ищетъ его, по необходимости, именно въ тѣхъ, условіяхъ, въ которыхъ, въ данный моментъ, укладывается его жизнь, а потому, въ дикой ли, въ цивилизованной ли средѣ, ему необходимо знать ея условія, предвидѣть ихъ будущія измѣненія и стараться комбинировать ихъ такимъ образомъ, чтобы они не только не мѣшали удовлетворенію, но способствовали ему. Условія эти разнообразны, но главнымъ образомъ лежатъ въ отношеніяхъ личности къ окружающимъ ее людямъ, и вотъ на эти-то отношенія и обратится мысль человѣка съ толкомъ, если онъ хочетъ добиться цѣли, а не млѣть только да ныть. Его личное исканіе счастья для себя не должно казаться другимъ людямъ посягательствомъ на ихъ долю счастья, а этого можно достигнуть не смотрѣніемъ съ крыльца хаты на горы, не безпрестаннымъ питьемъ чихиря, не купаньемъ лошади въ Терекѣ, не охотой за фазанами и дѣланіемъ подарковъ, а дѣйствительнымъ участіемъ въ окружающей жизни. Это и проглядываетъ въ смутныхъ разсужденіяхъ Оленина о самоотверженіи, которое у него вырождается въ подарокъ Лукашкѣ лошади и въ великодушное намѣреніе не отбивать у него Маріанны. Но эти разсужденія мало прибавляютъ къ дѣлу, потому что авторъ не знаетъ, что не самоотверженіе, какъ его многіе понимаютъ вообще, и не толки объ этомъ самоотверженіи, а твердый и отчетливый взглядъ на среду и отношенія къ ней требуется отъ человѣка для отысканія нужныхъ ему удовлетвореній, иначе придется, какъ Оленину, ходить изъ мѣста въ мѣсто, воображая, что гдѣ-то есть такія самородныя условія, въ которыя стоитъ только влѣзть, какъ въ ловко сшитый кафтанъ, то и будешь сейчасъ счастливъ. Всѣ авторскія и Оленинскія разсужденія о неприступности первобытной женщины выходятъ какимъ-то дѣланнымъ наивничаньемъ, какъ будто нельзя было

Digitized by Google

сказать просто, что казакъ Лукашка, дѣятельный, почтенный, и полезный членъ общества, къ которому принадлежитъ, съ которымъ связанъ органическою связью, и вдобавокъ красивый, молодой, долженъ былъ естественно принадлежать Маріаннѣ, такому же человѣку, какъ и онъ самъ, а она принадлежать ему. Очень естественно также, что, несмотря на любовь и смиренное почтеніе къ ней Оленина, она не могла предпочесть Лукашкѣ человѣка, ей чуждаго, слабаго, незанятаго ничѣмъ, кромѣ вздоховъ и мыслей о неприступности и величавости первобытныхъ красавицъ. Разумѣется, она могла бы поддаться обаянію его богатства, но онъ всегда долженъ былъ ей казаться плохъ, и едва совершилась катастрофа съ Лукашкой, она необходимо должна была прогнать его въ штабъ, гдѣ, по всей вѣроятности, онъ будетъ при другихъ обстоятельствахъ смутно и распущенно размышлять о недоступности для него еще какого-нибудь новаго условія счастья.

Разныя описанія и отдѣльныя фразы, старающіяся быть очень поэтичными, трактующія о прелестяхъ жизни цивилизованнаго общества, и дали намъ поводъ думать, что авторъ считаетъ эту жизнь за такую, которая одна и можетъ дать человѣку счастье. Но вся эта поэзія и всѣ смутныя разсужденія по этому поводу только затемняютъ очень простую и общественную мысль. Всякому понятно, что чѣмъ необразованнѣе человѣкъ, чѣмъ менѣе состояніе его удалено отъ дикости, тѣмъ меньше у него потребностей, тѣмъ они ограниченнѣе, и тѣмъ легче и полнѣе удовлетворяются.

Рядомъ съ умственнымъ развитіемъ, эти потребности быстро увеличиваются, расширяются, дѣлаются сложнѣе, но способы удовлетворенія развиваются медленно и тупо, далеко не пропорціонально развитію потребностей. Отчего послѣднее происходитъ—и это болѣе или менѣе извѣстно всякому, кто сколько-нибудь думалъ объ экономическихъ условіяхъ жизни и кто вдумывался въ неправильности распредѣленія общественныхъ элементовъ и причины этой неправильности. Графъ Толстой съ одной стороны восхищается

Digitized by Google

первобытной обстановкой жизни, съ другой—на Оленинѣ указываетъ, что это счастье уже недоступно для человѣка, исковерканнаго цивилизаціей. Казалось бы, недоступно,—значитъ и толковать объ этомъ нечего. Но знаменитые художники стараго покроя тѣмъ и отличаются отъ другихъ, что любятъ толковать о невозможностяхъ, о томъ, что вотъ какъ бы хорошо было это невозможное, и сколько поэзіи и драматизма въ этомъ стремленіи къ невозможности и въ послѣдующей неудачѣ. Они и знать не хотятъ, что это не болѣе, какъ безплодное раздраженіе фантазіи, и что нормальному человѣку смѣшно и дико слышать и видѣть эти тонкія ощущенія, происходящія отъ нереальныхъ впечатлѣній, и бѣсованія, за ними слѣдующія. Передъ нимъ лежитъ реальная жизнь, полная реальныхъ препятствій къ счастью, и на устраненіе этихъ-то препятствій и устремляется настойчиво его мысль. Для него интересны всѣ подробности той среды, гдѣ онъ живетъ, потому что тутъ его дѣло, тутъ его борьба, а знаменитые художники подчуютъ его неизвѣстной средой, описываютъ безплодную борьбу, указываютъ, что вотъ какъ хорошо было бы то, чего быть не можетъ. Ему нужно знать, что, при современномъ хаосѣ понятій и явленій, ему нужно дѣлать для завоеванія себѣ хоть извѣстной доли благосостоянія, куда прилѣпиться, чтобы не сгибнуть, а знаменитые художники разсказываютъ ему, какъ ничего не дѣлающій, ничего не сознающій, слабый умомъ и сердцемъ мальчикъ мечется какъ шальной за счастьемъ, да еще за такимъ, въ которое можно было бы ему влѣзть со всѣмъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ хламомъ, съ своимъ тупымъ эгоизмомъ и заскоруслымъ барствомъ. Да ищетъ еще такого счастья, котораго бы ему самому понять нельзя было, чтобы оно состояло не то изъ какихъ-то звуковъ, не то изъ какихъ-то намековъ, чтобы тутъ было и могучее дѣвственное тѣло красавицы, но чтобы отъ прикосновенія къ этому тѣлу ему дѣлалось „гадко" и пр., и проч. Словомъ, знаменитые писатели положительно думаютъ, что имъ никакой логическій законъ не писанъ, что дѣйствительность можетъ итти какъ ей угодно, и что

Digitized by Google

имъ до нея никакого дѣла нѣтъ. Ихъ дѣло мечтать, любоваться природой да описывать идеальныя страданія героевъ, находящихся въ умственномъ несовершеннолѣтіи.

Большинство нашихъ знаменитыхъ художниковъ-писателей оказывается такимъ же образомъ несостоятельно въ виду рѣзкаго поворота, который дало теченіе нашей общественной жизни. Легковѣрные люди, кажется, напрасно будутъ ждать отъ нихъ какого-нибудь замѣчательнаго произведенія: его не будетъ, а будутъ разныя повѣсти, разсказы, большіе и небольшіе романы, писанные хорошимъ слогомъ, на старыя, избитыя темы, будутъ описанія изящныхъ страданій, сопровождаемыя тончайшимъ анализомъ цѣлаго ряда самыхъ беззаконныхъ и искусственныхъ ощущеній.

Но романа и повѣсти, которые захватывали бы глубоко текущую жизнь, которые бы въ состояніи были настолько раздражить мысль современнаго человѣка, такихъ произведеній наличныя знаменитости не дадутъ: они вышли изъ жизни. Они сами, впрочемъ, не измѣнились, но они не замѣтили, какъ измѣнилась ихъ обстановка. Для нихъ это было внезапностью. Но, наконецъ, они оглянулись на эту обстановку и замѣтили въ ней разныя вещи, въ виду которыхъ имъ было какъ-то не по себѣ: знаменитости или попрятались или возроптали. О примиреніи не могло быть и рѣчи, тѣмъ менѣе объ измѣненіи воззрѣній, потому что, во-первыхъ, имъ приходилось отказаться отъ прежняго, чему они, будто бы, жарко вѣрили, а во-вторыхъ, надо было забыть и всѣ раны, нанесенныя ихъ самолюбіямъ, забыть то ужасное ощущеніе, что они, воображавшіе себя всегда руководителями общества, вдругъ очутились на хвостѣ. На этомъ и должно кончиться ихъ художественное поприще, потому что въ жизни зады не повторяются.

Возвращаясь къ повѣсти графа Л. Н. Толстого, мы должны замѣтить еще одно обстоятельство. Выше мы сказали, что въ его педагогико-издательской дѣятельности видно постоянное усиліе сказать что-нибудь такое, чего еще никто не говорилъ, выказать такой пріемъ, до котораго онъ самъ, будто бы, додумался, который есть результатъ его собствен-

Digitized by Google

ихъ долгихъ наблюденій и глубокихъ соображеній. Это усиліе проглядываетъ всюду и часто по поводу вещей давно извѣстныхъ всѣмъ, сколько-нибудь занимавшимся дѣломъ воспитанія. Оно проглядываетъ всего сильнѣе въ стараніяхъ, чтобы кто-нибудь, Боже сохрани, не заподозрилъ его въ подражаніи пріемамъ какой-нибудь замѣчательной личности, или въ томъ, что онъ воспользовался чьимъ-либо опытомъ, и единственно для этого графъ Л. Н. Толстой въ своихъ воспитательныхъ статьяхъ иногда просто отрицаетъ какой-нибудь извѣстный выводъ и употребляетъ имъ самимъ изобрѣтенный пріемъ, хотя правильность отвергаемаго есть аксіома, а употребленіе его собственнаго чистая нелѣпость. Это особенно кинулось намъ въ глаза въ сужденіи г. Толстого объ Оуэнѣ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ своей новой повѣсти графу Л. Н. Толстому, вѣроятно, показалось недостойнымъ его таланта возвратиться къ беллетристической дѣятельности съ разработкой вопроса о человѣческомъ счастьи на простой, ограниченной почвѣ, въ средѣ болѣе или менѣе извѣстной и потому занимательной для всѣхъ,— это дѣло чернорабочее. Онъ же захватилъ вопросъ съ точки зрѣнія, такъ сказать, общечеловѣческой и въ своемъ произведеніи свелъ крайнія грани его. Примѣры подобнаго широкаго пониманія и постановки вопроса о человѣческой жизни, конечно, есть въ исторіи европейской мысли; были личности, которыя рѣшали ихъ, не связывая себя старой традиціей,—но это были личности, обладавшія въ самомъ дѣлѣ громадными силами, и ихъ внутренній міръ въ самомъ дѣлѣ вмѣщалъ въ себѣ желанія, стремленія и надежды людей современной имъ эпохи. Такіе люди являются рѣдко и хотя совершаютъ мало практическаго дѣла, но ихъ сильный талантъ, ихъ борьба, безпорядочная, но разнообразная и упорная, дѣлаетъ ихъ имена дѣйствительно хорошими и почтенными. Читая ихъ, невольно чувствуешь, что они силой своего генія бываютъ близки къ правдѣ, что они сильные и честные бойцы за идею общественнаго блага. Графъ Л. Н. Толстой не принадлежитъ къ числу такихъ писателей—лиризмъ его не отражаетъ въ себѣ ничего, кромѣ его

Digitized by Google

собственныхъ, какія Богъ послалъ, ощущеній. Впрочемъ мы, не желая огорчать графа Л. Н. Толстого, если онъ думаетъ о себѣ иначе, скажемъ, что, по нашему мнѣнію, времена становятся все труднѣе и труднѣе для появленія такихъ великихъ художниковъ. Настоящій періодъ исторіи есть періодъ развитія знанія новаго, болѣе реальнаго изслѣдованія и наблюденія. Въ идеяхъ есть много подготовленнаго, что ждетъ благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы перейти въ фактъ, и требуетъ вѣрнаго пониманія, такъ что, какъ бы силенъ ни былъ талантъ художника, если онъ будетъ руководиться однимъ личнымъ чувствомъ и не будетъ обращать вниманія на эти положительныя задачи, не ознакомится съ извѣстными матеріалами для ихъ разрѣшенія, его читать не будутъ, тѣмъ менѣе обратятъ вниманіе на писателя, занимающагося анализомъ искусственныхъ страданій и несознанныхъ впечатлѣній.

Однако, графъ Л. Н. Толстой все-таки беллетристъ хорошій,—его можно читать безъ скуки. Онъ хорошій разсказчикъ и ловкій, хотя и поверхностный, наблюдатель, но онъ плохой мыслитель. Ему не слѣдуетъ браться за глубокія разсужденія, а тѣмъ болѣе за рѣшеніе вопросовъ о судьбахъ человѣчества. Онъ отличный учитель въ школѣ и отличный разсказчикъ того, что видѣлъ и слышалъ,—если, впрочемъ, видѣнное и слышанное ему понравилось. Намъ кажется, что лучше обойтись этимъ.

Изъ „Современника“ за 1863 г.

* * *

*) Новая повѣсть графа Л. Н. Толстого напоминаетъ его первыя замѣчательныя произведенія: Очерки военныхъ дѣйствій подъ Севастополемъ, Рубку лѣса на Кавказѣ и др. Тотъ же спокойный, джентльменскій разсказъ, та же кристальная чистота и вмѣстѣ здоровая, трезвая и скупая простота рѣчи. Лица разсказа всѣ живыя, выработаны въ

*) „Сѣверная Пчела“ 1863 г., № 247. Статья А., подъ заглавіемъ: „Русская критика и художественная этнографія“. Разбираются „Казаки“ и упоминается о „Поликушкѣ“.

Digitized by Google

повѣсти до послѣднихъ мелочей, хотя самый ходъ разсказа, сюжетъ его, завязка нѣсколько страдаютъ растянутостью, даже собственно не растянутостью, а какимъ-то однообразіемъ дѣйствія, впрочемъ очень идущимъ къ общей обстановкѣ мѣстности. Это не Кавказъ Марлинскаго, съ изысканными страстями, утесами, водопадами, рѣзней черкесовъ, дикими рѣчами героевъ и героинь и съ прочей напускною драматико-трагической небывальщиной бѣднаго, дикаго и въ сущности очень простого Кавказа. Напротивъ, это картины, предчувствовать которыя далъ, и то слегка, Лермонтовъ, не въ сказочной героинѣ Бэлѣ, а въ тѣхъ очеркахъ „Героя нашего времени“, гдѣ у него являются Кисловодскъ, Грушницкій, старичокъ Максимъ Максимовичъ и драгунскій капитанъ Иванъ Игнатьевичъ, среди поразительно живыхъ и комически добрыхъ лицъ, ради которыхъ читатель простилъ автору многія фальшивыя и умышленно напускныя, на мѣстѣ никогда небывалыя и невиданныя титаническія черты самого героя Печорина. Русскіе критики, знавшіе по переводнымъ рецензіямъ иностранцевъ, что былъ когда-то на свѣтѣ Байронъ, и что его классики звали титаномъ, занялись Печоринымъ, т.-е. фальшью, щекотившею ихъ петербургскіе нервы, а на Иванъ Игнатьичей и не посмотрѣли. Наши критики тогда все играли въ разныя новыя слова: міросозерцаніе, разочарованность жизнью, сердце Прометея, терзаемое клювомъ недовольства, задачею человѣческаго бытія, и проч., и проч. За печоринствомъ прогремѣло тамаринство, за тамаринствомъ петербургскіе критики, изъ столоначальниковъ и секретарей, занялись разными явленіями нашей областной жизни, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, „уже слышался роковой протестъ“, и виднѣлись угрозы „лишнихъ, забитыхъ, обдѣленныхъ и обманутыхъ людей...“ А наши области и не подозрѣвали этого. Въ нашихъ областяхъ рождались, жили и умирали, рождаются, живутъ и умираютъ понынѣ личности, не знающія никакихъ протестовъ, никакихъ угрозъ, ничего того, о чемъ кабинетные мыслители такъ хлопочутъ. Мы не говоримъ, чтобъ не было исключеній, но дѣло въ томъ, что наша

Digitized by Google

областная долевая жизнь гораздо проще вообще, чѣмъ думаютъ критики. Таковъ и Кавказъ съ его пограничными казацкими станицами. Спросите дядю Ерошку, напримѣръ, у графа Толстого: онъ вамъ скажетъ, что Печорина никогда не видѣлъ, хотя живетъ 70 лѣтъ, а вотъ фазановъ стрѣлялъ, оленей стрѣлялъ, и что звѣрь-то не дуракъ, а умнѣе человѣка, даромъ что свиньей иной разъ прозывается. Посмотрите на эту офицершу, хорунжиху, бабушку Улиту, зажиточную казачку-старуху, когда она мететъ полъ, и вошедшаго героя, московскаго аристократика, также офицера Оленина, встрѣчаетъ словами, когда его поставили къ ней на квартиру, въ станицѣ: „Чего пришелъ? Каку надо болячку? Скобленое твое рыло! Вотъ дай срокъ, хозяинъ прійдетъ, онъ тебѣ покажетъ мѣсто. Не нужно мнѣ твоихъ денегъ поганыхъ. Эку болячку не видали! Разстрѣли тебѣ въ животы сердце...“ Но какая прелесть у графа Толстого эти главныя лица его новой повѣсти: казакъ Лукашка, убивающій изъ секрета, на Терекѣ, джигита-татарина, и братъ этого татарина, такой же абрекъ, рыжебородый и стриженый джигитъ, подъ конецъ, въ подобной же печаянной встрѣчѣ за песчанымъ буруномъ, убивающій Лукашку. По нашему, это главная канва повѣсти. Остальное — обстановка и довольно, впрочемъ, вялая и растянутая, какъ личность гниленькаго московскаго дворянчика, котораго не спасаютъ никакія добрыя прозвища со стороны автора, превращеніе этого Оленина, этого Обломова XXIV съ Пречистенки, въ загорѣлаго и готоваго на всякія честныя жертвы жителя горъ и степей, его любовь къ сильной комлекціей и строгой нравомъ Марьянкѣ, такой же бахвалъ или какъ его дѣвки-казачки зовутъ „порченый“ князь Бѣлецкій, какой-то лакей Ванюша, личность совершенно избитая и блѣдная до того, что авторъ не оживилъ ее даже французскими его поговорками, въ родѣ „Лафиль комъ се тре бьё!“ и проч. Эти лица, можно сказать, положа руку на сердце, не удались графу Толстому. Зато все, что касается собственно рисуемой имъ мѣстности, прелесть и давно невиданная нашею журналистикой прелесть! Самая простая героиня Мары-

Digitized by Google

янка, мелькающая по вечерамъ съ другими дѣвками между сытою и раскормленною скотиной; ея бѣлый платокъ, кутающій ей лицо до бровей, ея единственный нарядъ—то красная, то голубая полинявшая длинная рубаха, обхватывающая по-простотѣ ея крѣпкую грудь, полный дѣвственный станъ и сильныя упругія бедра... „Кобыла табунная!" *) восклицаютъ о ней со стороны. Это совершенно законченный, живой, плѣнительный образъ, какимъ рѣдко дарятъ нашу литературу. Она смотритъ на жизнь совершенно прямо, по природѣ, какъ тѣ простые и честные люди, о которыхъ охотникъ дядя Ерошка, также живой и превосходный типъ, говоритъ: „Живутъ они, а умрутъ, только трава на могилкѣ вырастетъ!" и прибавляетъ о ней самой другую бюхнеровскую и молешотовскую сентенцію, но совершенно въ духѣ своей мѣстности: „Грѣхъ дѣвку достать? Погулять съ ней грѣхъ? Это у васъ такъ? Богъ тебя сдѣлалъ, и дѣвку сдѣлалъ. На то она сдѣлана, чтобъ ее любить". Превосходно описаны эти первобытныя балки, эти станичные фестени, ихъ господа дѣвкамъ раздаютъ пряники, ѣдятъ съ ними пироги съ виноградомъ и вдоволь съ ними могутъ нацѣловаться, нашушукаться и набарахтаться подъ общій шумокъ въ углу за печкой, въ честь угощающей миловидной Устеньки и ея, по петербургскому выраженію, „міросозерцанію", что дескать: „Ахъ, Марьянушка, развѣ это грѣхъ? Люблю (своего-то) да и все тутъ. Когда же и гулять, какъ не на дѣвичьей волѣ? За казака пойду, рожать стану, нужду узнаю. Вотъ ты поди за Лукашку, тогда и въ мысль радость не пойдетъ, дѣти пойдутъ, да работа..." И этимъ дѣвкамъ милѣе всякихъ фразъ, подарковъ и клятвъ въ любви и въ желаніи жениться, простой казакъ „смола", что липнетъ, да „ручищамъ волю даетъ". да „проситъ съ нимъ въ сады ночкой прійти погулять". Великолѣпенъ и отецъ Марьянки, хорунжій, въ офицерскомъ чинѣ, скидающій бешметъ съ дворянскими погонами, и въ подоткнутыхъ штанахъ босикомъ идущій съ сѣтью

*) Какъ пошлы были кривлянія нашихъ свистуновъ по поводу письма г. Полонскаго объ этомъ лицѣ.

Digitized by Google

черезъ плечо ловитъ рыбу, обдумывая, что вотъ его постоялецъ получитъ съ почты „тысячу монетовъ“, и что хорошо бы ему всучить собственное дѣтище Марьяшку въ жены, т.-е. въ барыни. Сцены охоты на фазановъ, на оленя по слѣду, гдѣ дядя Ерошка рветъ себя за бороду, опрометчиво спугнувши рогатаго звѣря въ десяти шагахъ отъ его свѣжаго, еще потнаго, логовища; этотъ трескъ сучьевъ и, наконецъ, этотъ топотъ и гудѣніе мощнаго и быстраго оленя, съ обстановкой мертвенно-тихаго дикаго лѣса, хороши не менѣе остальныхъ картинъ повѣсти: описаніе кордонной казацкой вышки, гдѣ урядникъ командуетъ, зная, что послушаютъ все-таки не его, а Лукашку, вечера въ станицѣ, утра въ камышахъ на Терекѣ, комнаты Ерошки, гдѣ въ одномъ углу болтается на веревочкѣ привязанный копчикъ, а на столѣ лежатъ хлѣбъ, башмаки-порошни, окровавленный зипунъ и порванная для приманки коршуна ворона. Но верхъ художественности въ повѣсти—это сцена убійства джигита Лукашкой и въ концѣ разсказа убійство Лукашки братомъ джигита. Выписываемъ кое-что изъ этихъ отрывковъ, и отъ души поздравляемъ „Русскій Вѣстникъ“ съ такимъ произведеніемъ, какъ „Казаки“ графа Л. Н. Толстого.

Послѣ блѣдной, противной и гадкой картины пиршества трехъ молодыхъ московскихъ Обломовыхъ у Шевалье, читатель переносится „въ секретъ“ на Терекѣ, гдѣ въ камышахъ, ночью, два казака спятъ, а третій, Лукашка, карауллитъ абрековъ изъ-за рѣки, по которой иногда плывутъ корчи (отмытые водою коренья и вѣтви).—„Пора будить“, подумалъ Лукашка, кончивъ шомполъ и почувствовавъ, что глаза его отяжелѣли. Обернувшись къ товарищамъ, онъ разглядѣлъ, кому какія принадлежали ноги, но вдругъ ему показалось, что плеснуло что-то на той сторонѣ Терека, и онъ еще разъ оглянулся на отчетливо плывущія корчи. Одна большая черная корча съ сукомъ особенно обратила на себя его вниманіе. Какъ-то странно, не крутясь, плыла она не по теченію, а перебивала Терекъ на отмель; подплыла и странно зашевелилась. Лукашкѣ замерещилось, что показа-

Digitized by Google

лась рука изъ-подъ корчи. „Вотъ какъ абрека одинъ убью!“ подумалъ онъ, быстро раскинувъ подсошки, положилъ на нихъ ружье, не слышно придержавъ, взвелъ курокъ, и притаивъ дыханіе, сталъ цѣлиться, все всматриваясь. „Будить не стану!“ думалъ онъ. Корча вдругъ бултыхнула, и снова поплыла къ нашему берегу. Мелькнула татарская голова впереди корчи. Онъ навелъ ружьемъ на голову. Она показалась ему совсѣмъ близко, на концѣ ствола. „Онъ и есть абрекъ!“ подумалъ онъ радостно, но вдругъ, порывисто вскочилъ на колѣно, проговоривъ, по казачьей привычкѣ: „Отцу и сыну!“ пожалъ шишечку спуска. Корча уже поплыла не поперекъ, а внизъ по теченію, крутясь и колыхаясь. Слѣдуетъ пробужденіе товарищей. Они не вѣрятъ сперва успѣху Луки. Бѣгутъ на кордонъ, подвозятъ по водѣ каюкъ. Тѣло чеченца берутъ. Слѣдуетъ поэтическое, полное художественнаго, тонкаго чутья, описаніе убитаго джигита, съ его коричневымъ тѣломъ, впалымъ животомъ, синеватою свѣжевыбритою головою, синими портками, съ добродушною усмѣшкою на тонкихъ губахъ, покрытыхъ красивыми подстриженными усами, съ гладкимъ загорѣлымъ лбомъ и стеклянными, смотрѣвшими вверхъ, *мимо всего*, глазами. Вскорѣ изъ горъ пріѣхали съ лазутчикомъ немирные черкесы-чеченцы, родные убитаго, выкупать тѣло, въ томъ числѣ братъ убитаго. Этотъ братъ, намѣченный двумя штрихами,—лучшее лицо въ повѣсти. „Высокій, стройный, съ подстриженною, выкрашенною, красною бородою, въ оборваннѣйшей черкескѣ и папахѣ, онъ былъ спокоенъ и величавъ, какъ царь. Никого онъ не удостоивалъ взглядомъ, ни разу не взглянулъ на убитаго, и стоя въ тѣни на корточкахъ только сплевывалъ, куря трубочку, и изрѣдка издавалъ нѣсколько повелительныхъ гортанныхъ звуковъ, которымъ почтительно внималъ его спутникъ. Оленинъ подошелъ къ убитому и сталъ смотрѣть на него, но братъ, спокойно, презрительно взглянувъ выше бровей на Оленина, отрывисто и сердито сказалъ что-то. Лазутчикъ закрылъ лицо убитаго. Когда тѣло отнесли въ каюкъ, чеченецъ-братъ сильною ногою оттолкнулся отъ берега и что-то отрывисто спросилъ у товарища.

Digitized by Google

Товарищъ указалъ на Лукашку. Чеченецъ взглянулъ на него и, медленно отвернувшись, сталъ смотрѣть на тотъ берегъ. Ненависть и холодное презрѣніе выразились въ этомъ взглядѣ". Читатель еще разъ встрѣчается съ этимъ *братомъ*, когда въ свалкѣ у песчанаго бурана, поймавши новыхъ абрековъ по сю сторону Терека, казаки, скрываясь за возомъ съ сѣномъ, перебили ихъ всѣхъ, а Лукашка упалъ, раненый насмерть въ животъ чеченцемъ, котораго было схватилъ за руки и хотѣлъ взять живымъ. Лукашка ругался по-русски и по-татарски; крови подъ нимъ прибавлялось. Чеченецъ-братъ, какъ подстрѣленный ястребъ, сидѣлъ съ кинжаломъ на корточкахъ, озираясь; изъ-подъ праваго глаза у него текла кровь; онъ весь въ крови, стиснувъ зубы, блѣдный и мрачный, раздраженными, огромными глазами озирался во всѣ стороны, готовый еще защищаться... Но хорунжій подошелъ къ нему, и бокомъ, какъ будто обходя его, быстрымъ движеніемъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ ухо... Чеченецъ рванулся, но не успѣлъ и упалъ... Казаки, запыхавшись, растаскивали убитыхъ и снимали съ нихъ оружіе. Лукашку понесли къ арбѣ. Онъ все бранился по-русски и по-татарски: „Врешь! руками задушу! Отъ моихъ рукъ не уйдешь. Анаѳема!" Вскорѣ и онъ замолкъ... Вы прочли эту повѣсть, закрыли глаза, и предъ вами, какъ живые, стоятъ, не отходя, всѣ эти Лукашки, джигиты, Ерошки, Наварки, Марьяны, бабушки Улиты, хорунжіе и урядники, и вѣроятно вы, читатель, прежде испытывали, но не признавались въ томъ, что, прочтя Печорина, вы помните многія его умныя, и болѣе мудрыя мысли, но его, самого Печорина, врядъ ли могли себѣ представить живымъ, несмотря на подробности въ его обрисовкѣ. Еще слово. Гр. Л. Н. Толстой долго молчалъ. Онъ занимался яснополянской школой и издавалъ умный журналъ, для объясненія своихъ опытовъ. Дѣятельность его въ этомъ случаѣ была очень плодотворна. Если журналъ его закрылся, зато брошенныя имъ сѣмена принесутъ хорошій плодъ въ этой сферѣ, гдѣ теперь идетъ вопросъ священный о свободѣ и практичности обученія русскаго народа... Но педагогическая дѣятельность

Digitized by Google

графа Толстого не поглотила, какъ видно, его художественнаго таланта. Отъ души желаемъ ему побольше такихъ трудовъ, какъ его прелестная повѣсть „Казаки". Впечатлѣніе, оставляемое ею, такъ свѣжо, такъ отрадно, какъ читатель давно не испытывалъ вѣроятно. Недавно намъ попался фотографическій портретъ работы Левицкаго, изобразившій въ 1856 г. группу тогдашнихъ любимыхъ и первыхъ русскихъ писателей изъ молодыхъ. Тутъ изображены на диванѣ, слѣва И. С. Тургеневъ, справа рядомъ съ нимъ А. В. Дружининъ; на стульяхъ, облокотясь о диванъ, слѣва И. А. Гончаровъ, справа А. Н. Островскій; въ глубинѣ комнаты, у драпировки, за диваномъ, облокотясь также на его спинку, Л. Н. Толстой и Д. В. Григоровичъ. Эти лица тогда дружно работали для „Современника" гг. Некрасова и Панаева. Какъ далеко отодвинулась, повидимому, эпоха 1856 г. Но какъ бы желательно было, чтобы почаще въ русской литературѣ раздавались такіе свѣжіе голоса, какъ повѣсть „Казаки", которую мы относимъ къ такъ называемой *художественной этнографіи*, обогатившей давно литературы англійскую и американскую. Наша критика почему-то ея мало касается *), относится къ ней изрѣдка и то свысока или просто уморительно-напыщенно игнорируя ее. Знаетъ хорошо наша критика, что скоро о ней, о критикѣ, и помина не будетъ, что, по выраженію дяди Ерошки „на могилѣ ея только трава вырастетъ", а такія произведенія, какъ „Казаки", „Рубка Лѣса", „Севастополь въ августѣ мѣсяцѣ" и другія недавнія явленія художественной этнографіи, въ нашей литературѣ не умруть; но нашей критикѣ или невыгодно говорить объ этомъ въ настоящую пору, когда ея запѣвалы не дозволяютъ этого, или она, живущая на петербургскихъ пятиэтажныхъ чердакахъ, и не выѣзжавшая далѣе Мурина и Галерной гавани, не можетъ трактовать явленій нашей областной жизни, „жизни достойныхъ колоній нашихъ", какъ сказали бы съ гордостью англичане въ своей метрополіи. Къ дѣлу „художественной этнографіи" въ русской литературѣ мы

*) Такъ наша критика мало оцѣнила такія крупныя явленія, какъ „Гаврила Михайловъ" Кохановской и „Старые Годы" Печерскаго.

Digitized by Google

еще возвратимся. Все нами сказанное о „Казакахъ“ относится и къ другому прекрасному очерку гр. Л. Н. Толстого, „Поликушка“ также въ Русскомъ Вѣстникѣ.

Изъ „Сѣверной Пчелы“ за 1863 г. статья А.

* * *

*) ...Поднятъ былъ важный вопросъ—вопросъ о свободѣ воспитанія. Всего усерднѣе защищаетъ его издатель „Ясной Поляны“, гр. Л. Н. Толстой. Читателямъ нашимъ извѣстно безъ сомнѣнія имя этого журнала, который вмѣстѣ съ яснополянской школой возбудилъ недавно толки своимъ своеобразнымъ взглядомъ на вещи и на народное образованіе. На „Ясной Полянѣ“ стали даже основывать сладкія надежды, помѣстивъ ее въ числѣ тѣхъ (очень рѣдкихъ) утѣшительныхъ фактовъ, отъ которыхъ мы надѣемся своего спасенія. „Современникъ“ до сихъ поръ мало вмѣшивался въ эти толки о народномъ воспитаніи, но объ „Ясной Полянѣ“ онъ высказалъ свое мнѣніе такъ откровенно и просто, какъ этого желалъ самъ издатель „Ясной Поляны“ и основатель школы. „Современникъ“ отдалъ справедливость его школѣ и выразилъ свое искреннее сочувствіе тѣмъ побужденіямъ, которыя руководили ея основателемъ, сочувствіе его любящимъ отношеніямъ къ народу и гуманнымъ порядкамъ въ его школѣ. Но въ то же время „Современникъ“ такъ же прямо сказалъ, что теоретическія разсужденія издателя „Ясной Поляны“ далеко не такъ основательны и благоразумны, какъ его школьные порядки; что прежде, чѣмъ поучать Россію своей педагогической мудрости, надо самому поучиться, подумать, постараться пріобрѣсти болѣе опредѣленный взглядъ на дѣло народнаго образованія; что установленіе общихъ принциповъ науки требуетъ, кромѣ прекрасныхъ чувствъ, еще иныхъ вещей: нужно стать въ уровень съ положеніемъ науки, а не довольствоваться кое-

*) „Современникъ“ 1863 г., № 1—2. Статья подъ заглавіемъ: „Наши толки о народномъ образованіи“. (Настоящая статья помѣщается здѣсь съ значительными сокращеніями. Пропущена защита „Современникомъ“ университета, университетскаго и гимназическаго образованія отъ нападокъ Толстого).

Digitized by Google

какими личными наблюденіями, да безсистемнымъ прочтеніемъ кое-какихъ книжекъ. Въ доказательство указано было много аргументовъ изъ журнала гр. Толстого, приводившихъ именно къ такому заключенію. Вещи совершенно основательныя стоятъ у него рядомъ съ самыми бездоказательными и самолюбивыми выходками, вещи самыя похвальныя рядомъ съ непозволительными тенденціями, которыхъ не долженъ допускать писатель, истинно уважающій науку и людей, для нея серіозно работавшихъ. Издатель „Ясной Поляны“, какъ и слѣдовало ожидать, увидѣлъ въ статьѣ „Современника“ только личное (?) и недоброжелательное пустословіе. Что такое личное пустословіе, мы не понимаемъ; авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать, что „Современникъ“ лично недоброжелателенъ къ нему. Мы можемъ положительно увѣрить его, что для этого „Современникъ“ не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній, да и вообще въ своихъ сужденіяхъ руководится совершенно другими основаніями; если, по поводу журнала гр. Толстого, онъ пришелъ къ приведенной выше морали, то основанія его и были указаны въ цѣломъ рядѣ мыслей гр. Толстого, которыхъ „Современникъ“ не могъ одобрить. Съ тѣхъ поръ вышло еще много книжекъ „Ясной Поляны“, и „Современникъ“ только убѣждается въ томъ, что было сказано прежде. Собственно говоря, мы не имѣли бы уже надобности заниматься ими еще разъ—самого гр. Толстого мы не надѣемся убѣдить, если онъ не намѣренъ слушать, но мы все-таки остановимся на „Ясной Полянѣ“: съ одной стороны она любопытна для насъ, какъ „знакъ времени“,—а мы можемъ теперь только наблюдать наше время, съ другой въ ней находятся такія обскурантныя вещи, которыя, можетъ быть, даже опасно оставить безъ нѣкотораго разъясненія въ настоящую минуту. Онѣ могутъ ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя, и притомъ имъ данъ такой оборотъ... Какого же рода идеи проповѣдуетъ гр. Толстой, и какая школа можетъ считать его въ числѣ своихъ представителей. На это съ точностію отвѣчать трудно, потому что характеръ его понятій весьма самобытенъ; но многими

Digitized by Google

своими сторонами гр. Толстой очень близко подходитъ къ той школѣ національнаго и народнаго мистицизма, которая пріобрѣтаетъ такъ много новыхъ послѣдователей теперь между людьми перетрусившаго прогресса, и которая прежде называлась просто славянофильствомъ. Эта школа выросла изъ тѣхъ темныхъ предчувствій народности и народнаго интереса, которыя стали овладѣвать нашимъ развитіемъ особенно съ тридцатыхъ годовъ, но, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ не могла опредѣлить своей идеи такъ ясно, чтобы ей могли сочувствовать люди съ прямыми и послѣдовательными понятіями. Этотъ мистицизмъ народности имѣетъ множество оттѣнковъ, начиная отъ незамысловатаго квасного патріотизма и ношенія національной (т.-е. кучерской) поддевки до туманной философіи Кирѣевскаго, до проповѣди о почвѣ и погибели западной цивилизаціи, до филиппикъ М. П. Погодина, до международныхъ понятій „Дня“ и, пожалуй, до художественно-поэтическихъ обличеній нигилизма. Эта школа обыкновенно на каждомъ второмъ словѣ говоритъ о народѣ, утверждаетъ, что русскій народъ не похожъ ни на какіе другіе народы, что въ немъ есть какія-то сверхъестественныя качества, пониманіе которыхъ доступно только для избранныхъ (т.-е. для школы), что его развитіе должно идти совершенно особенными путями, что западная, обыкновенная наука для него не годится. Вслѣдствіе этого, все, принятое нами отъ запада, со временъ Петра, есть ложь и не удовлетворяетъ широкой русской натуры: для успѣха чисто народнаго развитія мы должны обратиться вспять, къ народнымъ началамъ, изучить глубокія основы народнаго духа и т. п. Изъ всего этого составилась цѣлая доктрина школы, которая въ сущности до сихъ поръ ясна не больше философіи Кирѣевскаго и которой иногда роскошно пользуются люди, желающіе погеніальничать о глубинѣ народнаго духа. Кодексъ этихъ началъ до сихъ поръ не сведенъ еще ни въ какую ясную и удобопонятную систему. Въ немъ еще до настоящей минуты слышны слѣды того времени и тѣхъ понятій, когда русскій патріотъ питалъ убѣжденіе, что мы всѣхъ шапками закидаемъ и „что русскому здоро-

во, то нѣмцу смерть“; еще не давно въ числѣ убѣдительнѣйшихъ аргументовъ намъ приводили изъ этого кодекса, что у славянъ, напримѣръ, гораздо раньше, чѣмъ въ западной Европѣ былъ судъ присяжныхъ, что народъ склоненъ къ выборному началу,—что у насъ въ XVII столѣтіи были соборы—что народу гораздо лучше учиться грамотѣ по псалтырю у раскольничьихъ начетницъ, чѣмъ въ порядочной школѣ и т. п. Часто бываетъ также, что довольствуются и однѣми неопредѣленными фразами о томъ, что мы оторвались отъ почвы, но народность нашего образованнаго класса есть народность Евгенія Онѣгина и потому осуждена на безплодное существованіе и т. п. Но положительно до сихъ поръ ни у кого не было смѣлости представить безъ оговорокъ эти вожделѣнныя начала народности, изъ которыхъ хотятъ сдѣлать непреложный законъ для мыслящаго современнаго человѣка, представить ихъ въ ихъ истинномъ видѣ и со всѣми ихъ послѣдствіями. Между тѣмъ они безпрестанно поминаются въ толкахъ объ общественныхъ движеніяхъ и реформахъ, народномъ образованіи и литературѣ. Гр. Толстой также врагъ всякаго нигилизма и также собирается защищать отъ чего-то народъ; „Современникъ“ не могъ, впрочемъ, понять хорошенько, отъ чего, потому что самъ гр. Толстой выражается объ этомъ неопредѣленно: сначала говоритъ, что народъ желаетъ образованія, потомъ, что онъ противодѣйствуетъ въ этомъ обществу и т. п. И у него народныя требованія играютъ важную роль: на ихъ основаніи онъ отвергаетъ петербурскія воскресныя школы (хотя онѣ совершенно добровольно посѣщаемы были сотнями этого молодого народа), гимназіи, университеты (которые, бывало, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, также посѣщались сотнями посторонихъ слушателей). Все это узко, ограниченно, уродливо, по мнѣнію гр. Толстого, потому что все это или устроено безъ вѣдома народа или на иностранные образцы, или основано на принужденіи и деспотизмѣ школы (напримѣръ, воскресная школа? или университетъ, посѣщаемый огромной массой посторонней публики?). Наконецъ, гр. Толстой явился самъ защит-

никомъ истинныхъ началъ воспитанія и предъявителемъ народныхъ преданій въ статьѣ „Воспитаніе и образованіе" (Ясная Поляна", іюль), на которой мы хотѣли бы остановиться. Существенная мысль гр. Толстого, сколько мы понимаемъ, состоитъ въ томъ, что нынѣшняя педагогія никуда не годится, потому что не даетъ воспитанію *свободы*, т.-е. что воспитываемый не имѣетъ въ нынѣшней школѣ и въ нынѣшней теоріи свободы выбора, что его постоянно подчиняютъ деспотизму школы,—и что вслѣдствіе того никуда не годится и высшее образованіе, потому что, напр., студентъ также подчиненъ профессорскому деспотизму, не принимающему въ расчетъ народныхъ потребностей и человѣческой свободы. Отсюда неправильное и излишнее преподаваніе, разладъ между школой и жизнью, отдаленіе воспитываемаго отъ его среды, даже семейной, и непригодность университетскихъ студентовъ, способныхъ будто бы только на однѣ мнимо-либеральныя выходки и пустословіе...

Издатель „Ясной Поляны" начинаетъ съ опредѣленія общихъ понятій. Онъ возстаетъ прежде всего противъ смѣшенія понятій „воспитаніе" и „образованіе"; поражается тѣмъ, что нѣкоторые народы, напр., французы и англичане не имѣютъ даже слова, которое бы соотвѣтствовало понятію „образованія", существующему у нѣмцевъ и у насъ. Вся бѣда заключается, по мнѣнію гр. Толстого, въ томъ, что педагоги не отличаютъ этихъ двухъ совершенно различныхъ вещей; самъ онъ понимаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Современная педагогія занимается только воспитаніемъ и смотритъ на воспитываемаго, какъ на существо, совершенно подчиненное воспитателю. Подъ воспитаніе вообще подводятся три дѣйствія: 1) нравственное или насильственное вліяніе воспитателя,— образъ жизни, наказанія; 2) обученіе и преподаваніе и 3) руководженіе жизненными вліяніями на воспитываемаго. Воспитаніе, въ обыкновенной господствующей рутинѣ, является деспотизмомъ воспитателя противъ воспитываемаго: весь внѣшній міръ допускается къ вліянію на ученика только въ той степени, въ какой

находитъ это нужнымъ воспитатель; ученика отдѣляютъ отъ жизни непроницаемой стѣной и только черезъ школьно-воспитательную воронку пропускаютъ то, что считаютъ полезнымъ. Вліянія жизни не признается. Такъ не должна дѣлать, по словамъ гр. Толстого, здравая педагогія. Предметомъ ея должно быть не воспитаніе, а *образованіе*. Дѣло въ томъ, что воспитаніе не можетъ предвидѣть и опредѣлить всѣхъ явленій жизни. Вліяніе жизни такъ сильно, что имъ большею частію уничтожается все вліяніе школьнаго воспитанія; но педагогъ, по словамъ графа Толстого, видитъ въ этомъ только недостаточность науки и искусства педагогики, и все-таки считаетъ своей задачей воспитаніе людей по извѣстному образцу школьными средствами, а не изученіе путей, посредствомъ которыхъ образуются люди, и не содѣйствіе этому образованію. „Образованіе въ обширномъ смыслѣ, по нашему убѣжденію, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученіе насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь,—все образовываетъ“. Дальше гр. Толстой выражается все сильнѣе и сильнѣе. „Воспитаніе,—по его мнѣнію,—есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму; воспитаніе есть, я не скажу, выраженіе дурной стороны человѣческой природы, но явленіе, доказывающее неразвитость человѣческой мысли и потому не могущее быть положеннымъ основаніемъ разумной человѣческой дѣятельности—науки... Я убѣжденъ, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть въ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, т.-е. больше испорченнымъ.“ „*Права воспитанія не существуетъ*. Я не признаю его, какъ не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его все молодое воспитываемое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія. Чѣмъ вы докажете это право? Я не знаю и не полагаю ничего, а вы полагаете

Digitized by Google

новое, для насъ не существующее право одного человѣка дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ ему хочется"... „Есть два отвѣта: или признать право за тѣмъ, къ кому мы ближе, или кого мы больше любимъ, или боимся, какъ это дѣлаетъ большинство (попъ я, то считаю семинарію лучше всего, военный я, то предпочитаю кадетскій корпусъ, студентъ, то признаю одни университеты. Такъ дѣлаемъ мы всѣ, только обставляя свои пристрастія болѣе или менѣе остроумными доводами и вовсе не замѣчая, что всѣ наши противники дѣлаютъ то же самое),—или ни за кѣмъ не признавать права воспитанія. Я избралъ этотъ послѣдній путь".—Вся эта тирада и ея продолженіе уснащены выходками такого самолюбія, такими ожесточенными филиппиками противъ педагогіи, противъ университетовъ (гр. Т. говоритъ всегда „*ваши* университеты",—чьи это?), что было бы совершенно излишне останавливаться на этихъ словоизверженіяхъ, если бы не было въ нашей публикѣ довольно впечатлительныхъ людей, на которыхъ могутъ подѣйствовать эти вызывающія тирады: этимъ людямъ они могутъ показаться дѣйствительно самой коренной постановкой вопроса и самымъ смѣлымъ вызовомъ старой рутинѣ. На дѣлѣ это всего чаще—незваніе современной педагогической науки и та же вражда къ новымъ попыткамъ нашего общества, какая вообще свойственна нашей національно-мистической школѣ. Гр. Толстой, ставя свои вопросы, также утверждаетъ, что ихъ разрѣшеніе требуется для народа (мы имѣемъ основаніе думать, что народъ не поручалъ гр. Толстому заявлять его требованій). Та педагогія,—конечно нѣмецкая,—о которой такъ желчно и свысока говоритъ гр. Т., къ счастью, вовсе не такъ ограниченна, какъ онъ старается ее представить, и вовсе не такъ наклонна къ нравственному деспотизму. Гр. Толстой въ своихъ выводахъ имѣетъ обыкновеніе сослаться на какой нибудь отдѣльный примѣръ,—изъ котораго въ сущности ничего заключать нельзя,—и затѣмъ считаетъ дѣло рѣшеннымъ; для насъ эта метода нисколько не убѣдительна. Мы не знаемъ, о какой нѣмецкой педагогіи говоритъ гр. Т., которая будто бы и у себя проповѣ-

Digitized by Google

дуетъ деспотизмъ школы, и къ намъ заносятъ тѣ же вредныя начала. Вѣроятно, гр. Т. попадалъ или на очень плохія нѣмецкія книги, или на очень плохихъ нѣмецкихъ учителей,—ихъ-то онъ и казнитъ теперь въ „Ясной Полянѣ“. Онъ увѣряетъ, что сражается не съ мельницами, а съ настоящими врагами, т.-е. съ настоящей теоріей педагогіи; но, судя по его возраженіямъ, мы въ этомъ сомнѣваемся. Дѣло въ томъ, что нѣмецкая педагогія вовсе не есть что-нибудь законченное и порѣшенное; это наука, которая движется точно такъ же, какъ всякая другая наука,—наука, имѣющая свои рѣшенные вопросы и нерѣшенныя задачи; но главное, это наука, которая больше, чѣмъ какая-нибудь другая, связана тѣсно съ настоящей жизнью и въ числѣ своихъ представителей имѣетъ людей разныхъ партій, разной степени развитія, разныхъ политическихъ понятій, и т. д. Въ этой наукѣ есть поэтому свои передовые люди, которыхъ только и слѣдуетъ, разумѣется, имѣть въ виду, если бы мы вадумали дѣлать общія ссылки на нѣмецкую педагогію. Этого требовала бы научная добросовѣстность. Графъ Толстой не говоритъ, на кого онъ ссылается. Въ другомъ мѣстѣ его журнала мы нашли высокомѣрные отзывы о Песталоцци, которые также, по нашему мнѣнію, не должны бы быть возможны у человѣка, желающаго серіозно заниматься дѣломъ. Песталоцци—человѣкъ, скорѣе угадывавшій сердцемъ, чѣмъ открывавшій научными путями новую дорогу воспитанія; человѣкъ, давшій только мысль для дальнѣйшаго развитія и окончательно имѣющій теперь одно историческое значеніе. Нападая и надсѣваясь надъ нимъ, гр. Толстой, къ сожалѣнію, дѣлаетъ двѣ неловкія вещи: дѣлаетъ несправедливость имени человѣка, имѣвшаго важное историческое значеніе, и ошибается, думая, что недостатки Песталоцци относятся къ новой нѣмецкой педагогіи. Но когда дѣло идетъ объ общихъ принципахъ воспитанія, графъ Толстой, если онъ хочетъ обвинять педагогическую теорію, обязанъ знать ее, и если бы онъ ее зналъ,—эту, все еще развивающуюся теорію,—онъ говорилъ бы о ней иначе и осторожнѣе высказывалъ свои геніальныя обвине-

Digitized by Google

нія. Не лишнее было бы, напримѣръ, помнять то, что есть нѣкоторая разница между *существующей* школой и теоретическими выводами педагогической науки. Существующая школа почти никогда не можетъ представлять собой той ступени развитія, которой достигаетъ теорія педагогической науки. Школа существуетъ обыкновенно внѣ этой теоріи, т.-е. отстаетъ отъ нея; у школы всегда бываетъ своя историческая традиція, т.-е. старый порядокъ, который держался въ ней прежде и который уступаетъ новому, выработанному теоріей, порядку только мало-по-малу. Брать примѣръ школы въ ея statu quo за критеріумъ о томъ, до чего дошла человѣческая мысль въ *теоріи* педагогической науки,—это промахъ самаго элементарнаго свойства, и такіе промахи гр. Толстой совершаетъ безбоязненно на каждомъ шагу. Въ понятіяхъ графа Т. путаются и плохая русская или нѣмецкая книжонка, которая ему случайно попалась, и плохой школьный учитель, котораго ему случилось найти гдѣ-нибудь въ Берлинѣ или Люцернѣ,—и у него уже готовы восклицанія о деспотизмѣ школы, объ извращеніи воспитанія, о порчѣ человѣческаго рода, и т. д.; а главное, онъ рѣшаетъ, что здравыхъ понятій о педагогіи ни у кого нѣтъ и что самая теорія никуда не годится. Что на свѣтѣ до сихъ поръ очень много плохихъ школъ, въ этомъ нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, быть можетъ, отъ этого происходитъ и порча человѣческаго рода, но мы думаемъ прежде всего, что въ этомъ слѣдуетъ все-таки обвинять не однихъ школьныхъ учителей, а вмѣстѣ и самый человѣческій родъ; вѣдь, не составляютъ же школьные учителя особенной породы въ человѣчествѣ. Говоря ближе, быть можетъ, не составляетъ ли дурное положеніе школы одного слѣдствія другихъ, болѣе важныхъ явленій,—дурного положенія самого общества; неудовлетворительность школьнаго образованія и въ настоящемъ—не есть ли слѣдствіе общаго недостатка образованія развитія въ обществѣ? Все же уровень нѣмецкихъ и англійскихъ школъ,—хоть можетъ быть они также извращены, по мнѣнію гр. Толстого,—выше уровня нашихъ отечественныхъ школъ. Гр. Толстой не

Digitized by Google

обращаетъ вниманія на эти посторонніе обстоятельства. Онъ все сваливаетъ на школу, какъ будто бы школа была въ жизни народа особой властью, а не результатомъ всей массы народныхъ понятій. Если его дѣйствительно занимаетъ вопросъ школы, то пусть онъ займется этимъ общественнымъ положеніемъ школы; быть можетъ, онъ нѣсколько яснѣе уразумѣетъ ея настоящій характеръ, ея условія и то, чего отъ нея можно требовать. Это обстоятельство объяснила бы или, по крайней мѣрѣ, указала бы ему любая нѣмецкая книга о значеніи школы, или объ исторіи воспитанія. Школа всегда была второстепеннымъ и подчиненнымъ отправленіемъ народной жизни; она всегда и вездѣ была въ зависимости отъ цѣлаго характера жизни: политическое устройство страны, ея религія, ея общественныя отношенія имѣютъ самое непосредственное вліяніе на школу. Это вліяніе ближайшимъ образомъ обнаруживается въ прямомъ вмѣшательствѣ въ дѣло воспитанія со стороны правительства, духовенства, общества, въ прямомъ назначеніи школьной программы и требованій и т. д. Теорія бываетъ обыкновенно безсильна противъ всѣхъ этихъ вмѣшательствъ; какъ бы ни были ясны и разумны ея требованія, теорія или теоретикъ не имѣютъ правительственной власти, чтобы дать реальную силу своимъ выводамъ. Между *существующей* школой и послѣднимъ словомъ *теоріи* всегда поэтому бываетъ то же самое разногласіе, какое есть между теоретическими выводами экономической или политической науки о разумномъ устройствѣ общества и его дѣйствительнымъ устройствомъ. Такимъ образомъ, если гр. Толстой хочетъ говорить о принципахъ воспитанія въ ихъ широкомъ, идеальномъ смыслѣ, съ его стороны очень странно, предъявляя свои новыя требованія, нападать на эту существующую школу и считать ее послѣднимъ словомъ науки. Къ счастью, эта наука не страдаетъ тѣми гнетущими недостатками, которыхъ такъ много представляетъ дѣйствительность современной школы; наука въ своихъ лучшихъ представителяхъ отказалась уже отъ множества предразсудковъ, которые по старой памяти господствуютъ до сихъ поръ не только въ кругу школьной

Digitized by Google

жизни, но и въ цѣлой жизни общества. Вы предъявляете запросы о самыхъ коренныхъ основаніяхъ педагогической дѣятельности, вы сомнѣваетесь и потому положительно отвергаете чье бы то ни было право воспитывать другого человѣка; вы требуете полной свободы человѣческой личности,—потому что вы возмущены настоящимъ порядкомъ школы и воспитанія. Прекрасно! не требуйте отвѣта отъ этой же самой школы; если васъ занимаетъ этотъ отвлеченный вопросъ о правѣ человѣческой личности и правѣ воспитанія, вы и обращайтесь съ своими запросами туда, гдѣ вы можете получить отвѣтъ болѣе удовлетворительный. Не думайте, чтобы этотъ вопросъ не занималъ никого прежде васъ. Но ищите рѣшеній его не въ тѣхъ обыкновенныхъ теоретическихъ книгахъ, которыя пишутся только для домашняго обихода современной школы и составляютъ только сводъ тѣхъ основаній, которыя признаетъ существующая школа, т.-е. школа ограниченная упомянутыми выше вмѣшательствами. Есть педагогическія теоріи и книги, которыя пишутся въ видѣ руководства для современнаго положенія школы, точно такъ же, какъ пишутся ариѳметики, географіи и т. п.; и есть другія книги, которыя, не стѣсняясь вовсе этимъ положеніемъ, стараются найти иныя, болѣе разумныя основанія для воспитанія человѣка. Это книги не всегда чисто педагогическія; такъ какъ всѣмъ понятно, что школа не составляетъ въ жизни общества и народа какого-нибудь особеннаго и независимаго дѣятеля, то вопросъ о школѣ переходитъ въ болѣе обширные вопросы,—о человѣческой личности, о законахъ общественной жизни, объ экономическомъ бытѣ, о законахъ цивилизаціи и общественнаго образованія и т. д. Педагогическая наука, очевидно, вовсе не есть какая-нибудь независимая наука; если сама школа подчиняется вліянію основныхъ условій жизни, то и педагогическая теорія неразрывно связана съ основными науками о человѣческомъ обществѣ и человѣкѣ. Это наука чисто прикладная, какъ прикладная математика: ея существенная теоретическая основа лежитъ въ физіологіи и психологіи, наукахъ политическихъ и экономическихъ; въ

Digitized by Google

послѣднихъ выводахъ этихъ наукъ и заключаются послѣдніе выводы современной теоретической педагогіи. Въ нихъ гр. Толстой и можетъ, если хочетъ, найти тѣ понятія о правахъ человѣческой личности и основахъ воспитанія, до которыхъ дошла современная мысль. Эти понятія не такъ узки, какъ онъ предполагаетъ; и для того, чтобы онъ получилъ право говорить тономъ судьи объ этихъ вещахъ, нужно, напр., прочесть между прочимъ тѣхъ самыхъ Бокля, Льюиса, Молешотта, имена которыхъ гр. Толстой называетъ въ своей статьѣ съ какимъ-то недоброжелательствомъ, истинно насъ удивляющимъ. Откуда эта вражда къ Боклю и Молешотту? Если для гр. Толстого такъ дороги права человѣческой личности, его должны бы были интересовать выводы науки, объясняющей ту же человѣческую личность; если его занимаетъ такой радикальный вопросъ воспитанія, какъ абсолютное право человѣческой личности, мы вправѣ требовать отъ него, чтобы его основанія были научны: иначе для людей серіозныхъ его толкованія останутся совершенно незанимательны, какъ чисто личная фантазія. Кому могутъ быть интересны ваши умозаключенія, подкрѣпленныя только личнымъ вашимъ капризомъ, если есть выводы физіологіи, антропологіи, исторіи, подкрѣпленные строгими научными фактами?

Гр. Толстого пугаетъ мысль, что право воспитанія нарушаетъ свободную личность воспитываемаго и навязываетъ этой личности недостатки стараго поколѣнія? Чего же онъ хочетъ? Намъ кажется, что онъ хочетъ для молодого поколѣнія совершенной свободы развитія, при которой бы оно само опредѣляло свои потребности и свои будущіе пути, а главное, онъ хочетъ, чтобы не было такой деспотической школы, какая теперь извращаетъ будто бы порядокъ развитія. Но сколько ни уничтожайте эту школу, сколько ни предоставляйте свободы молодой личности,—ея внутреннія средства еще такъ слабы, а вліяніе окружающей среды бываетъ такъ сильно, что личность опять очутится въ той же рутинѣ испорченной жизни, въ какую она попадала до сихъ поръ. Вы избавите ее только отъ одного деспотизма

Digitized by Google

школьнаго, но остается тотъ же деспотизмъ семьи, деспотизмъ невѣжества, предразсудковъ, извращенныхъ нравственныхъ понятій и т. д., и т. д., отъ чего теперь избавляетъ отчасти школа. Она все-таки приноситъ свою пользу.., Представьте себѣ воспитаніе, совершенно свободное отъ школьнаго деспотизма, все предоставленное только самой личности (напр., оставленнаго безъ надзора деревенскаго мальчика) или той средѣ, вліяніе которой вы признаете законнымъ,—какіе результаты выходятъ изъ этого воспитанія? Вамъ извѣстно, вѣроятно, это воспитаніе, которое до сихъ поръ было всего больше нашимъ національнымъ воспитаніемъ. Много ли сдѣлала сама природа въ этомъ *свободномъ* развитіи личности, и можно ли такъ зло шутить надъ „свободнымъ“ развитіемъ? Но вы скажете, что здѣсь не было никакого обученія, личность не могла запастись свѣдѣніями (конечно, по собственному выбору и желанію). Какія же свѣдѣнія нужны для этой личности? Очевидно, что тѣ элементарныя свѣдѣнія, какъ грамота, письмо и т. д., не могутъ особенно подвинуть *свободнаго* развитія; высшая наука,—но вы ея не одобряете. Судя по вашимъ высокомѣрнымъ отзывамъ, вы думаете, что и она сбилась съ пути... Люди здравомыслящіе думаютъ иначе. Они вполнѣ признаютъ свободу человѣческой личности, но только съ другой стороны. Эта свобода заключается, по ихъ мнѣнію, въ возможности развитія всѣхъ физическихъ и моральныхъ данныхъ, которыя человѣкъ имѣетъ отъ природы. Эта свобода развитія не достигается предоставленіемъ ребенка самому себѣ или случайностямъ окружающей среды, потому что во-первыхъ, онъ *нуждается* въ руководствѣ и помощи, во-вторыхъ, потому что для его свободы нужно освободить его отъ множества вредныхъ вліяній этой среды—ея старыхъ непригодныхъ предразсудковъ, невѣжества и проч. (мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь—развѣ гр. Толстой—сталъ защищать ихъ абсолютную необходимость). Ребенокъ является въ жизнь безъ всей массы этихъ предразсудковъ разнаго рода, и они очевидно не составляютъ неизбѣжнаго свойства его человѣческой природы уже потому, что въ одномъ мѣ-

Digitized by Google

стѣ они бываютъ одни, въ другомъ другіе; слѣдовательно, если бы воспитаніе захотѣло сохранить свободу воспитываемой личности, оно прежде всего старалось бы сберечь ее отъ этихъ мѣстныхъ болѣзней, и не забивало голову ребенка съ самаго начала вещами, принятыми насильно или на вѣру отъ другихъ людей, которые не могутъ ихъ доказать. Основаніемъ воспитанія остается слѣдовательно только физическая и психологическая природа человѣка; дѣломъ воспитанія будетъ развитіе этой природы, и чтобы оно осталось чисто и свободно, въ немъ не должны имѣть мѣста тѣ предвзятыя понятія, которыя завѣщаны старымъ и новымъ невѣжествомъ, лишенными смысла традиціями и т. д.; деспотизмъ школы будетъ при этомъ такъ же неумѣстенъ, какъ деспотизмъ семьи, деспотизмъ касты, обычая и т. д. Средства для этого развитія очевидно могутъ быть выбраны только такія, которыя свободны отъ человѣческаго каприза и произвола, которыя не стѣснятъ человѣческой личности и могутъ быть приняты ею совершенно свободно и даже необходимо. Это средство—чистое знаніе, чистая наука, дѣйствующая на внутреннюю природу человѣка однимъ сноснымъ, разумнымъ и необходимымъ для нея насиліемъ и деспотизмомъ,—деспотизмомъ логики. Это средство остается единственнымъ законнымъ средствомъ воспитанія, и потребность въ немъ высказывается съ первыхъ шаговъ самостоятельной мысли ребенка. Такимъ образомъ, право воспитанія выходитъ непосредственно изъ самой природы воспитываемаго, и вопросъ человѣческой свободы, которой гр. Толстой хочетъ достигнуть отрицаніемъ права воспитанія, сводится только къ качеству передаваемаго знанія, къ тому, *что* будетъ передаваться, а не *кто* будетъ передавать. Что именно нужно передавать, мы уже говорили: если со стороны ребенка является вопросъ (какъ это и бываетъ на дѣлѣ), то этимъ самымъ уже и начинается право воспитанія со стороны того, кто будетъ отвѣчать ему. Дѣло состоитъ только въ томъ, какъ онъ будетъ отвѣчать ребенку, вѣрно ли онъ воспользуется своимъ правомъ, останется ли въ границахъ его. Онъ воспользуется этимъ правомъ невѣрно,

если на вопросъ будетъ отвѣчать какой-нибудь старой нелѣпостью, или, когда воспитанникъ имѣетъ уже способность понимать серіозныя вещи, будетъ отвѣчать ему обманомъ, лицемѣріемъ или выдумкой невѣжества. Матеріалъ для правильнаго отвѣта, или другими словами, возможность для правильнаго пользованія правомъ воспитанія, дается только знаніемъ. Порядокъ школы долженъ быть порядкомъ сообщенія знанія; постепенность его опредѣляется постепенностью развитія самого воспитываемаго. Знаніе есть существенное орудіе воспитанія, и сообщеніе его есть единственный путь человѣческаго образованія; мы сильны теперь только тѣмъ, что было сдѣлано въ знаніи до насъ, и точно также должны передать запасъ его слѣдующимъ поколѣніямъ. Если мы посредствомъ знанія освободились отъ деспотизма множества ложныхъ понятій, господствовавшихъ прежде, то и новыя поколѣнія должны владѣть тѣмъ же средствомъ, чтобы сохранить непосредственную простоту физической и нравственной человѣческой природы и достигнуть ея свободнаго отъ всѣхъ посторонникъ примѣсей развитія. Въ этомъ собственно и заключается весь такъ называемый историческій ходъ человѣческой цивилизаціи. Очевидно, что средство оберегать свободу человѣческой личности полнымъ окриканіемъ права воспитанія, какъ это придумалъ гр. Толстой,—есть средство весьма аляповатое. Итакъ, онъ положилъ отрицать право воспитанія, добиваясь, во что бы то ни стало, полной свободы воспитываемой человѣческой личности. Мы уже говорили, что, споря противъ него, имѣли собственно въ виду довѣрчивыхъ читателей, которыхъ могла бы соблазнить смѣлость затѣи; мы не хотѣли переубѣждать самого издателя „Ясной Поляны" и опровергать его мнимую систему, потому что черезъ нѣсколько же строкъ онъ начинаетъ совершенно противорѣчить себѣ, и опять такъ, что мы все-таки не можемъ съ нимъ согласиться. Отказавшись рѣшительно признавать за кѣмъ бы то ни было право воспитанія, г. Толстой признаетъ его опять за всѣми. Вотъ его слова: „Если существуетъ вѣками такое *ненормальное* явленіе, какъ насиліе въ образованіи—воспитаніе, то причины этого явленія

Digitized by Google

должны корениться въ человѣческой природѣ. Причины эти я вижу: 1) въ семействѣ; 2) въ религіи; 3) въ государствѣ и 4) въ обществѣ (въ тѣсномъ смыслѣ,—у насъ въ кругу чиновниковъ и дворянства). Первая причина состоитъ въ томъ, что отецъ и мать, какіе бы то ни были, желаютъ сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами, или, по крайней мѣрѣ, такими, какими-бъ они желали быть сами. Стремленіе это такъ естественно, что нельзя возмущаться противъ него. До тѣхъ поръ, пока право свободнаго развитія каждой личности не вошло въ сознаніе каждаго родителя, нельзя требовать ничего другого. Кромѣ того, родители болѣе всякаго другого будутъ зависѣть отъ того, чѣмъ сдѣлается ихъ сынъ, такъ что стремленіе ихъ воспитать его по-своему можетъ назваться если не справедливымъ, то естественнымъ. Вторая причина, порождающая явленіе воспитанія, есть религія. Какъ скоро человѣкъ—магометанинъ, жидъ или христіанинъ—твердо вѣритъ, что человѣкъ, непризнающій его ученія, не можетъ быть спасенъ и губитъ свою душу навѣки, онъ не можетъ не желать, *хотя насильно*, обратить и воспитать ребенка въ своемъ ученіи. Повторяю еще разъ: религія есть *единственное*, законное и разумное основаніе воспитанія (мы увидимъ сейчасъ же, что не единственное). Третья и самая существенная причина воспитанія заключается въ потребности правительствъ воспитать такихъ людей, какіе имъ нужны для извѣстныхъ цѣлей. На основаніи этой потребности основываются кадетскіе корпуса, училища правовѣдѣнія, инженерныя и другія школы. Если бы не было слугъ правительству, не было бы правительства; если бы не было правительства, не было бы государства. Стало-быть, и эта причина имѣетъ *неоспоримыя* оправданія. Четвертая причина, наконецъ, лежитъ въ потребности *общества*, того общества въ тѣсномъ смыслѣ, которое у насъ представляется дворянствомъ, чиновничествомъ и отчасти купечествомъ. Этому обществу нужны помощники, потворщики и участники“. Это невѣроятно, но мы выписали тираду гр. Толстого буква въ букву. Читатель можетъ уже видѣть ихъ этихъ строкъ, какой силы эта мнимая система

Digitized by Google

гр. Толстого, и стоитъ ли спорить противъ нея серіознымъ образомъ. Тотъ самый мыслитель, который сейчасъ только отвергалъ всевозможныя права воспитанія, препирался за свободу человѣческой личности, предавалъ проклятіямъ господствующій порядокъ школы, теперь, черезъ нѣсколько строкъ, утверждаетъ, что всѣ эти школы (съ однимъ исключеніемъ) имѣютъ разумныя, законныя и неоспоримыя права. Какъ понять это? Мы, по крайней мѣрѣ, отказываемся понимать эти фокусы логики гр. Толстого. Если онъ признаетъ право воспитанія за семьей, религіей и государствомъ, изъ-за чего же онъ бился доказывать невозможность этого права? Право семьи онъ признаетъ еще условно, зато право церкви и государства не подлежатъ для него никакому сомнѣнію, а изъ этихъ двухъ источниковъ онъ можетъ, если захочетъ, вывести существованіе всѣхъ тѣхъ школъ и ихъ порядковъ, которыя возбуждаютъ его ожесточеніе,—вывести правильно, со всѣмъ ихъ насиліемъ и деспотизмомъ, формированіемъ людей на свой ладъ, нарушеніемъ свободной личности, навязываніемъ фальшивыхъ понятій, словомъ со всѣмъ тѣмъ, противъ чего онъ выступаетъ съ такой назойливостью. Если онъ захочетъ и сможетъ поставить эти вещи въ форму логической мысли, онъ долженъ принять или то, или другое; онъ долженъ, по его собственному мнѣнію, или отвергать право воспитанія и не дѣлать исключенія ни для кого, или признать его за всѣми, у кого есть охота, и прекратить свои филиппики, когда онъ не умѣетъ ихъ связать..." (Далѣе идетъ опроверженіе нападокъ Толстого на университетское и гимназическое образованіе).

„Кромѣ всѣхъ тѣхъ резоновъ, которые приводилъ гр. Толстой противъ университетовъ, у него есть еще одинъ; это вѣнецъ и вмѣстѣ основаніе его взгляда. „Я не предвидѣлъ, говоритъ онъ, одного возраженія или источника возраженій, естественно представляющагося у большинства моихъ читателей: почему то же самое высшее образованіе, которое оказывается столь плодотворнымъ въ Европѣ, было бы неприложимо у насъ? Европейскія общества образованнѣе русскаго общества, почему и русскому обществу не

Digitized by Google

итти тѣмъ же путемъ, которымъ шли европейскіе народы? Возраженіе это было бы неопровержимо, если бы было доказано, во-первыхъ, что тотъ путь, по которому шли европейскіе народы, есть наилучшій путь; во-вторыхъ, что все человѣчество идетъ одинаковымъ путемъ, и въ-третьихъ, что образованіе наше прививается народу. Весь востокъ образовывался и образовывается совершенно иными путями, чѣмъ европейское человѣчество. Если бы было доказано, что молодое животное—волкъ или собака воспитаны мясомъ и доведены этимъ путемъ до полнаго развитія, развѣ я имѣлъ бы право заключить, что воспитывая молодую лошадь или зайца, я не могу довести ихъ до полнаго развитія иначе, какъ посредствомъ мяса? Развѣ изъ этихъ противоположныхъ опытовъ я бы могъ заключить, наконецъ, что воспитывая молодого медвѣдя, ему необходимо либо мясо, либо овесъ? Опытъ бы показалъ мнѣ, что для него необходимо и то и другое. Организмъ русскаго народа не ассимилируетъ европейскаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть другая пища, поддерживающая его организмъ, потому что онъ живетъ. Эта пища кажется намъ не пищей, какъ трава для хищнаго животнаго, а между тѣмъ исторически-физіологическій процессъ совершается и эта непризнаваемая нами пища ассимилируется организмомъ народа и огромное животное крѣпнетъ и вырастаетъ“. Здѣсь графъ Толстой въ первый разъ высказывается вполнѣ, какъ философъ той школы національнаго мистицизма, о которой мы говорили въ началѣ статьи. Это тѣ самыя разсужденія о неразгаданныхъ свойствахъ русскаго народа, о томъ, что онъ не похожъ ни на какіе европейскіе народы и т. д. Графъ Толстой, можетъ быть, сказалъ даже слишкомъ много, чего бы не сказалъ, вѣроятно, другой, болѣе осторожный послѣдователь школы. Мы не полагаемъ, чтобы выставленный имъ контрастъ между Западомъ и Востокомъ былъ особенно авантаженъ для его соотечественниковъ. Мы имѣли слабость думать, что русскій народъ принадлежитъ къ тому же индо-европейскому племени, какъ и всѣ остальные европейскіе народы, развившіе такъ называемую европейскую цивилизацію. Мы по-

Digitized by Google

дагали, что если онъ и не имѣлъ такихъ выгодныхъ условій, или не обладалъ такой сосредоточенностью нравственныхъ силъ, какъ другіе, то во всякомъ случаѣ основныя черты его физическаго и нравственнаго организма тѣ же самыя, что вслѣдствіе того онъ способенъ къ тому же культурному развитію, какое выпало на долю его индо-европейскихъ собратій. Мы полагали также, что есть огромная разница въ этомъ отношеніи между Западомъ и Востокомъ,—но мы никогда не думали, что русскихъ слѣдуетъ поставить въ одну категорію съ турками, татарами, калмыками и т. д. А между тѣмъ по иносказанію о волкѣ, зайцѣ и медвѣдѣ слѣдуетъ именно такъ. Графъ Толстой положительно утверждаетъ, что европейское образованіе не ассимилируется русскимъ организмомъ и что онъ развивается по какимъ-то другимъ законамъ и воспитывается на какой-то другой пищѣ. Какіе эти законы и какая эта пища, гр. Толстой, конечно, не объясняетъ, какъ это случается постоянно съ нашими натуръ-философами народности. Мы думаемъ, что этихъ особенныхъ законовъ и не существуетъ, а существуетъ только извѣстныя видоизмѣненія въ примѣненіи общаго закона правильнаго человѣческаго развитія, какъ оно совершается у народовъ европейскаго свойства и европейской культуры. Будь русскій народъ—народомъ восточной культуры, онъ отличался бы свойственной востоку неподвижностью, преобладаніемъ фантастики, меньшей степенью разсудочности и другими извѣстными особенностями восточныхъ формъ жизни, правленія, общественнаго устройства, миѳологіи,—которыхъ у насъ нѣтъ, или, если бы они и оказались иной разъ какимъ-нибудь образомъ, русскій характеръ не хочетъ подчиняться имъ и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свою антипатію въ этомъ Востоку. Съ другой стороны, явленія западной культуры прививаются довольно сильно и притомъ вовсе не насильственно, какъ утверждаютъ мистики другого оттѣнка. Что европейское образованіе сначала привилось къ высшимъ классамъ общества, это совершенно естественно; что вслѣдъ за тѣмъ образованіе стало переходить и къ среднему классу и находило даже много адептовъ и въ на-

Digitized by Google

родѣ, это извѣстно исторически и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Этотъ ходъ развитія весьма понятенъ и не имѣетъ въ себѣ ничего загадочнаго; при выполненіи его происходили, конечно, столкновенія съ той массой, которая оставалась еще въ своей наивной порѣ, но эти столкновенія неизбѣжны и бывали вездѣ, гдѣ рядъ новыхъ идей, принесенныхъ культурой, встрѣчается со старыми традиціями и понятіями, которыхъ народъ гдѣ бы то ни было—всегда держится крайне упрямо, потому что не знаетъ другого порядка идей, и свои традиціи считаетъ единственно разумными. То средство, которое было существеннымъ двигателемъ европейской культуры, знаніе, свободное отъ всякой фантастики, сильное научнымъ изслѣдованіемъ и здравымъ смысломъ,—не имѣетъ въ себѣ ничего антипатичнаго русской природѣ и со временемъ окажетъ намъ безъ сомнѣнія тѣ же услуги, какія оно уже оказывало западной Европѣ, избавивши ее отъ множества нравственныхъ пугалъ, смущавшихъ неопотные воображеніе. Люди стараго вѣка и стараго порядка вездѣ стараются сохранять эти пугала, подъ защитой которыхъ такъ весело живется старому обскурантизму и старой несправедливости: когда здравый смыслъ и знаніе разоблачаютъ эти пугала, люди стараго вѣка всегда кричатъ объ оскорбленіи святыни, о нарушеніи народныхъ началъ и отеческихъ преданій и т. п. Такова была всегда дорога, по которой приходилось итти всякой свѣжей мысли; ее всегда встрѣчали и провожали проклятіями люди, которымъ становилось неловко въ ея присутствіи. Ходятъ слухи, что „Ясная Поляна" прекратила свое существованіе; не знаемъ, правда ли это, но „Ясная Поляна" и при своемъ началѣ и въ концѣ производитъ на насъ одно впечатлѣніе, и „Современникъ" остается совершенно при томъ же мнѣніи, какое онъ высказалъ объ этомъ изданіи съ самаго начала. Мы замѣтили бы теперь еще одно остоятельство: іюльская книжка „Ясной Поляны", о которой мы говорили, вышла послѣ 20-го сентября (этимъ числомъ помѣчено цензурное одобреніе), и гр. Толстому были, безъ сомнѣнія, извѣстны разныя событія, происшедшія до этого времени въ русской

Digitized by Google

литературѣ. Онъ не обратилъ на это никакого вниманія: въ своихъ филиппикахъ онъ продолжалъ нападать на нѣкоторыхъ своихъ противниковъ, не имѣвшихъ возможности отвѣчать ему; онъ ставилъ ихъ имена въ сосѣдство весьма неполезное, которое, пожалуй, могло бы подать поводъ къ какому-нибудь соблазну у людей, мало знакомыхъ съ дѣломъ. Мы бы совѣтовали ему больше гражданской осторожности. *Изъ „Современника" за 1863 г.*

* * *

*) По поводу предыдущей статьи въ журналѣ „Время", издававшемся М. Достоевскимъ, появилась статья подъ заглавіемъ: „Сказаніе о *дураковой плѣши*" (по поводу распри „Современника" съ „Ясной Поляной"). Послѣ личной полемики съ „Современникомъ", которою статья начинается, авторъ ея говоритъ:

Первыя страницы статьи „Наши толки о *народномъ* воспитаніи" посвящены насмѣшкѣ, далеко впрочемъ не ядовитой, и глумленью надъ народнымъ элементомъ въ литературѣ. Здѣсь главное заключается въ томъ, что будто бы люди, имѣющіе въ виду народъ, постоянно стремящіеся къ соединенію съ нимъ и другихъ зовущіе къ сближенію, люди съ этой цѣлью изучающіе народъ и его стремленія, будто бы эти люди ничего народнаго не сказали, а пробавляются однимъ фразерствомъ, будто бы эти люди составляютъ одну „школу народнаго и національнаго мистицизма". Отказавшись отъ философіи, „Современникъ" забылъ надлежащее употребленіе словъ, и это не диво; гораздо страннѣе то, что онъ не понимаетъ, что во всемъ его краснорѣчіи только однѣ фразы и фразы, что онъ смѣшиваетъ самыя необходимыя вещи.

Этотъ мистицизмъ народности имѣетъ множество оттѣнковъ, начиная отъ незамысловатаго квасного патріотизма и ношенія національной (т.-е. кучерской) поддевки до туманной философіи Кирѣевскаго, до проповѣди о почвѣ и

*) „Время" 1863 г., № 3. Статья подписана: *Идеев* (И. Г. Долгомостьевъ).

Digitized by Google

гибели западной цивилизаціи, до филиппикъ М. П. Погодина, до международныхъ понятій „Дня“, и, пожалуй, до художественно-поэтическихъ обличеній нигилизма“.

Къ числу „оттѣнковъ“ этого мистицизма принадлежитъ, видите ли, и Толстой.

„Графъ („*Современникъ*“ *находитъ этотъ титулъ непремѣнно нужнымъ*) Толстой также врагъ всякаго нигилизма и также собирается защищать отъ чего-то народъ; „Современникъ“ не могъ, впрочемъ, понять хорошенько *(вотъ въ томъ-то и дѣло)* отъ чего, потому что самъ графъ Толстой выражается объ этомъ неопредѣленно: сначала говоритъ, что народъ желаетъ образованія, потомъ, что онъ противодѣйствуетъ въ этомъ обществу и т. п.“

Статья Толстого совершенно удобопонятна; Толстой какъ всегда, такъ и въ этой статьѣ („Воспитаніе и Образованіе“, іюль „Ясной Поляны“ 1862), является дѣйствительно врагомъ всякаго *нигилизма*, т.-е. ничтожества, пустозвонства и тому подобныхъ современныхъ добродѣтелей, а собирается онъ защищать народъ отъ всякаго деспотизма, откуда бы тотъ ни шелъ. „Современникъ“, вѣроятно, такъ его и понялъ, но не сознается въ этомъ, потому что признаетъ деспотизмъ умѣстнымъ и законнымъ въ нѣкоторыхъ, конечно, особенныхъ случаяхъ, до объясненія которыхъ онъ еще не дочитался въ своихъ книжкахъ. Говоритъ объ этомъ Толстой совершенно ясно и опредѣленно, а только не полно, потому что защищать народъ отъ деспотизма семьи, религіи и правительства считаетъ ненужнымъ.

„Въ наукѣ и литературѣ встрѣчаются постоянно нападки на насиліе воспитанія семейнаго... встрѣчаются нападки на религіозное воспитаніе... встрѣчаются нападки на воспитаніе чиновниковъ, офицеровъ... Но на образованіе общественное не слышно нападокъ“ (Іюль, „Я. П.“, стр. 15).

На него-то и нападаетъ Толстой. Это вещи всѣмъ и каждому извѣстныя и которыя только „Современнику“ кажутся новыми, потому что онъ дальше своихъ любезныхъ книжекъ не пошелъ. Толстой сначала говоритъ, что на-

Digitized by Google

родъ жаждетъ образованія, и въ срединѣ и въ концѣ, а противодѣйствуетъ народъ обществу, по его мнѣнію, не „въ этомъ", какъ говоритъ „Современникъ", а „въ томъ, что ему то отцы, то попы, то чиновники, то агитаторы навязываютъ воспитаніе, а образованія, въ которомъ онъ нуждается, никто не даетъ; что его душатъ иностранной цивилизаціей, тогда какъ у него *есть своя;* что его хотятъ водить на помочахъ, тогда какъ онъ самъ умѣетъ и стоять и ходить на собственныхъ ногахъ. Напрасно „Современникъ" говоритъ, что Толстой во имя народа отвергаетъ воскресныя школы и университеты, которые (и тѣ, и другіе) „добровольно" посѣщаемы сотнями слушателей: ничего подобнаго Толстой не говоритъ. Напротивъ, онъ видитъ въ этихъ фактахъ „добровольнаго" посѣщенія то, что народъ жаждетъ образованія, что онъ безъ него жить не можетъ и непремѣнно, какъ свѣжаго воздуха, будетъ искать его, дай ему только волю. Отвергаетъ Толстой тѣ школы, тѣ университеты, которые не „добровольно", а поневолѣ посѣщаются за неимѣніемъ лучшихъ. „Все это узко, ограниченно, уродливо", по мнѣнію графа Толстого, потому что все это дѣйствительно узко, такъ какъ голяку легче черезъ игольное ушко пролѣзть, чѣмъ въ университетъ попасть,—ограниченно, такъ какъ тамъ и пріемъ студентовъ, и число предметовъ, и курсы наукъ, и пользованіе учебными пособіями, словомъ все ограничено,—уродливо, такъ какъ развивается тамъ все ненормально, неестественно, черезъ пень-колоду, а не „потому что все это или устроено безъ вѣдома народа (*поймите, что Толстой изъ-за того и хлопочетъ, чтобы это не было устроено съ чьего-нибудь вѣдома, а устроилось бы само собою*), или на иностранные образцы (*Толстой, напротивъ, въ насмѣшку называетъ мудрецами тѣхъ, кто устроилъ первый университетъ: наши аматеры цивилизаціи вовсе не вникнули въ сущность европейскихъ университетовъ да и теперь не вникаютъ; онъ, впрочемъ, дѣйствительно съ презрѣніемъ относится къ тѣмъ иностраннымъ университетамъ, которые устроены по системѣ нашихъ. „Университеты не только*

Digitized by Google

наши, но и во всей Европѣ, какъ скоро не совершенно свободны, не имѣютъ другого основанія, какъ произволъ, и столь же уродливы, какъ монастырскія школы", іюль, „Я. П.", стр. 13—14) или основано на принужденіи и деспотизмѣ школы (*вотъ это только и правда*) (напримѣръ, воскресныя школы? или университетъ, посѣщаемый огромной массой посторонней публики?) замѣчаетъ „Современникъ" въ скобкахъ. Да полно вамъ! Не противъ этого вопіетъ Толстой: развѣ не говоритъ онъ, что онъ не разъ защищалъ Костомаровскій проектъ университета? развѣ въ заключеніе не объясняетъ онъ, что все дѣло образованія должно вестись на манеръ публичныхъ лекцій? Онъ противъ любезныхъ вамъ экзаменовъ, матрикулъ, чиновныхъ привилегій и т. п. прелестей. Если онъ смѣется надъ воскресными школами, такъ онъ смѣется надъ ними въ другой статьѣ, и притомъ совершенно за дѣло: онъ смѣется надъ тѣмъ, что туда ходили поучать народъ люди безтолковые, увлекшіеся модой, и представляетъ примѣръ дѣйствительно смѣшной оригинальности, именно барыню, которая, разсказывая о посѣщеніи Авраама тремя странниками, *кстати* заговорила о желѣзныхъ дорогахъ. Такъ, вѣдь, это дѣйствительно забавная дичь и точно такъ же мало относится къ воскресной школѣ, какъ мало относился бы къ вашимъ любезнымъ книжкамъ смѣхъ надъ человѣкомъ, который, объясняя, положимъ хоть по Молешотту, что въ мозгу есть сѣра и фосфоръ, заговорилъ бы кстати о производствѣ зажигательныхъ спичекъ. Не воскресныя школы бранитъ Толстой въ этой статьѣ, а неумѣлость барыни; точно также и говоря про университеты, не студентовъ бранитъ Толстой, а неумѣлость профессоровъ, неразвитость среды, въ которой обращаются студенты, нерациональность устава университетскаго (и стараго и новаго, вѣдь, всѣ эти уставы, по его мнѣнію, на одну стать) и т. д. Напрасно вы клевещете, будто Толстой „съ сосредоточенной злобой нападаетъ на все, что есть у насъ свѣжаго, т.-е. на молодое поколѣніе; онъ никогда не думалъ нападать на него, напротивъ, всѣ его симпатіи на сторонѣ молодого поколѣнія, да и оно очень хорошо это знаетъ и

Digitized by Google

симпатизируетъ съ нимъ, что отчасти видно и изъ того, что окружающіе Толстого педагоги—исключительно молодые люди.

Вы говорите, что Толстой пишетъ такъ, что его и понять нельзя; вы его обзываете стародуромъ, обскурантомъ и т. п. Да „кто еси ты судяй чуждему рабу?“ Ужъ не профессоръ ли вы полно, что такъ милы вамъ университеты?.. Поймите же, что вы-то „новодуры“, не умѣющіе трехъ словъ связать, не укравши, не понадергавши ихъ изъ книжекъ, вы-то и есть „обскуранты“, не умѣющіе трехъ понятій связать, не жизненныхъ, куда вамъ, вы поди-ка и о существованіи такихъ не знаете, а не умѣющіе связать трехъ понятій, понадерганныхъ вами же изъ вашихъ же книжекъ. Вотъ хоть тутъ: изобрѣли вы какую-то „школу народнаго и національнаго мистицизма“ (что за безсмыслица, Создатель!) съ оттѣнками отъ квасного патріотизма, и далѣе вы забраковали буквально всѣхъ, имѣющихъ въ виду народность и національность. Кто же вы? космополиты? Да понимаете ли вы, что такое европейскій космополитъ? Понимаете ли вы, что космополитъ-нѣмецъ стремится всѣхъ сдѣлать нѣмцами, космополитъ-французъ стремится сдѣлать всѣхъ французами, космополитъ-англичанинъ стремится сдѣлать всѣхъ англичанами и т. д. и т. д. Вѣдь, это только одни ублюдки европейской цивилизаціи и татаро-византійскаго развитія стремятся изъ русскихъ сдѣлаться нерусскими. Знаете ли вы, что такое національность и народность? Знаете ли вы, что такое тѣ „общія причины“, которыя порождаютъ и развиваютъ народный духъ или (можетъ быть вамъ понятнѣе будетъ) народный геній? Знаете ли, какъ силенъ ими этотъ народный духъ? Нѣтъ? Такъ возьмите въ зубы вами же рекомендуемаго Бокля и раскусите хотя слѣдующія мѣста“... (Приводится нѣсколько выдержекъ изъ „Исторіи умственнаго развитія въ Испаніи“ Бокля).

„Выписавъ содержаніе первыхъ страницъ статьи Толстого „Воспитаніе и образованіе“, „Современникъ“ просто напросто начинаетъ ругать его, вмѣсто того, чтобы опровергать его мнѣнія, да къ этому еще прибавляетъ: мы-де этимъ бу-

Digitized by Google

и покончили, да вотъ, глупый вы народъ, читатели, примете пожалуй его статью за постановку вопроса. Будьте увѣрены, гг. „Современникъ“ (умный вы народъ!), что это, какъ и слѣдуетъ, всѣ примутъ за рѣшеніе вопроса и только сдѣлаютъ въ немъ нѣкоторыя поправки. Вопросъ совершенно общій: имѣетъ ли право одинъ человѣкъ обдѣлать другого по образу и по подобію своему? и отвѣтъ понятенъ: нѣтъ; доказательство прямое, никто и ничто не даетъ ему этого права; доказательство отъ противнаго —никто не можетъ отнять тогда это право отъ всякаго, даже и отъ мошенника. Что же тутъ обскурантнаго? Кому же въ настоящее время ново возставать противъ права насилія въ воспитаніи?

Вы говорите, что у Толстого высказывается въ этой статьѣ „незнаніе современной педагогической науки и та же вражда къ новымъ попыткамъ нашего общества, какая вообще свойственна нашей національно-мистической школѣ“. Позвольте оговориться: здѣсь ничего подобнаго не высказывается. *Во-первыхъ*, Толстой своимъ положеніемъ не современную или довременную педагогическую науку отвергаетъ, а вообще всякую, которая имѣетъ въ виду насильно сдѣлать изъ человѣка то, что ей вздумается, даже болѣе: не науку только о воспитаніи онъ отвергаетъ, а самое воспитаніе. *Во-вторыхъ*, въ этомъ же отношеніи онъ становится въ оборонительное положеніе и къ обществу, и притомъ не къ одному только образованному обществу, а и къ массѣ народной: онъ точно такъ же говоритъ противъ совѣтовъ, даваемыхъ крестьянами, точно такъ же вооружается противъ предразсудковъ о воспитаніи, господствующихъ въ ихъ массѣ, какъ говоритъ и вооружается противъ совѣтовъ и предразсудковъ образованнаго общества. Съ первымъ положеніемъ о ненужности воспитанія мы не согласны, потому что этотъ вопросъ поставленъ неправильно: не въ томъ дѣло, нужно или не нужно воспитаніе, а въ томъ, что оно есть, что отъ него отбиться нельзя, что самъ Толстой, самъ того не замѣчая, воспитываетъ своихъ учениковъ и прекрасно воспитываетъ. Во второмъ случаѣ

Digitized by Google

мы совершенно согласны съ Толстымъ: мы тоже, какъ и онъ, возстаемъ противъ всякаго насилія въ воспитаніи, откуда бы оно ни шло, противъ всякаго вмѣшательства школы въ формированія вѣрованій, убѣжденій и характера учащихся. Не довольно либерально что ли это по вашему? Правда, Толстой никогда не дойдетъ въ либерализмѣ, напримѣръ, до почтеннаго г. Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), этого замѣчательнаго нигилиста de lendemain, но и то сказать—г. Щедринъ неофитъ и каждому понятна его ревность. Всякому свое. А теперь позвольте слушать васъ дальше.

Вамъ угодно было вступиться за нѣмецкую педагогію, но какъ? Вы просто наговорили громкихъ, ни къ чему не ведущихъ фразъ, а именно, что педагогія наука незаконченная, что она въ связи съ обстоятельствами жизни общества, что въ ней есть свои ретрограды и верхогляды; извините, вы сказали „передовые люди“ и т. п., пожалѣли, что Толстой на книжки ни на какія не ссылается (а вы-то на основаніи какихъ книжекъ толкуете? Вѣдь, у васъ ни *одной* цитаты, ни одной нѣтъ), да тутъ же (вотъ кстати-то!) замѣтили, что Толстой о Песталоцци „высокомѣрно“ отозвался: „Песталоцци человѣкъ, скорѣе угадывавшій сердцемъ, чѣмъ открывавшій научными путями новую дорогу воспитанія; человѣкъ, давшій только мысль для дальнѣйшаго развитія и окончательно имѣющій теперь одно историческое значеніе“, говорите вы. Что за пустая фраза! Перечтите же, что сказалъ Толстой, и вы убѣдитесь, что онъ несравненно больше васъ знакомъ съ тѣмъ, о чемъ вы говорите зря, съ его же словъ (Августъ. Я. П., стр. 28): „Что же такое Песталоцци и знаменитая система, которой столько злоупотребляютъ въ наше время? Песталоцци никогда не былъ теоретикомъ, никогда не былъ философомъ и не оставилъ намъ никакой системы педагогіи. Когда я только начиналъ заниматься педагогіей, имя Песталоцци и ссылки на его мнимую теорію ввели меня въ то же заблужденіе, въ какое и теперь вводится большинство публики. Перечитавши все, что написалъ Песталоцци, и что объ немъ было написано, я убѣдился, что Песталоцци никогда

Digitized by Google

не былъ философомъ, не положилъ никакихъ новыхъ основаній въ такъ называемую науку воспитанія. Песталоцци вовсе не былъ философомъ какъ Руссо, Кантъ и Шеллингъ, онъ былъ только хорошій учитель. Если ужъ непремѣнно отыскивать заслугу Песталоцци въ философіи педагогіи, то заслуга эта будетъ состоять въ дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи мысли Руссо—свободы и самодѣятельности въ воспитаніи. Простая мысль эта, разбросанная по разнымъ мелкимъ сочиненіямъ, оставшимся отъ Песталоцци, состоитъ въ слѣдующемъ:

„Человѣкъ въ дѣйствительной жизни поучается не однимъ только словомъ, но и посредствомъ всѣхъ своихъ чувствъ. Въ старой же школѣ способъ поученія состоялъ только въ передачѣ слова, почему бы и въ школѣ не ввести способа передачи, дѣйствующаго на всѣ чувства ребенка“?

Скажите, Бога ради, чѣмъ же это высокомѣрнѣе вашего отзыва? И неужели вы не понимаете, что мысль-то здѣсь совершенно та же, что у васъ, да только не пустыми фразами сказанная, а дѣльно? Дальше Толстой говоритъ: „мысль эта совершенно ложна и совершенно справедлива“ и разбираетъ, что въ ней ложнаго и что справедливаго, къ какой нелѣпости пришла нѣмецкая педагогія въ лицѣ Грубе и Фребеля (а вы говорите, что у него цитатъ нѣтъ, выйдя изъ этой простой и прекрасной мысли и т. д. Гдѣ же тутъ незнаніе педагогіи? Изъ чего же вы вывели, что Толстой не умѣетъ различить теоретической педагогіи отъ существующей школы? Знаетъ онъ это различіе и, какъ сейчасъ видѣли, знаетъ лучше васъ. Нигдѣ не говоритъ онъ, что здравыхъ понятій о педагогіи ни у кого нѣтъ. Онъ признаетъ философію педагогіи, о которой вы и понятія не имѣете; онъ знакомъ съ теоріями, о которыхъ вы и не слыхивали, онъ бывалъ въ разныхъ школахъ и хваленыхъ и хуленыхъ, тогда какъ вы со своей лежанки объ нихъ толкуете, да по воспоминаніямъ дѣтства; и все это привело его къ тому заключенію, что не теорія, а принципъ этой теоріи ложенъ, и потому, какъ бы она прекрасна ни была, она все же никуда не годится. Вы ему рекомендуете осмо-

Digitized by Google

трѣться, опредѣлить причины дурного положенія школы. Да знаетъ онъ ихъ; неужели вы и этого то изъ его статьи не поняли? Вы ему за новость объявляете, что школы дурны вслѣдствіе дурного общественнаго положенія. Да скажите на милость, развѣ вся его статья не направлена къ тому, что наука въ школѣ должна быть устранена отъ всякаго посторонняго вліянія, что наука должна быть внѣ разныхъ вліяній, что эти вліянія губятъ школу, что эти вліянія— явленія ненормальныя для школы. Что нѣмецкія и англійскія школы также плохи, Толстой твердитъ на каждомъ шагу, и въ нихъ онъ видитъ вредъ всякаго посторонняго вліянія. „Онъ все сваливаетъ на школу", говорите вы и клевещете на него: ничего онъ на школу не сваливаетъ, онъ все сваливаетъ на постороннія вліянія отъ которыхъ стремится освободить школу и на разныя кунштуки, до которыхъ дошли, идя отъ той ложной мысли, что человѣка можно силою воспитать. Онъ объ этомъ-то именно и горюетъ, что „школа всегда была второстепеннымъ и подчиненнымъ отправленіемъ народной жизни"; онъ именно требуетъ самостоятельности школы и пусть въ нее идетъ только тотъ, кто хочетъ, и пусть каждый, побывавшій въ ней, выноситъ только науку, только знаніе, а не новые предразсудки вмѣсто старыхъ, не современныя нелѣпости вмѣсто отжившихъ.

„Такимъ образомъ, если графъ Толстой хочетъ говорить о принципахъ воспитанія въ ихъ широкомъ, идеальномъ смыслѣ, съ его стороны очень странно, предъявляя свои новыя требованія, нападать на эту существующую школу и считать ее послѣднимъ словомъ науки".

Да позвольте спросить, какъ вы читаете книги, которыя подвергаете критикѣ? Это, должно быть, вѣдь престранный какой-нибудь способъ у васъ придуманъ! Иначе какъ бы вы умудрились видѣть въ книгахъ совсѣмъ не то, что въ нихъ есть? Съ чего вы взяли, что Толстой хочетъ толковать о принципахъ воспитанія, когда онъ не признаетъ самого „принципа воспитанія"? Съ чего вы взяли, что онъ считаетъ существующія школы послѣднимъ словомъ науки? Онъ на

Digitized by Google

разбираемыхъ вами страницахъ говоритъ только одно: школа нелѣпа, если она сложилась подъ вліяніемъ посторонннихъ обстоятельствъ и исправить ее при существованіи принциповъ воспитанія нельзя, потому что, принявъ этотъ принципъ, нельзя отвергать права воспитанія для однихъ, признавая его за другими,— это нелѣпость. Вы говорите, что есть книжки (вотъ онѣ наконецъ!), въ которыхъ можно повычитать кое-что на этотъ счетъ, т.-е. о принципахъ воспитанія. Мы было обрадовались: думаемъ—вотъ-то, гдѣ, наконецъ, самая суть педагогическихъ принциповъ, вотъ-то познакомимся, наконецъ, мы съ послѣднимъ словомъ науки о воспитаніи; тутъ пожалуй и Р. Оуэнъ какъ слѣдуетъ объясненъ и разобранъ, а не такъ дико, какъ прежде когда-то объяснялъ и разбиралъ его „Современникъ“.

Какъ вдругъ, о ужасъ! опять тѣ же знаменитыя книжки, которыя уже не разъ предлагаемы были и прежде. Да послушайте, гг. „Современникъ“, читали ли вы сами эти книжки? Если читали, такъ вы ихъ не поняли, вы имъ не сочувствуете, вы ихъ вѣрно тѣмъ же невѣдомымъ способомъ, шиворотъ на выворотъ, читали, какъ читаете рецензуемыя вами книжки. Вѣдь, право, совѣстно за васъ... Развѣ можно дѣлать подобные прыжки? Повѣрите ли, читатель,—для ознакомленія съ послѣднимъ словомъ науки педагогіи „Современникъ“ рекомендуетъ... Бокля, Льюиса и Молешотта!.. Да хоть бы гг. „Современникъ“ не рядомъ ставили эти имена! Какъ у васъ духу хватило поставить рядомъ съ именами Бокля и Льюиса имя г. д-ра Молешотта? Или, съ другой стороны, отчего уже вы не припрягли сюда и г. Бюхнера? Право, вы должно быть не читали сами подхваливаемыхъ вами книжекъ. Вѣдь, вотъ кто читалъ эти книжки, тотъ очень хорошо знаетъ, какая непроходимая бездна лежитъ между Миллемъ, Боклемъ, Льюисомъ, Дарвиномъ и др. съ одной стороны, и г. Фейербахами, Молешоттами, Мульдерами, Бюхнерами et tutti quanti съ другой. Кто ихъ изучалъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что Милль, Бокль, Льюисъ, Дарвинъ и др. составляютъ совершенно новую школу, которая отвергаетъ цѣликомъ всю европейскую цивилизацію,

Digitized by Google

проповѣдываемую вами, всю, отъ узкаго католицизма до широколобаго („малѣйшаго ума пространная столица") матеріализма;—которая одинаково ненавидитъ заурядъ всѣхъ рабовъ,—всѣхъ, отъ рабскихъ поклонниковъ Наполеона III до рабскихъ поклонниковъ соціализма и коммунизма;—которая проповѣдуетъ обособленіе частностей и приведеніе этихъ частностей въ гармоническое соотношеніе между собою и съ общимъ, что бы это за частности и что бы это за общее ни было,—люди и государство (Милль), люди и цивилизація (Бокль), органическія клѣточки и организмъ (Льюисъ), животныя особи и животное царство (Дарвинъ) и т. п. школа, которая, наконецъ, представляетъ явленіе, до того органически вышедшее изъ оживающаго европейскаго міра, что къ ней принадлежатъ, какъ Рихардъ Вагнеръ, стремящійся индивидуализовать каждый инструментъ въ оркестрѣ, люди, не имѣющіе, быть можетъ, и понятія о ея существованіи. Эта школа признаетъ только одну власть—власть факта и несокрушимой логики, и ей нужды нѣтъ куда бы ни привели ее строгіе логическіе выводы. Вы знаете, что часто слышатся споры о душѣ, споры, по нашему мнѣнію, столь же безплодные и безполезные, бездоказательные и нескончаемые, какъ „древле" были безплодны и безполезны, бездоказательны и нескончаемы споры о томъ, была ли у Адама пуповина: дѣло не въ томъ, слѣдуетъ ли различать въ человѣкѣ душу и тѣло, а въ томъ, что человѣкъ есть, и что онъ не только ѣсть и пить хочетъ, а хочетъ еще свободно мыслить и дѣйствовать. Вы знаете, какъ различно понимаютъ при этомъ Льюиса тѣ идеалисты, для которыхъ непоколебимый авторитетъ чуть ли не въ папѣ, и тѣ матеріалисты, для которыхъ гг. Молешоттъ и Бюхнеръ служатъ столь же неколебимыми авторитетами: одни считаютъ Льюиса своимъ единомышленникомъ, другіе своимъ. И вотъ я воображаю себѣ, что было бы съ этими добрыми людьми, если бы они порознь пришли къ Льюису . Далѣе на 9-ти страницахъ слѣдуютъ мысли и выдержки съ комментаріями автора изъ Льюиса и Молешотта. Затѣмъ критикъ продолжаетъ:

Digitized by Google

„Какія же слѣдствія вытекаютъ изъ всего этого вмѣстѣ взятаго?

А вотъ какія: 1) воспитаніе въ смыслѣ измѣненія и образованія новыхъ убѣжденій и вѣрованій, въ смыслѣ измѣненія характера согласно волѣ воспитателя, т.-е. воспитаніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы его проповѣдуете, возможно только при одномъ условіи—*если за дѣйствіями и рѣчами, противными воспитателю, всегда слѣдуетъ наказаніе*, ибо въ противномъ случаѣ природныя способности и наклонности возьмутъ перевѣсъ, и воспитаніе окажется безполезнымъ... Tu quoque, Brute! Да изъ-за чего же распинался покойный Добролюбовъ, препираясь съ Пироговымъ о розгахъ, если вы, ближайшіе его, и еще на свѣжей могилѣ, станете проповѣдовать наказаніе за ученіе? 2) Но воспитаніе въ смыслѣ развитія и усовершенствованія существующихъ уже способностей, наклонностей, характера, даже вѣрованій и убѣжденій, не только возможно, а и необходимо. Толстой на словахъ совсѣмъ отвергаетъ воспитаніе; но на дѣлѣ онъ отвергаетъ только воспитаніе въ вашемъ смыслѣ, въ смыслѣ передѣлки человѣка на новый ладъ. Въ этомъ смыслѣ отвергаемъ воспитаніе и мы, и притомъ съ двухъ сторонъ: г. Страховъ говоритъ, что есть въ ребенкѣ живая душа, которую воспитаніемъ передѣлать нельзя, но развить и усовершенствовать можно: я же думаю, что въ ребенкѣ есть прирожденныя сочетанія нервныхъ узловъ, прирожденное и опредѣленное взаимодѣйствіе нервныхъ центровъ и этого передѣлать нельзя, а совершить и облегчить взаимодѣйствіе можно. Такимъ образомъ былъ бы съ нами согласенъ и Льюисъ, если бы только онъ заговорилъ о педагогіи, потому что онъ вполнѣ убѣжденъ, что „умственныя движенія человѣка могутъ совершаться только по старому пути". Кто же ближе къ Льюису въ педагогическомъ отношеніи: публицисты „Современника" или Толстой? Конечно, Толстой, потому что онъ на практикѣ именно такъ и ведетъ дѣло, какъ слѣдуетъ, а только, увлекшись ненавистью къ насилію въ воспитаніи, невѣрно понялъ подъ словомъ воспитаніе одно это насиліе.

Digitized by Google

Нужно ли вамъ еще разъ доказывать, что и Бокль не съ вами?-Я думаю, что достаточно и представленныхъ мною выдержекъ изъ Бокля, чтобы убѣдиться въ этомъ...

Итакъ изъ указанныхъ вами авторовъ ни одинъ не согласенъ съ вашимъ взглядомъ на воспитаніе, и наоборотъ съ этими авторами очень легко дойти до убѣжденій Толстого. „Что же сей сонъ значитъ?“ говоря вашей любимой поговоркой. По моему, это не болѣе и не менѣе, какъ явное доказательство пребыванія вашего на „Дураковой плѣши“, мѣстность, честь открытія которой принадлежитъ безспорно вамъ. Съ чего же вы такъ яро, „какъ съ дубу“, обрушились на Толстого? Вы говорите ему:

„Кому могутъ быть интересны ваши умозаключенія, подкрѣпленныя только личнымъ вашимъ капризомъ, если есть выводы физіологіи, антропологіи, исторіи, подкрѣпленные строгими научными фактами?“

Вотъ это мило! Понятно ли вамъ хоть теперь-то, наконецъ, что если бы требованіе подкрѣплять педагогическіе выводы выводами изъ физіологіи, антропологіи и исторіи, было не личнымъ вашимъ капризомъ, а дѣйствительною потребностью (мы этого не признаемъ, потому что Толстой подкрѣпляетъ свои доводы совершенно достаточнымъ аргументомъ—трехлѣтнимъ опытомъ: вѣдь, онъ не болтунъ-яйцо изъ среды „Современника“, а человѣкъ дѣла), то Толстой, говоря противъ насильнаго воспитанія, могъ бы подтвердить, что оно не плодотворно—цитатами изъ Молешотта: что оно незаконно, какъ незаконно всякое насилованіе природы,—цитатами изъ Льюиса; что оно невозможно въ смыслѣ непримѣнимости на практикѣ—цитатами изъ Бокля. Далѣе вы продолжаете:

„Вы избавите ее (*молодую личность*) только отъ одного деспотизма, школьнаго, но остается тотъ же деспотизмъ невѣжества, предразсудковъ, извращенныхъ нравственныхъ понятій и т. д., и т. д., отъ чего теперь избавляетъ отчасти (*но не весьма, прибавимъ мы отъ себя*) школа“.

Скажите на милость, да какъ же можетъ случиться, чтобы знаніе, чистое знаніе, безъ всякихъ „помѣсей“ тео-

Digitized by Google

ретическихъ, знаніе, переданное съ любовію и съ увлеченіемъ, какъ этого требуетъ Толстой, какъ же можетъ случиться, чтобы такое знаніе оставило ученика рабомъ невѣжества, предразсудковъ, извращенныхъ нравственныхъ понятій и т. д.? Нѣтъ, это невозможно нигдѣ, развѣ на Дураковой лѣши. Вы, читатель, думаете, что это самое нелѣпое изъ того, что сказалъ „Современникъ“ о Толстомъ? Нѣтъ-съ, погодите-съ, „что дальше въ лѣсъ, то больше дровъ“. „Современникъ“ предлагаетъ взять Толстому деревенскаго мальчика, воспитаннаго на свободѣ (sic).

Какія же свѣдѣнія нужны для этой личности? (*читайте отчеты объ яснополянской школѣ и вы узнаете изъ нихъ о цѣломъ рядѣ свѣдѣній, потребованныхъ самими дѣтьми такого рода*). Очевидно, что тѣ элементарныя свѣдѣнія, какъ грамота, письмо и т. д, не могутъ особенно подвинуть свободнаго развитія (*а по опыту Толстого видно, что могутъ, стоитъ только не подурацки обучать чтенію и письму*); высшая наука, но вы ее не одобряете. Судя по вашимъ высокомѣрнымъ отзывамъ, вы думаете, что и она сбилась съ пути...“

Вотъ хорошо! да гдѣ же это, когда, на какой страницѣ забракована Толстымъ наука,—ничего не извѣстно; а вотъ мы и цитатами доказали, что Толстой отвергаетъ только прелесть всякой теоріи, а науку, т.-е. чистое знаніе, признаетъ; но видно въ томъ-то и бѣда его, что онъ не „теоретикъ“. Далѣе „Современникъ“ представляетъ теорію воспитанія. Что за теорія... но позвольте намъ ее разобрать:

„Люди здравомыслящіе думаютъ иначе. Они вполнѣ признаютъ свободу человѣческой личности, но только съ другой стороны“.

Неправда; люди здравомыслящіе признаютъ свободу не односторонне, а всесторонне; свобода, разсматриваемая съ какой-нибудь *одной* стороны, не удовлетворяетъ ихъ, напримѣръ: ни взятая отдѣльно свобода политическая (муниципальныя привилегіи и въ Испаніи были, да сплыли), ни взятая отдѣльно свобода слова и печати (это тоже было

Digitized by Google

попробовано въ Испаніи), ни взятая отдѣльно свобода отъ предразсудковъ (это тоже въ Испаніи: хотя не долго, но она была свободна отъ самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ—входила въ сношенія съ невѣрными, вела съ ними торговлю, брала подати съ духовенства и т. п., что все было противно ея предразсудкамъ) и т. д.

„Эта свобода заключается, по ихъ мнѣнію, въ возможности развитія всѣхъ физическихъ и моральныхъ данныхъ, которыя человѣкъ имѣетъ отъ природы".

Не говоря уже о нелѣпости выраженія „моральныя данныя отъ природы", мораль не природа, а напускное, условное, придуманное, — здѣсь подъ маской дешевенькаго, пустенькаго либерализма скрыто *красное* ретроградство. Никто изъ здравомыслящихъ людей такъ узко не понимаетъ свободу, никто изъ уважающихъ свободу людей такъ обще не выражается о ней. Свобода заключается не въ возможности развитія вообще: опять повторяемъ вмѣстѣ съ Бокленъ—Испанія не только имѣла возможность развитія, ее еще подгоняли на пути развитія, насильно навязывали ей развитіе, однакоже въ ней „идея свободы вымерла, если на самомъ дѣлѣ, въ настоящемъ своемъ значеніи она когда-нибудь существовала въ Испаніи" (Бокль, стр. 197, февраль, „Время"). Не въ возможности развитія вообще заключается свобода, а въ возможности развитія активнаго, т.-е. въ полной самобытности: въ самоуправленіи, самодѣятельности, самостоятельности, и главное въ *самоупованіи*: „ничто не могло остановить движенія англійской цивилизаціи", говоритъ Бокль (тамъ же), „англичане убѣждены, что они обладаютъ въ самихъ себѣ тѣми источниками и той плодовитостью соображенія, посредствомъ которыхъ люди могутъ сдѣлаться великими, счастливыми и мудрыми", и въ другомъ мѣстѣ собственно о самоуправленіи и самоупованіи, онъ говоритъ: „безъ нихъ малѣйшій толчокъ становится пагубнымъ. Въ Испаніи они были неизвѣстны... Съ отсутствіемъ же самоуправленія и самоупованія никогда нельзя достигнуть истинной идеи независимости", безъ этихъ качествъ „испанскіе либералы должны были съ горечью вспо-

Digitized by Google

минать о тѣхъ дняхъ, когда они *тщетно* пытались надѣлить свободой свое несчастное отечество“ (тамъ же, стр. 188). А вы признаете пассивное, насильственное развитіе! Какъ у васъ духу хватаетъ такъ нагло ссылаться на Бокля?

„Эта свобода развитія не достигается предоставленіемъ ребенка самому себѣ или случайностямъ окружающей среды“.

Значитъ для этой свободы сызмальства человѣка въ шёнъ надо взять, не давать ему воли, уничтожить въ немъ способность наблюдать и обсуждать, отнять у него самый лучшій способъ развитія, незамѣнимый никакими научными свѣдѣніями, собственный опытъ, и все это „потому что, во-первыхъ, онъ нуждается въ руководствѣ и помощи“.

Такъ то, такъ; да „стулья-то зачѣмъ же ломать“; руководствуйте, помогите, но не забирайте въ ежовыя рукавицы.

„Во-вторыхъ, потому, что для свободы нужно освободить его отъ множества вредныхъ вліяній этой среды (*да среда то эта въ немъ, поймите же, наконецъ*), ея старыхъ непригодныхъ предразсудковъ, невѣжества и проч.“

Вотъ этого и довольно, чтобы обратить всю вашу теорію въ наборъ фразъ. Какъ вы достигнете этого „освобожденія?“ Тутъ только два пути: а) *или изолировать ребенка*; но тогда онъ не будетъ знать жизни и какъ только выйдетъ изъ вашей школы, такъ тотчасъ же, несмотря на свои знанія, срѣжется на первомъ шагу, подобно Базарову, только несравненно хуже, потому что не устоитъ въ своей теоріи: б) *или вы не вырвете его изъ среды;* но тогда зачѣмъ же помочи? Вы дайте ему просто знаніе и оставьте въ покоѣ его предразсудки и невѣжество: съ знаніемъ они уже никакъ не уживутся и исчезнутъ сами собою; между тѣмъ какъ истребляя въ немъ и то, и другое, и третье, вы дойдете до палки и розогъ, и что главное—убьете въ немъ самодѣятельность, самоупованіе, самобытность.

„Ребенокъ является въ жизнь безъ всей массы этихъ предразсудковъ разнаго рода (*истина, извѣстная со временъ Ж. Ж. Руссо, самаго яраго ея проповѣдника; но... „въ этой истинѣ, какъ лжи-то много*“) и они очевидно не составляютъ неизбѣжнаго свойства его человѣческой природы

Digitized by Google

уже потому, что въ одномъ мѣстѣ они бываютъ одни, а въ другомъ другіе".

Какъ это мило! А почему же нельзя сказать: „очевидно они *составляютъ* неизбѣжное свойство его организма уже потому, что въ одномъ мѣстѣ они бываютъ одни, въ другомъ другіе" и притомъ всегда извѣстные для каждаго опредѣленнаго уголка міра?... Вы далѣе выводите, что первое дѣло воспитанія—сберечь ребенка отъ нихъ. Значитъ вы хотите изолировать? Куда же вы будете готовить своего питомца? Если для жизни, то онъ долженъ знать эти господствующіе предразсудки, хотя бы они были совершенно безсмысленны. Не зная ихъ и вступивъ въ кругъ людей, слѣдующихъ этимъ предразсудкамъ, онъ будетъ пораженъ общепринятостью и новизною самыхъ предразсудковъ (разумѣется для него), а это два могучихъ стимула, которые, при его неопытности въ жизни, при его привычкѣ къ помочамъ, при наслѣдственномъ, органическомъ его предрасположеніи къ нимъ,—непремѣнно собьютъ его съ толку.— Цитовать ли дальше статью? Но отчего же нѣтъ?—и занятіе мусорщика представляется мнѣ такимъ же честнымъ занятіемъ, какъ всякое другое честное занятіе. Вотъ и Бокль считаетъ антипатію къ очисткѣ улицъ отъ мусора въ Мадридѣ несомнѣннымъ доказателствомъ невѣжества и ретроградства жителей. Отчего же не заняться расчисткой литературнаго мусора? Только мы будемъ дозволять себѣ пропуски: не обтирать же тряпкой каждый камень мостовой...

Далѣе слѣдуютъ пустыя фразы о томъ, что дѣломъ воспитанія будетъ развитіе природы человѣка; но въ томъ-то и бѣда, что у каждаго человѣка своя природа, и воспитатель, если только онъ человѣкъ честный и развитый, не возьмется опредѣлить свойства природы каждаго воспитанника—„чужая душа—потемки", говоритъ пословица. А еще дальше „Современникъ" находитъ, что есть только одно средство воспитанія:

„Это средство—чистое знаніе, чистая наука, дѣйствующая на внутреннюю природу человѣка однимъ сноснымъ

Digitized by Google

разумнымъ и необходимымъ для нея насиліемъ и деспотизмомъ—деспотизмомъ логики“.

Хорошо, фразисто, а толку мало.—Опять прежде всего оговорка: „сносный, разумный и необходимый деспотизмъ логики“. Да кто же вамъ сказалъ, что это такой деспотизмъ! или сами вы додумались? Но вотъ у меня есть пріятель, который тоже самъ додумался или дочитался, навѣрное не знаю, до совершенно противоположнаго убѣжденія, а именно онъ утверждаетъ, что „деспотизмъ логики—самый несносный, самый неразумный и самый ненужный деспотизмъ“. Этотъ парадоксъ не безъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, что такое логика, напримѣръ, въ спорѣ? Ни больше, ни меньше, какъ умѣнье дѣлать умозаключенія, умѣнье вести къ прямому выводу и только. Изъ какихъ посылокъ дѣлается умозаключеніе, на чемъ основываясь, приходятъ къ прямому выводу,—до этого логикѣ дѣла нѣтъ: будь посылки какія угодно, будь основанія самыя ложныя,—ея дѣло правильно вывести *изъ нихъ* заключенія, *на нихъ* основать выводъ. Ложность или истинность посылокъ и основаній опредѣляется не логикой, а здравымъ смысломъ, хотя, конечно, не безъ помощи логики, не все же безъ абсолютнаго критеріума истины: такого критеріума нѣтъ, да и не будетъ,—доказательствомъ чему все философскія школы древнія и новыя—у каждой есть свой особенный „абсолютный критеріумъ“ истины, основанный не на иномъ чемъ, какъ только на вѣрѣ гг. философовъ въ его абсолютность. Идя отъ положенія, что я въ настоящую минуту на лунѣ, я приду къ заключенію, что до ночи осталось еще 144 часа, и таковъ деспотизмъ логики. Но дѣйствительно ли я сижу на лунѣ или нѣтъ,—до этого логикѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Совсѣмъ иное здравый смыслъ: онъ мнѣ подскажетъ, что прежде всего нужно ориентироваться и убѣдиться—дѣйствительно ли я на лунѣ. Осматриваясь, я составлю новый рядъ посылокъ, *вслѣдствіе* которыхъ деспотизмъ логики заставитъ меня признать, что я ошибаюсь. То же самое различіе между здравымъ смысломъ и логикой видно и въ нашей распрѣ: вы, гг. Совре-

Digitized by Google

никъ, подчиняетесь деспотизму логики,—подчиняемся ему и мы; но вы-съ одной точки зрѣнія смотрите на предметъ—съ точки зрѣнія узенькой теорійки, мы—съ нѣсколькихъ, вы однимъ путемъ идете, мы другимъ. Эта послѣдняя разница зависитъ не отъ логики, а отъ здраваго смысла; мы убѣдились, что мы не на лунѣ и что вы тамъ, да еще на Дураковой плѣши, а вы забрали себѣ въ голову, что вы на землѣ, да еще на тронѣ какомъ-то, съ котораго то перунами мечете, то милостями осыпаете смертныхъ.

Это средство остается единственнымъ законнымъ средствомъ воспитанія".

(Отмѣтимъ въ скобкахъ, что „Современникъ" признаетъ законность *нѣкотораго* деспотизма). Однако же возиться съ мусоромъ—занятіе, безъ сомнѣнія, честное, но все же не совсѣмъ пріятное. Какъ бы поскорѣе его покончить?.. Поймите-съ, что Толстой именно такую мысль и проповѣдуетъ, только онъ не признаетъ деспотизма даже логики, не признаетъ необходимости теорій даже новѣйшихъ. Вотъ мы не совсѣмъ такую мысль проводимъ: мы признаемъ не менѣе законнымъ путемъ и естественный путь воспитанія—вліяніе среды и природы (съ Толстымъ у насъ собственно разница въ терминахъ: онъ считаетъ этотъ путь путемъ образованія).

„Такимъ образомъ... вопросъ человѣческой свободы... сводится только къ качеству передаваемаго знанія, къ тому, *что* будетъ передаваться, а не *кто* будетъ передавать".

Какъ же, оказывается, просто рѣшается вопросъ о человѣческой свободѣ, а мы-то думали, что его рѣшить—„не мутовку облизать". А въ „Современникѣ" сейчасъ рѣшили! Да тутъ же кстати порѣшили и то, что качество преподаваемаго знанія зависитъ отъ того, *что* будетъ преподаваться, а не *кто* будетъ преподавать, т.-е., напримѣръ, качество познаній въ естественныхъ наукахъ будетъ зависѣть отъ того, *что* будутъ преподавать—геологію и антропологію, или философію и богословіе, а не отъ того, *кто* будетъ преподавать геологію и антропологію—честный натуралистъ, широколобый матеріалистъ или узколобый ксендзъ,

Digitized by Google

кто будетъ преподавать философію и богословіе—православный священникъ, ярый „вольтеріанецъ", или философъ-гегелистъ... „Гдѣ-жъ намъ въ болотѣ" порѣшить такъ скоро и такъ мудро такіе пустые вопросы! Наше дѣло слушать и удивляться тому, что изрекутъ господа съ Дураковой пятьми... *)

И. Г. Долгомостьевъ.

1864 г.

**) Послѣ вступленія къ своему критическому этюду, Писаревъ приводитъ короткій отрывокъ изъ воспоминаній Иртеньева („Дѣтство и Отрочество") о классной комнатѣ, и по поводу этого отрывка на 12 страницахъ вдается въ педагогическія разсужденія относительно свободы и принудительности образованія. Далѣе критикъ продолжаетъ:

„Во время своего отрочества, Иртеньевъ мечтаетъ точь-въ-точь такимъ-же образомъ, какъ онъ мечталъ въ дѣтствѣ. Краски и очертанія мечты измѣняются вмѣстѣ съ окружающею обстановкой, но основной характеръ остается въ полной неприкосновенности; Иртеньевъ забавляется процессомъ мечтанія; сознавая совершенно ясно, что онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага для того, чтобы приблизиться къ своей мечтѣ и захватить ее въ руки. Наконецъ, ему однако надоѣдаетъ эта пассивность. Его пробуждающійся умъ начинаетъ изобрѣтать разныя средства, которыми можно было бы сблизить міръ мечты съ міромъ вседневной жизни. Этими стремленіями—перейти отъ мечтательной праздности къ энергической дѣятельности—начинается и характеризуется первая половина юности нашего героя. А вторая половина этой юности обѣщана, но до сихъ поръ еще не написана графомъ Толстымъ. Я очень жалѣю объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, но нисколько не похожу

*) Еще о Толстомъ въ 1863 г. см. „Иллюстрацію", № 266. (О повѣсти „Казаки").

**) Д. И. Писаревъ. „Русское Слово" 1864 г., № 12. Статья подъ заглавіемъ „Промахи незрѣлой мысли".

Digitized by Google

его удивительнымъ. Первыя три части воспоминаній Иртеньева были такъ смутно поняты критикою и публикою, что авторъ могъ считать продолженіе своего труда несвоевременнымъ и безполезнымъ. Очень жаль, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ второй части „Юности"; но за неимѣніемъ ея, мы и въ первой части найдемъ огромный запасъ психологическаго матеріала, о которомъ придется потолковать довольно подробно.

Сближеніе съ Нехлюдовымъ составляетъ для Иртеньева ту эпоху, съ которой онъ самъ считаетъ начало своей юности. Сближеніе это начинается неопредѣленно-страстными разсужденіями о жизни, о добродѣтели и объ обязанностяхъ человѣка, тѣми милыми бреднями, къ которымъ всѣ очень молодые люди питаютъ непреодолимое влеченіе, и изъ которыхъ никогда не выходитъ ничего, кромѣ горячихъ и очень непрочныхъ привязанностей. Послѣ многихъ продолжительныхъ бесѣдъ о высокихъ матеріяхъ, бесѣдъ, которыя, къ счастью, только подразумѣваются, а не выписываются въ полномъ своемъ объемѣ въ повѣсти графа Толстого, послѣ многихъ изліяній, Нехлюдовъ и Иртеньевъ заключаютъ между собою контрактъ, которымъ они обязываются помогать другъ другу въ процессѣ постояннаго нравственнаго совершенствованія.

„Знаете, какая пришла мнѣ мысль, Nicolas, говоритъ Нехлюдовъ; *сдѣлаемте* это, и вы увидите, какъ это будетъ полезно для насъ обоихъ: дадимъ себѣ слово признаваться во всемъ другъ другу. Мы будемъ знать другъ друга, и намъ не будетъ совѣстно; а для того, чтобы не бояться посторонихъ, дадимъ себѣ слово, *никогда, ни съ кѣмъ и ничего* не говорить другъ о другѣ. Сдѣлаемъ это.— И мы дѣйствительно *сдѣлали это*", прибавляетъ Иртеньевъ.

Трудно было придумать что-нибудь нелѣпѣе и вреднѣе этого взаимнаго обязательства.—Начать съ того, что оно неисполнимо: „*Признаваться во всемъ*" значитъ признаваться въ каждой мысли, которая остановила на себѣ ваше вниманіе. И наши юные друзья дѣйствительно понимаютъ свой контрактъ въ этомъ смыслѣ; они считаютъ этотъ

Digitized by Google

контрактъ надежнымъ громовымъ отводомъ противъ гадкихъ и подлыхъ мыслей. „Такія подлыя мысли, говоритъ Нехлюдовъ, что ежели бы мы знали, что должны признаваться въ нихъ, онѣ никогда не смѣли бы заходить къ намъ въ голову“. Неестественный контрактъ, разумѣется, ежеминутно нарушается. Иртеньевъ, почти на каждой страницѣ „Юности“, признается въ томъ, что, даже во время самаго разгара своей дружбы съ Нехлюдовымъ, онъ, совершенно невольно, то умалчиваетъ, то искажаетъ, въ разговорахъ съ нимъ, разные тонкіе оттѣнки своихъ мыслей или побудительныя причины своихъ поступковъ. Иногда дѣло доходитъ до настоящаго актерства. Въ первый день своего студенчества Иртеньевъ затѣваетъ преглупую ссору съ своимъ добрымъ знакомымъ, Дубковымъ. Ссора эта, начатая изъ-за пустяковъ, кончается также пустяками. „И я тотчасъ же успокоился, разсказываетъ Иртеньевъ, притворяясь только передъ Дмитріемъ (Нехлюдовымъ), разсерженнымъ настолько, насколько это было необходимо, чтобъ мгновенное успокоеніе не показалось страннымъ“. Это наивное признаніе, повидимому, даже незамѣченное самимъ Иртеньевымъ, доказываетъ лучше всякихъ аргументацій, что полная откровенность совершенно невозможна. Каждый долженъ быть самъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и другого полнаго хозяина тутъ не можетъ и не должно быть. Но, заключивши свой контрактъ совершенно добровольно и считая его дѣйствительно очень полезнымъ, наши молодые люди все-таки стараются соблюдать его по возможности добросовѣстно, и постоянно осыпаютъ другъ друга разными интимными признаніями.

Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается именно настоящій вредъ. Читатель уже замѣтилъ, вѣроятно, что Нехлюдовъ и Иртеньевъ оба страдаютъ какою-то странною мыслебоязнью: контрактъ ихъ направленъ почти исключительно противъ *подлыхъ и гадкихъ* мыслей. Какія это такія бываютъ *гадкія и подлыя* мысли? Я этого не понимаю. Когда я обдумываю какой-нибудь вопросъ, или обсуживаю характеръ какой-нибудь личности, то я дѣлаю въ умѣ своемъ

Digitized by Google

разныя предположенія, разсматриваю ихъ съ разныхъ сторонъ, одни изъ нихъ нахожу правдоподобными, другія несостоятельными, сближаю одно предположеніе съ другимъ, подтверждаю или опровергаю ихъ различными аргументами, и, наконецъ, результатомъ всѣхъ моихъ размышленій является то или другое убѣжденіе, которое опредѣляетъ собою дальнѣйшій ходъ моихъ поступковъ. Многія изъ предположеній, сдѣланныхъ мною во время размышленія, могутъ оказаться совершенно нелѣпыми или даже оскорбительными для той особы, о которой я думаю, и все-таки въ этихъ предположеніяхъ нѣтъ ничего дурного. Если бы я остановился на такомъ предположеніи и принялъ его за норму для моихъ поступковъ, тогда, конечно, я обнаружилъ бы несостоятельность моихъ умственныхъ способностей, и оскорбленная мною особа имѣла бы полное право отвернуться отъ меня, какъ отъ пошлаго дурака. Но, вѣдь, нелѣпое предположеніе не есть окончательный результатъ моего мышленія. Это только одна изъ первыхъ или низшихъ фазъ въ развитіи моей мысли. Это одна изъ ступенекъ той длинной и крутой лѣстницы, по которой мой умъ идетъ вверхъ, къ познанію настоящей истины. Это одинъ изъ тѣхъ ингредіентовъ, которые, въ своей совокупности, послѣ долгой и сложной химической переработки, дадутъ мнѣ готовый продуктъ, имѣющій уже практическое значеніе для меня и для другихъ людей. Въ природѣ ничто не возникаетъ мгновенно, и ничто не появляется на свѣтъ въ совершенно готовомъ видѣ. Самая красивая женщина и самый геніальный мужчина были все-таки, въ свое время, очень безобразными и безсмысленными зародышами, а потомъ очень плаксивыми и сопливыми ребятишками. Но никому же не приходитъ въ голову вырѣзывать зародышъ изъ утробы матери для того, чтобы глумиться надъ безобразіемъ и тупоуміемъ этого куска органической матеріи. И ни одному здравомыслящему человѣку не приходитъ также въ голову ненавидѣть и презирать трехлѣтняго пузыря за то, что онъ часто плачетъ и плохо сморкается. Надъ картиною, надъ статуею, надъ научною теоріею мы также произносимъ нашъ приговоръ

Digitized by Google

только тогда, когда произведеніе окончено, то-есть, доведено до той степени совершенства, какую только способенъ придать ему его творецъ.

Когда вы пообѣдали, то вы очень хорошо знаете, что въ вашемъ желудкѣ находится пережеванная пища въ видѣ такъ называемой кашицы; вы знаете, что эта кашица имѣетъ очень некрасивый видъ и довольно непріятный запахъ; но васъ это обстоятельство нисколько не смущаетъ; вы преспокойно оставляете неблагообразную кашицу тамъ, гдѣ она должна быть, и изъ этой кашицы вырабатываются понемногу ваша кровь, ваши мускулы и ваши нервы, то есть, все, что дастъ вамъ возможность жить въ свое удовольствіе и дѣйствовать на пользу вашихъ ближнихъ. Значитъ, некрасивая кашица—вещь очень хорошая, но если бы вы стали вытаскивать ее изъ вашего желудка, показывать ее вашимъ друзьямъ и горевать вмѣстѣ съ ними надъ ея непохвальнымъ цвѣтомъ и запахомъ, то вы доставили бы только себѣ и друзьямъ нѣсколько непріятныхъ минутъ, а въ случаѣ частаго повторенія подобныхъ продѣлокъ, вы бы даже очень серіозно разстроили свое здоровье, что все-таки не обратило бы на путь истины закоснѣлую мерзавку кашицу. А возмущаться противъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается процессъ нашего мышленія, это, въ своемъ родѣ, точно такая же нелѣпость, какъ убиваться надъ несовершенствами трехмѣсячнаго зародыша или желудочной кашицы.

Мысли не могутъ быть ни гадкими, ни подлыми, пока онѣ остаются въ головѣ мыслящаго субъекта, который пользуется ими, какъ сырыми матеріалами. Но такое первобытное сырье совсѣмъ не должно показываться на свѣтъ, во-первыхъ, потому, что оно часто бываетъ очень уродливо и безсмысленно, а во-вторыхъ, потому, что такое заглядываніе въ лабораторію мысли вредитъ процессу умственной работы. Когда вы знаете, что вамъ придется представлять другому лицу докладъ о томъ, что происходитъ въ вашемъ умѣ, тогда вы стараетесь сами смотрѣть на вашу умственную работу со стороны, и запоминать, въ ка-

Digitized by Google

комъ порядкѣ одна мысль развилась изъ другой. На этотъ совершенно лишній трудъ подглядыванія и запоминанія тратятся тѣ силы, которыя гораздо полезнѣе было бы употребить на болѣе быстрое или болѣе основательное разрѣшеніе затронутыхъ вами вопросовъ, имѣющихъ для васъ живое практическое значеніе. Подглядывая за собою, вы сами раздваиваете свой умъ и ослабляете или извращаете его дѣятельность. Стало-быть, и подглядываніе ваше даетъ вамъ совершенно искусственные результаты. Вы подглядѣли работу вашей ослабленной и извращенной мысли, а не ту естественную работу, которую вы старались опредѣлить. Можетъ быть, всѣ гадости, въ которыхъ вы каетесь вашему другу, произошли именно отъ того, что вы начали подглядывать. Извѣстное дѣло, ничто такъ не раздражаетъ мысль, какъ боязнь мысли и инквизиторскій контроль надъ мыслью. Вы отъ нея отталкиваетесь, вы ее преслѣдуете,—тутъ-то именно она и лѣзетъ къ вамъ въ голову, тутъ-то она и становится для васъ неотвязнымъ контролемъ.—Говорятъ, одинъ алхимикъ открылъ какому-то благодѣтелю своему вѣрнѣйшій способъ дѣлать золото. Возьмите, говоритъ, того-то и того-то, по стольку-то золотниковъ и долей, всыпьте въ такую-то посуду, поставьте на такой-то огонь, мѣшайте вотъ этою палочкою и произносите такія-то слова.—Разсказалъ и ушелъ. Благодѣтель сейчасъ принялся за работу, но, на бѣду его, добросовѣстный алхимикъ воротился назадъ.—Ахъ, говоритъ, самое-то главное условіе я и забылъ. Когда будете варить золото, ни подъ какимъ видомъ не думайте о бѣлыхъ медвѣдяхъ, а то ничего не выйдетъ.—Ну, это пустяки, отвѣчаетъ благодѣтель. Я объ нихъ и безъ того никогда не думаю. Однако вышло не пустяки. Благодѣтель, никогда не думавшій о бѣлыхъ медвѣдяхъ, сталъ думать о нихъ аккуратно каждый день, и притомъ именно въ тѣ великія минуты, когда эта проклятая мысль должна была помѣшать процессу волшебнаго броженія. Поэтому золота не получилось, но предсказаніе алхимика о томъ, что ничего не выйдетъ, оказалось все-таки не совсѣмъ вѣрнымъ. Вышло то, что благодѣтель со-

Digitized by Google

шелъ съ ума и началъ съ крикомъ и со слезами умолять своихъ докторовъ вырѣзать изъ его головы бѣлаго медвѣдя, который будто бы съѣлъ у него весь мозгъ, и всякій разъ плюетъ и чихаетъ въ ту посуду, гдѣ варится самое чистое золото.

Если съ Нехлюдовымъ и съ Иртеньевымъ не случилось такой пакости, то они обязаны своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что ихъ желаніе раздавить въ себѣ *гадкія* и *подлыя* мысли было гораздо менѣе сильно и серіозно, чѣмъ желаніе благодѣтеля пріобрѣсти себѣ золотыя горы. Для нашихъ юныхъ моралистовъ борьба съ предосудительными мыслями была только пріятною потѣхою. Оно и въ самомъ дѣлѣ увеселительно. То маленько погрѣшишь, то маленько пораскаешься, то легонько постегаешь самого себя невещественными розгами. Вотъ тебѣ и покажется, что ты точно какое-то дѣло дѣлаешь, умомъ своимъ работаешь, нравственность свою исправляешь, полезнаго дѣятеля изъ своей особы приготовляешь. Если даже и крѣпко грѣшишь и часто падаешь на пути добродѣтели—все это для тебя не велика бѣда. У тебя сейчасъ фарисейскія утѣшенія найдутся, потому что весь твой умъ постоянно устремленъ на казуистическія тонкости, и, посредствомъ навыка, пріобрѣлъ себѣ замѣчательное мастерство по части іезуитской изворотливости. Умъ твой тоненькимъ голоскомъ станетъ шептать тебѣ: успокойся! другіе грѣшатъ вдесятеро больше тебя, но и ухомъ не ведутъ, потому что у нихъ нѣтъ твоей чуткости. Ты неизмѣримо выше ихъ, потому что ты замѣчаешь за собою каждую малѣйшую слабость. Ты человѣкъ высокой нравственности, потому что ты строгъ къ самому себѣ.—Ты будешь слушать эти льстивыя рѣчи съ глупѣйшею улыбкою самодовольнаго блаженства; но, такъ какъ ты уже измошенничался насквозь, благодаря твоимъ любезнымъ подглядываніямъ, то ты тотчасъ состроишь постную рожу и прикрикнешь на самого себя: молчи мерзавецъ! Какъ ты смѣешь гордиться твоими совершенствами, когда тебѣ слѣдуетъ оплакивать твои беззаконія!—И вслѣдъ за тѣмъ, тебя еще пріятнѣе охватитъ со-

Digitized by Google

знаніе, что ты ни въ чемъ не даешь себѣ спуску, и даже умственную гордость свою подавлять умѣешь. Да. Точно. Потѣха весьма увеселительная, но еще болѣе вредная. Во-первыхъ—вся штука основана на глупой мыслебоязни. Во-вторыхъ—происходитъ громадная трата времени. Кто дѣйствительно хочетъ уберечься по возможности отъ тяжелыхъ практическихъ ошибокъ, тотъ долженъ не бояться *гадкихъ* и *подлыхъ* мыслей, а напротивъ того, смѣло подходить ко всякой мысли и совершенно спокойно разсматривать ее со всѣхъ сторонъ. Не мѣшаетъ еще при этомъ принимать въ разсчетъ ту старую истину, что тратить свои молодые годы на какія бы то ни было увеселительныя потѣхи, значитъ, навѣрняка готовить изъ себя въ будущемъ дрянного, тяжелаго и несчастнаго человѣка. Но, разумѣется, Нехлюдовъ и Иртеньевъ не виноваты въ томъ, что они надъ собою творятъ. Въ нихъ дѣйствуетъ то отвращеніе къ научнымъ занятіямъ, которое вколочено въ ихъ головы прежнимъ приневоливаніемъ къ діалогамъ и диктовкамъ. Болѣзненная мечтательность ребенка, при переходѣ въ юношескій возрастъ, породила изъ себя уродливыя и вредныя кривлянія нравственной гимнастики.

Настоящимъ спеціалистомъ по части нравственной гимнастики оказывается князь Дмитрій Нехлюдовъ, а Иртеньевъ является въ этомъ отношеніи только его подражателемъ, и, къ счастью своему, останавливается на степени дилетанта. У Нехлюдова заведены какія-то расписанія пороковъ и прегрѣшеній, онъ каждый вечеръ пишетъ подробно свой дневникъ, и еще, кромѣ того, записываетъ въ особую тетрадь свои будущія и прошедшія занятія. Впрочемъ, собственно о его занятіяхъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Можетъ быть, у него и времени не хватало на занятія, потому что ему было необходимо постоянно держать въ порядкѣ свою душевную бухгалтерію, и подводить различные итоги въ приходо-расходной книгѣ грѣховъ и добродѣтелей. Нехлюдовъ по университету былъ однимъ курсомъ старше Иртеньева, но, повидимому, во взглядахъ своихъ на науку они оба были совершенными школьниками. Нехлю-

Digitized by Google

довъ придавалъ большое значеніе тому, чтобы Иртеньевъ блистательно выдержалъ свой вступительный экзаменъ въ университетъ, и чтобы ему поставили очень хорошіе баллы; а потомъ, когда Иртеньевъ сдѣлался студентомъ и когда дружба между юными моралистами находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, Нехлюдовъ не умѣлъ возбудить въ своемъ другѣ ни малѣйшей любви къ серіознымъ занятіямъ, такъ что Иртеньевъ цѣлый годъ проболтался глупѣйшимъ образомъ, и, разумѣется, провалился или *срѣзался* на переходномъ экзаменѣ самымъ постыднымъ манеромъ. Вообще, Нехлюдовъ и Иртеньевъ совершенно не похожи на тотъ типъ студента, который каждому изъ насъ хорошо знакомъ и дорогъ по нашимъ собственнымъ, недавнимъ студенческимъ воспоминаніямъ.

Когда мы были студентами, мы всюду втискивали *науку*, кстати и некстати, съ умысломъ и безъ умысла, искусно и неискусно. Мы очень много врали о наукѣ, мы часто сами себя не понимали, но наука дѣйствительно владѣла всѣми нашими помыслами; мы ее любили чрезвычайно горячо и чистосердечно; мы готовы были работать, и дѣйствительно работали; для насъ жизнь была немыслима безъ науки, и гдѣ, бывало, сойдутся два-три студента, тамъ уже, черезъ пять минутъ, непремѣнно свирѣпствуетъ научный споръ, въ которомъ воюющія особы, наперерывъ другъ передъ другомъ, съ восторгомъ обнаруживаютъ крайнюю слабость своихъ фактическихъ знаній и столь же крайнее могущество своихъ молодыхъ и здоровыхъ голосовъ. Много у насъ было безтолковщины, но это было именно то „мутное броженіе" молодой мысли, изъ котораго „творится свѣтлое вино" разумныхъ убѣжденій и сознательнаго трудолюбія. Смѣшно было смотрѣть на насъ со стороны, но ужъ совсѣмъ не грустно. И тѣ самые пожилые и опытные люди, которые смѣялись надъ нами, какъ надъ преуморительными мальчишками,—они сами не могли отказать намъ ни въ своемъ сочувствіи, ни въ своемъ уваженіи, ни даже въ своей *завистн*. Имъ становилось завидно, глядя на насъ. Вспоминая свою собственную молодость, они признавались

Digitized by Google

съ глубокимъ вздохомъ намъ, „преуморительнымъ мальчишкамъ“, что наше развитіе идетъ болѣе здоровымъ и разумнымъ путемъ, что мы живемъ болѣе полною жизнью, что у насъ есть мысли, чувства и желанія, которыя имъ были совершенно неизвѣстны, и которыя послужатъ намъ надежною опорою во время житейскихъ испытаній и „въ минуту душевной невзгоды“.

И рѣшительно ничего подобнаго нѣтъ у Нехлюдова и у Иртеньева. Они оба, и особенно Нехлюдовъ, не возбуждаютъ въ постороннемъ наблюдателѣ никакого другого чувства, кромѣ глубочайшаго и совершенно безнадежнаго сожалѣнія о погибающихъ человѣческихъ способностяхъ. Въ ихъ жизни наука не играетъ никакой роли. Объ умѣ они рѣшительно не заботятся. Имъ нужна только добродѣтель. И въ то же время они всѣ насквозь пропитаны пошлостями своего общества, и со всѣхъ сторонъ опутаны разными свѣтскими и великосвѣтскими связями и предразсудками. Добродѣтельный Иртеньевъ никакъ не можетъ удержаться, чтобы не заявлять всѣмъ и каждому о своемъ родствѣ съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, и для этого онъ даже однажды, въ семействѣ Нехлюдова и въ присутствіи самого Дмитрія, сплетаетъ экспромптомъ неимовѣрнѣйшую ложь о дачѣ этого князя и о какой-то удивительной рѣшеткѣ, цѣною въ триста восемьдесятъ тысячъ рублей. А еще болѣе добродѣтельный Нехлюдовъ всѣми своими бухгалтерскими упражненіями никакъ не можетъ побѣдить въ себѣ странную наклонность бить своего крѣпостного мальчика, Ваську, кулаками по головѣ. Но все это еще не очень большая бѣда. Родиться во время полнаго господства крѣпостныхъ понятій и всосать въ себя съ молокомъ матери Фамусовскую слабость къ вельможному родству—это, конечно, несчастье, но тутъ еще нѣтъ ничего непоправимаго. Шестнадцатилѣтній Фамусовъ можетъ сдѣлаться черезъ годъ семнадцатилѣтнимъ громителемъ московскаго чванства; и даже колотить Ваську не значитъ еще быть отпѣтымъ негодяемъ. Очень можетъ быть, что и Базаровъ во время своего дѣтства и отрочества показывалъ свою барскую прыткость надъ ребятишками своей

Digitized by Google

крѣпостной дворни. А потомъ выросъ, поумнѣлъ и прекратилъ свои подвиги.

Главная бѣда Нехлюдова и Иртеньева заключается въ безнадежности ихъ умственнаго положенія. Въ головахъ ихъ царствуетъ глубочайшее, непочатое невѣжество, и сношенія ихъ съ университетомъ скользятъ по этому невѣжеству, не производя въ немъ ни малѣйшаго измѣненія. Нехлюдовъ оказывается еще гораздо безнадежнѣе Иртеньева. Иртеньевъ за все хватается, всѣмъ интересуется и увлекается, дурачится и важничаетъ, какъ настоящій шестнадцатилѣтній ребенокъ; поэтому, онъ еще двадцать разъ можетъ перемѣниться и выскочить на прямую дорогу, лишь бы только нашлись въ его жизни сначала отрезвляющіе толчки, а потомъ умные товарищи и руководители. Впрочемъ, и на Иртеньева нравственная гимнастика положила свою проклятую печать; отъ привычки постоянно копаться въ своихъ душевныхъ ощущеніяхъ, у него выработалась чудовищная мнительность и подозрительность, ежеминутно отравляющія ему всѣ его сношенія съ другими людьми. Въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ онъ угадываетъ какую-нибудь особенную, затаенную и обыкновенно пакостную или оскорбительную мысль своего собесѣдника. Такъ какъ Иртеньевъ отъ природы очень неглупъ—гораздо умнѣе Нехлюдова,—то онъ очень часто угадываетъ совершенно вѣрно, и все-таки для него было бы несравненно лучше вовсе не обладать этимъ даромъ ясновидѣнія. Излишняя воспріимчивость какого бы то ни было чувства, зрѣнія, слуха, обонянія и такъ далѣе, всегда ведетъ за собою очень много непріятностей. Сова не можетъ видѣть днемъ именно отъ того, что зрѣніе ея слишкомъ остро и чувствительно; то количество лучей, которое намъ необходимо для того, чтобы мы могли ясно различать предметы, дѣйствуетъ на сову такъ сильно, что рѣжетъ ей глаза, и заставляетъ ее задвигать наглухо отверстіе зрачка. Та музыка, которая намъ доставляетъ удовольствіе, оказывается мучительною для тонкаго слуха кошки или собаки.

То же самое можно сказать и объ Иртеньевскомъ ясно-

Digitized by Google

видѣнія. Заглядывать въ душу другихъ людей такое же пустое и непріятное занятіе, какъ выносить другимъ людямъ напоказъ свои собственныя душевныя тайны. Что вамъ за удовольствіе подмѣчать въ каждомъ изъ вашихъ знакомыхъ каждое движеніе мелкой досады, или зависти, или скаредности, или трусости, каждое изъ тѣхъ мимолетныхъ движеній, которыя родятся и умираютъ въ душѣ, не дѣйствуя на общее направленіе поступковъ, и выражаясь только изрѣдка въ какомъ-нибудь подергиваніи губъ или въ какой-нибудь дребезжащей нотѣ голоса? Всѣ наши отношенія къ людямъ сдѣлаются только болѣе шероховатыми, а въ сущности все останется по старому, потому что нельзя же удалиться отъ людей въ пустыню, на томъ основаніи, что люди не всегда могутъ и умѣютъ быть или вполнѣ искренними друзьями, или вполнѣ непроницаемыми актерами. А главное, дѣло, какъ у васъ достаетъ времени и охоты возиться съ этою психологическою дрянью? Надо быть безконечно праздными человѣкомъ, чтобы по губамъ Семена Пафнутьича, или по бровямъ Пелагеи Сидоровны читать тайные оттѣнки ихъ душевныхъ волненій. И замѣчательно, что это чтеніе *поддерживаетъ* въ человѣкѣ праздность, потому что служитъ ему источникомъ неисчерпаемыхъ изслѣдованій, которыхъ привлекательность, разумѣется, совершенно непостижима для того, кто занимается какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ. Но, несмотря на гибельную страсть Иртеньева къ ясновидѣнію, Нехлюдовъ все-таки гораздо безнадежнѣе своего друга, Нехлюдовъ, при своемъ кругломъ невѣжествѣ, серіозенъ и настойчивъ. У него есть принципы, которые онъ почерпнулъ чортъ знаетъ изъ какой лужи, но за которые онъ держится очень крѣпко. Бьетъ онъ Ваську, конечно, не по принципу, а по увлеченію, и принципы его осуждаютъ эту баталію, и онъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что принципы переработаютъ всю его природу и даже осчастливятъ со временемъ всѣхъ его Васекъ. По своимъ принципамъ онъ влюбился, или, точнѣе, *влюбилъ себя* въ рыжую, старую, кривобокую, да въ добавокъ еще и глупую барышню Любовь Сергѣевну, которая

Digitized by Google

все бесѣдуетъ съ нимъ о правилахъ, о сердцѣ и о добродѣтеляхъ. Графъ Толстой этихъ бесѣдъ не выписываетъ, и прекрасно дѣлаетъ. Вѣдь тутъ ужъ, дѣйствительно, „мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ", когда они начнутъ разводить свою психологію сладкими вздохами и любовнымъ жеманствомъ. Также по своимъ принципамъ Нехлюдовъ, подъ руководствомъ Любови Сергѣевны, ѣдетъ къ московскому прорицателю Ивану Яковлевичу; и также по принципамъ, студентъ второго курса Нехлюдовъ находитъ, что Иванъ Яковлевичъ очень замѣчательный человѣкъ, а что только самые легкомысленные люди могутъ считать его сумасшедшимъ или мошенникомъ. А Любовь Сергѣевна, по словамъ самого Нехлюдова, понимаетъ совершенно Ивана Яковлевича (видите, какая умница!), часто ѣздитъ къ нему, бесѣдуетъ съ нимъ и даетъ ему для бѣдныхъ деньги, которыя сама вырабатываетъ. Изъ всѣхъ этихъ доблестныхъ подвиговъ рыжей барышни Нехлюдовъ выводитъ то заключеніе, что она удивительная женщина, что она необходима для его совершенствованія, и что въ нее никакъ нельзя не влюбиться.

Познакомившись съ этими любопытными подробностями, читатель, вѣроятно, согласится, что голова Нехлюдова, какъ сплошная чугунная масса, совершенно обезпечена противъ вторженія какихъ бы то ни было современныхъ идей. Человѣколюбствовать онъ можетъ, потому что на это способна даже усердная собесѣдница Ивана Яковлевича, но ужъ дальше московскаго сердоболія онъ не пойдетъ. А, вѣдь, могло бы быть совершенно иначе, если бы любознательность его была затронута въ дѣтствѣ, и если бы живая струя свѣта и знанія попала въ его голову, когда надъ нею еще не успѣли возсіять мертвящіе принципы нравственной гимнастики и Ивана Яковлевича. Эти принципы такъ безнадежно мрачны и такъ безвыходно-губительны для ума, для чувства и для дѣятельности, что въ сравненіи съ ними даже общій колоритъ московской великосвѣтскости представляется какою-то небесною лазурью.

(Далѣе на 9-ти страницахъ разбирается эпизодъ избіенія Нехлюдовымъ Васьки).

Digitized by Google

„Доживши до девятнадцати лѣтъ и дойдя до третьяго курса университета, князь Дмитрій Нехлюдовъ убѣждается въ томъ, что онъ достаточно образованъ, и что ему давно пора приниматься за практическую дѣятельность. Онъ пріѣзжаетъ на лѣто въ свое имѣніе, и видитъ тамъ, что мужики его разорены дотла, и, рѣшившись посвятить свою жизнь на улучшеніе ихъ участи, выходитъ изъ университета, съ тѣмъ чтобы навсегда поселиться въ деревнѣ. Очеркъ его сельско-хозяйственной дѣятельности представленъ графомъ Толстымъ въ отдѣльной повѣсти: „Утро Помѣщика“. Нехлюдовъ занимается своимъ дѣломъ безкорыстно, добросовѣстно и очень усердно. По воскресеньямъ, напримѣръ, онъ обходитъ утромъ дворы тѣхъ крестьянъ, которые обращались къ нему съ просьбами о какомъ нибудь вспомоществованіи; тутъ онъ внимательно вникаетъ въ ихъ нужды, присматриваѣтся къ ихъ быту, помогаетъ имъ хлѣбомъ, лѣсомъ, деньгами, и старается посредствомъ увѣщаній внушать имъ любовь къ труду или искоренять ихъ пороки.

Одинъ изъ такихъ обходовъ составляетъ сюжетъ нашей повѣсти. Приходитъ Нехлюдовъ къ Ивану Чурисенку, просившему себѣ какихъ-то кольевъ или сошекъ для того, чтобы подпереть свой развалившійся дворъ. Видитъ Нехлюдовъ, что все строеніе дѣйствительно никуда не годится, и Чурисенокъ разсказываетъ ему совершенно равнодушно, что у него въ избѣ накатина съ потолка его бабу пришибла. „По спинѣ какъ полыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала“. Нехлюдовъ, думая облагодѣтельствовать Чурисенка, предлагаетъ ему переселиться на новый хуторъ, въ новую каменную избу, только что выстроенную по герардовской системѣ. „Я, говоритъ, ее, пожалуй, тебѣ отдамъ въ долгъ за свою цѣну; ты когда-нибудь отдашь“. Но Чурисенокъ говоритъ: „Воля вашего сіятельства“, и въ то же время прибавляетъ, что на новомъ мѣстѣ имъ жить не приходится; а баба, та самая, что замертво лежала, бросается въ ноги къ молодому помѣщику, начинаетъ выть и умолять барина оставить ихъ на старомъ мѣстѣ, въ старой разваливающейся и опасной избѣ. Чурисенокъ, тихій

Digitized by Google

и неговорливый, какъ большая часть нашихъ крестьянъ, придавленныхъ бѣдностью и непосильнымъ трудомъ, становится даже краснорѣчивымъ, когда начинаетъ описывать прелесть стараго мѣста. „Здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное; и дорога и прудъ тебѣ, бѣлье, что ли, бабѣ стирать, скотину ли поить—и все наше заведеніе мужицкое, тутъ искони заведенное, и гумно, и огородишка, и ветлы—вотъ, что мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, больше ничего не прошу“. Что тутъ будешь дѣлать? Нельзя же благодѣтельствовать насильно. Нехлюдовъ отказывается отъ своего намѣренія, совѣтуетъ Чурисенку обратиться къ крестьянскому міру съ просьбою о лѣсѣ, необходимомъ для починки двора. Къ міру, а не къ помѣщику приходится обращаться въ этомъ случаѣ потому, что Нехлюдовъ отдалъ въ полное распоряженіе самихъ мужиковъ тотъ участокъ лѣса, который опредѣлилъ на починку крестьянскаго строенія.—Но у Чурисенка на всякое дѣло есть свои собственные взгляды, и онъ говоритъ очень спокойно, что у міра просить не станетъ.—Нехлюдовъ даетъ ему денегъ на покупку коровы, и идетъ дальше. Входитъ онъ во дворъ къ Епифану или Юхванкѣ-Мудреному. Нехлюдову извѣстно, что этотъ мужикъ любитъ, по своему, сибаритствовать, куритъ трубку, обременяетъ свою старуху-мать тяжелою работою, и часто продаетъ для кутежа необходимыя принадлежности своего хозяйства. Теперь Нехлюдовъ узналъ, что Юхванка хочетъ продать лошадь; помѣщикъ хочетъ посмотрѣть, возможна ли эта продажа безъ разстройства необходимыхъ работъ. Оказывается, что продавать не слѣдуетъ, и Нехлюдовъ рѣшительно запрещаетъ Юхванкѣ эту коммерческую операцію. Юхванка, въ разговорѣ съ бариномъ, лжетъ ему въ глаза самымъ наглѣйшимъ образомъ, и нисколько не смущается, когда Нехлюдовъ на каждомъ шагу выводитъ его на свѣжую воду. Нехлюдовъ, какъ юноша и моралистъ, старается растрогать Юхванкину душу увѣщаніями и упреками, а Юхванка, продувная бестія, каждымъ своимъ словомъ показываетъ своему барину

Digitized by Google

совершенно ясно, что онъ непремѣнно расхохотался бы надъ его совѣтами, если бы его не удерживало тонкое пониманіе галантерейнаго обращенія.—Пороть меня ты не будешь, думаетъ Юхванка, потому что совсѣмъ никого не порешь; на поселеніе тоже не сошлешь—пожалѣешь; а въ солдаты я не гожусь, спереди двухъ зубовъ нѣту. Значитъ, ничѣмъ ты меня не озадачишь, и на всѣ твои разговоры я вѣжливымъ манеромъ плевать намѣренъ.—И Нехлюдовъ, совершенно отмѣнившій въ своемъ хозяйствѣ тѣлесныя наказанія, до такой степени живо чувствуетъ свое безсиліе передъ сорванцомъ Юхванкой, что принужденъ по временамъ умолкать и стискивать зубы, для того чтобы не расплакаться тутъ же, на Юхванкиномъ дворѣ, передъ глазами нераскаяннаго грѣшника. Кончается визитъ тѣмъ, что баринъ, строго запретивъ продавать лошадь, тайкомъ отъ безпутнаго Юхванки, даетъ денегъ его матери на покупку хлѣба.

Затѣмъ слѣдуетъ картина другого безпутства. У Давыдки Бѣлаго нѣтъ въ избѣ ни крошки хлѣба; весь дворъ представляетъ собою мерзость запустѣнія, а самъ Давыдка цѣлые дни и ночи лежитъ на печкѣ, подъ тулупомъ, даже весь отекъ и распухъ отъ сна. Баринъ будитъ „лѣниваго раба“ и начинаетъ аргументировать, очень убѣдительно доказывая необходимость труда. „Лѣнивый рабъ слушаетъ тупо и покорно“. Онъ молчалъ; но выраженіе его лица и положеніе всего тѣла говорило: знаю, знаю. ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну, бейте же; коли такъ надо—я снесу. Онъ, казалось, желалъ, чтобъ баринъ пересталъ говорить, а поскорѣе прибилъ его, даже больно прибилъ по пухлымъ щекамъ, но оставилъ поскорѣе въ покоѣ. Приходитъ въ эту минуту мать Давыдки, дѣятельная и бойкая женщина, которая одна работаетъ за весь свой дворъ. Она начинаетъ жаловаться на своего лядащаго сына, ругаетъ и дразнитъ его, разсказываетъ, что жена Давыдки извела себя тяжелою работою, а потомъ умоляетъ барина, чтобъ онъ во второй разъ женилъ безпутнаго лѣнтяя. Нехлюдовъ говоритъ: съ Богомъ! но штука заключается въ томъ, что за Давыдку ни одна дѣвка по своей волѣ не пойдетъ, и что

Digitized by Google

мать просить у барина не позволенія для Давыдки, а приказанія для дѣвки. Баринъ отвѣчаетъ ей, что это невозможно, что хлѣба онъ имъ дастъ, а невѣсту сватать не берется. Потомъ Нехлюдовъ пошелъ къ богатому мужику Дутлову, предложилъ ему очень выгодное помѣщеніе для его денегъ, но мужикъ, разумѣется, съежился и тщательно затаилъ свой капиталъ отъ помѣщика, и баринъ извлекъ изъ этого посѣщенія только тотъ результатъ, что его маленько покусали Дутловскія пчелы, потому что онъ забрался на пчельникъ, и, по юношеской храбрости, не пожелалъ надѣть предохранительную сѣтку. Нехлюдовъ отправляется домой, и по дорогѣ задумывается. „Развѣ богаче стали мои мужики? думаетъ онъ: образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле. Если-бъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, если-бъ я видѣлъ благодарность.... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность. Я даромъ трачу лучшіе годы жизни, подумалъ онъ, и ему почему-то вспомнилось, что сосѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, называли его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось; что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху мужиковъ, только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ, при многочисленной публикѣ, пустили въ ходъ въ молотильномъ сараѣ; что со дня на день надо было ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями“.

Странная и печальная исторія! Умъ, молодость, энергія, стойкость, человѣколюбіе,—все, что дѣлаетъ человѣка сильнымъ и полезнымъ, все это есть у Нехлюдова, все это проявляется въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, и все это приводитъ за собою только неудачи и разочарованіе, и, въ концѣ концовъ, безотрадное сознаніе той несомнѣнной истины, что „имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле“. Причина всей нескладицы заключается въ томъ, что Нехлюдовъ—ни рыба ни мясо, и что онъ,

Digitized by Google

вслѣдствіе этой двусмысленности и неопредѣленности своего развитія, самымъ добросовѣстнымъ образомъ старается влить вино новое въ мѣха старые. Задача неисполнимая: мѣха ползутъ врозь, и вино проливается на полъ, или, говоря безъ метафоръ, новая гуманность пропадаетъ безъ пользы, и даже приноситъ вредъ, когда приходитъ въ соприкосновеніе съ старыми формами крѣпостного быта. Если бы дѣдушка, или, можетъ быть, и папенька Нехлюдова пріѣхалъ въ свое имѣніе съ цѣлію поправить разстроенное хозяйство мужиковъ, то, по всей вѣроятности, онъ въ первую же недѣлю, послѣ своего пріѣзда, перепоролъ бы половину деревни, начиная разумѣется съ крѣпостныхъ приказчиковъ, бурмистровъ, старостъ и всякихъ другихъ деревенскихъ властей. Съ такимъ помѣщикомъ Юхванка перестала бы быть „мудренымъ", и Чурисенокъ переселился бы на новый хуторъ безъ малѣйшаго краснорѣчія. Если бы, кромѣ неумолимой строгости, у этого помѣщика была малая толика практическаго ума, и хоть какое-нибудь, даже самое рутинное знаніе сельскаго хозяйства, то въ пять-шесть лѣтъ мужики дѣйствительно поправили бы свои дѣлишки, и дошли бы до той степени сытаго довольства, которою пользуются быки и бараны благоустроеннаго скотнаго двора, и которая въ крѣпостномъ быту составляетъ предѣлъ, его же не прейдеши. И грозный помѣщикъ, съ своей точки зрѣнія, могъ бы сказать, что онъ свято исполнилъ свою гражданскую обязанность, потому что, разумѣется, онъ стоитъ неизмѣримо выше тѣхъ современниковъ своихъ, которые проживаютъ свои доходы въ столицахъ, предоставляя своихъ мужиковъ въ безконтрольное распоряженіе управляющихъ и бурмистровъ. Да этого еще мало. Грозный помѣщикъ стоитъ даже выше такого почти идеальнаго помѣщика, какимъ является намъ Нехлюдовъ.

Для помѣщика не было середины. Онъ могъ быть или суровымъ властелиномъ, или дойною коровою. На первый взглядъ можетъ показаться, что второй типъ лучше, отраднѣе и полезнѣе перваго, но это—только на первый взглядъ. Дойная корова побалуетъ мужиковъ три-четыре года, а по-

Digitized by Google

томъ и протянетъ ноги тѣмъ или другимъ манеромъ. Самый простой и естественный результатъ этого сантиментальнаго баловства обнаруживается намъ въ исторіи Нехлюдова: въ конторѣ ни копейки денегъ; имѣніе просрочено; его опишутъ, возьмутъ въ опеку, разорятъ еще хуже, а потомъ продадутъ съ аукціоннаго торга, и мужикамъ, привыкшимъ къ доенію коровы, придется такъ скверно при перемѣнѣ системы, что хоть въ петлю полѣзай. Ясно кажется, что новое вино пролилось на полъ. Но, разумѣется, типъ суроваго властелина, въ свою очередь, хорошъ только въ той мѣрѣ, въ какой могло быть что-нибудь хорошее при существованіи крѣпостной зависимости. Сытое довольство скотнаго двора, очевидно, не благопріятствуетъ развитію высшихъ способностей человѣческаго ума, и не можетъ создавать людей съ сильными и самостоятельными характерами. Вамъ случалось, вѣроятно, видѣть, какъ быстро спиваются съ кругу и затягиваются въ тину самаго оподляющаго разврата именно тѣ юноши, которые, при жизни своихъ строгихъ родителей, поражали васъ своимъ безукоризненнымъ и даже неестественнымъ благонравіемъ. „Эхъ, кабы старики-то были живы!“ говорятъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ старые друзья покойниковъ, совершенно упуская изъ виду то, что именно сами-то покойники приготовили, въ теченіе всей своей жизни, всю ту кутерьму, которая разыгралась на другой день послѣ ихъ строгости. Ежовыя рукавицы отняли у подвластнаго человѣка возможность пріобрѣтать себѣ самостоятельный житейскій опытъ, а неопытность оказалась тою широкою дорогою, по которой поѣхали на человѣка всякія искушенія и всякія ошибки. Такая-то участь и постигаетъ обыкновенно мужиковъ грознаго помѣщика, какъ только ослабѣваетъ или прекращается давленіе его тяжелой руки.

Нехлюдову слѣдовало все это сообразить прежде, чѣмъ онъ пріѣхалъ въ деревню, и предпринять свои благотворительныя нововведенія. Надо было сказать себѣ: грознымъ помѣщикомъ я быть не могу, если бы даже и желалъ имъ сдѣлаться. Дойною коровою я не хочу быть, потому что

Digitized by Google

это глупо и безполезно. Значитъ, если я чувствую потребность расположить мои отношенія къ крестьянамъ сообразно съ моими гуманными стремленіями и убѣжденіями, то мнѣ остается только одна дорога: надо осторожно развязать, и потомъ совершенно уничтожить всѣ обязательныя отношенія, существующія между мною и этими людьми. Приступая разумнымъ образомъ къ освобожденію своихъ крестьянъ, Нехлюдовъ долженъ былъ, прежде всего, освободить самого себя отъ крѣпостной зависимости. Онъ живетъ трудами своихъ мужиковъ, или другими словами, доходами съ своего имѣнія. А человѣкъ, который серіозно желаетъ сдѣлать въ своей жизни что-нибудь дѣйствительно полезное, долженъ непремѣнно жить своими собственными трудами. Кто не въ состояніи, безъ посторонней помощи прокормить самого себя, тому нечего и думать о какой бы то ни было дѣятельности на пользу другихъ. Поэтому, Нехлюдову надо было, прежде всего, узнать свои собственныя способности и выучиться какому-нибудь хлѣбному ремеслу. Сдѣлался ли бы онъ сапожникомъ или писателемъ, профессоромъ или кузнецомъ, машинистомъ или медикомъ, это уже совершенно все равно, и это вполнѣ зависитъ отъ особенностей его умственной и вообще физической организаціи. Важно только то, чтобъ онъ сталъ въ совершенно независимыя отношенія къ своему собственному капиталу, въ чемъ бы этотъ капиталъ ни заключался, въ крѣпостныхъ ли мужикахъ, или въ землѣ, или въ деньгахъ.

Весь смыслъ вещей, весь міръ неодушевленной природы и живыхъ людей совершенно измѣняется въ глазахъ человѣка, когда этотъ человѣкъ чувствуетъ и сознаетъ, что онъ самъ—рабочая сила, и что въ немъ самомъ, въ его головѣ и въ его рукахъ, заключается совершенно достаточное обезпеченіе его существованія, является смѣлость и предпріимчивость, непостижимыя для капиталиста, который знаетъ очень хорошо, что капиталъ его лежитъ внѣ его личности, что этотъ капиталъ можетъ быть утраченъ, и что личность капиталиста, послѣ разлуки съ своимъ капиталомъ, должна превратиться въ нуль, или еще вѣрнѣе, въ минусъ. Ра-

Digitized by Google

ботникъ, владѣющій капиталомъ, можетъ позволить себѣ такую роскошь, на которую никакъ не можетъ отважиться простой капиталистъ; онъ можетъ рисковать своимъ капиталомъ изъ любви къ своей идеѣ; напримѣръ, онъ можетъ тратить его на научные опыты, на ученыя экспедиціи, на проведеніе въ жизнь своихъ гуманныхъ тенденцій. Онъ можетъ ставить послѣднюю копейку ребромъ, а такая способность выдерживать, не бастуя и не уменьшая ставки, до самаго конца игры, бываетъ часто совершенно необходима для успѣха всего предпріятія. Кромѣ того, кормить себя собственнымъ трудомъ—значитъ относиться къ какому-нибудь практическому дѣлу совершенно серіозно и добросовѣстно, безъ всякой примѣси шарлатанства или дилетантизма. Чтобы относиться такимъ образомъ къ какому бы то ни было дѣлу, надо уже кое-что знать, надо предварительно присмотрѣться и къ самому себѣ и къ разнымъ особенностямъ житейской практики. Вслѣдствіе этого, кромѣ смѣлости и предпріимчивости, у работника есть опытность и смѣтливость, недоступныя очень многимъ изъ тѣхъ людей, которые спокойно питаются процентами съ своихъ капиталовъ. Значитъ, работникъ будетъ дѣйствовать смѣло, но разсчетливо, то-есть, рисковать только тамъ, гдѣ дѣйствительно надо рисковать, и гдѣ важность успѣха совершенно окупаетъ собою невѣрность предпріятія. Итакъ:

Нехлюдовъ долженъ, прежде всего, сдѣлать изъ себя работника и испытать силы своего ума и характера надъ рѣшеніемъ той задачи, которая задается въ жизни огромному большинству людей, то-есть, надъ самостоятельнымъ прокормленіемъ собственной особы. Для этого ему надо было бы непремѣнно кончить курсъ въ университетѣ, а потомъ еще поучиться очень серіозно въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, во-первыхъ, для того, чтобы найти себѣ спеціальность, а во вторыхъ для того, чтобы достаточно усовершенствоваться въ этой спеціальности. Если бы Нехлюдовъ, послѣ такого приготовленія, рѣшился поселиться въ деревнѣ, то онъ, вѣроятно придумалъ бы тамъ не свистѣлку, а настоящую молотилку. Дальнѣйшій же ходъ эмансипа-

Digitized by Google

ціонной работы не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Если имѣніе заложено, и если бы, вслѣдствіе этого, нельзя было отпустить на волю крестьянъ, то надо сначала выкупить имѣніе, а для человѣка, который живетъ собственнымъ трудомъ, и, стало быть, не нуждается въ доходахъ, это дѣло окажется совершенно исполнимымъ. Выкупилъ, отдалъ крестьянамъ полный надѣлъ земли, остальную землю продалъ въ другія руки для того, чтобы крестьяне видѣли возлѣ себя просто богатаго сосѣда, а не своего бывшаго барина, связаннаго съ ними патріархальными преданіями, и обязаннаго оказывать имъ разныя щедроты, совершилъ всѣ формальности, отпускныя, дарственныя, купчія, да уѣхалъ съ вырученными деньгами заниматься своимъ ремесломъ. Вотъ самое простое и единственно возможное рѣшеніе той задачи, надъ которой такъ усердно и такъ безуспѣшно трудится Нехлюдовъ. Посвящать всю свою жизнь крестьянамъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Пожалуйста, не посвящайте. Вѣдь, изъ этого посвященія выйдетъ только то, что вы будете тратить деньги, заработанныя крестьянами, или на безтолковыя благодѣянія или на сооруженіе свистѣльныхъ машинъ. Почему вы знаете, что вы способны быть помѣщикомъ, т.-е. агрономомъ, скотоводомъ и отчасти администраторомъ? Потому что вамъ досталось отъ отца имѣніе въ семьсотъ душъ? Это причина неудовлетворительная; тогда значитъ, сынъ сапожника долженъ быть сапожникомъ, потому что отецъ оставляетъ ему въ наслѣдство колодку и шило. Такимъ путемъ мы приходимъ къ индійскимъ кастамъ, то-есть къ систематическому подавленію всякой личной оригинальности. Такого результата не можетъ желать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, и, стало быть, вы, господинъ Нехлюдовъ, должны быть не помѣщикомъ, а, можетъ быть, учителемъ математики, или чѣмъ-нибудь другимъ, смотря по тому, каковы ваши личныя способности. А чтобы узнать свои способности, вы должны учиться, читать, размышлять, говорить съ умными людьми, а не закупоривать себя въ деревнѣ, и не аргументировать съ Юхванкой и Давыдной.

Digitized by Google

Значитъ, съ какого конца ни возьми дѣло, вездѣ, оказывается, все та же самая бѣда: незнаніе, и опять таки незнаніе. Гдѣ нѣтъ прочнаго знанія, тамъ вы не замѣните его ни усердіемъ, ни добродушіемъ, ни чистотою сердца, ни цѣломудріемъ, ни даже Иваномъ Яковлевичемъ. Все будетъ скверно, и все постоянно будетъ становиться хуже да хуже. Собственно для того, чтобы освѣтить съ разныхъ сторонъ эту очень старую истину, я остановился такъ долго на разборѣ повѣсти: „Утро Помѣщика“. Иначе незачѣмъ было бы говорить о ней такъ подробно, потому что крѣпостныя отношенія, изображенныя въ этой повѣсти, уже давно укатились въ вѣчность „hinaus in's Meer der Ewigkeit“, какъ говоритъ Шиллеръ въ своихъ „Идеалахъ“. Но вопросъ о знаніи и полузнаніи постоянно стоитъ на очереди.

Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ нашего стараго знакомаго, князя Нехлюдова, въ небольшомъ разсказѣ „Люцернъ“. Онъ, то-есть, не разсказъ, а Нехлюдовъ, путешествуетъ по Швейцаріи и записываетъ свои путевыя впечатлѣнія. Разсказъ „Люцернъ“ составляетъ маленькій отрывокъ изъ этихъ записокъ. Дѣйствіе происходитъ въ Люцернѣ, и относится къ 7-му іюля 1857 года. Князю Нехлюдову въ это время, по моимъ хронологическимъ соображеніямъ, должно быть около 35 лѣтъ. Его характеръ надо считать уже окончательно сложившимся. Вотъ мы теперь и посмотримъ, какой результатъ выработался изъ тѣхъ задатковъ, съ которыми мы познакомились выше. Остановившись въ лучшей люцернской гостиницѣ, Швейцергофѣ, Нехлюдовъ, изъ окна своей комнаты, начинаетъ очень сильно восхищаться видомъ озера, горъ, и вообще всякой другой природы. „Мнѣ захотѣлось, говоритъ онъ, въ эту минуту обнять кого-нибудь, крѣпко обнять, защекотать, ущипнуть его, вообще сдѣлать съ нимъ и съ собой что-нибудь необыкновенное“. Однако онъ никого не обнялъ, не защекоталъ, и не ущипнулъ, вѣроятно, потому, что его восторги въ значительной степени охлаждались видомъ набережной, „прямой, какъ палка“, и возбудившей въ немъ, съ самой первой минуты,

Digitized by Google

непримиримую ненависть. „Безпрестанно, жалуется онъ, невольно мой взглядъ сталкивался съ этой ужасно прямой линіей набережной и мысленно хотѣлъ оттолкнуть, уничтожить ее, какъ черное пятно, которое сидитъ на носу подъ глазомъ; но набережная съ гуляющими англичанами оставалась на мѣстѣ, и я невольно старался найти точку зрѣнія, съ которой бы мнѣ ея было не видно". Война Нехлюдова съ бѣлою палкою набережной прерывается тѣмъ, что его зовутъ обѣдать за общій столъ. За обѣдомъ для Нехлюдова начинаются новыя огорченія. Его чрезвычайно волнуетъ то обстоятельство, что странствующіе англичане, которыми переполненъ Швейцергофъ, сидятъ слишкомъ чинно и занимаются во время обѣда процессомъ ѣды, а не веселыми разговорами. Во все время обѣда онъ размышляетъ объ англійской холодности, а потомъ, разогорченный ею до глубины души, идетъ шляться по городу въ самомъ невеселомъ расположеніи духа. Тутъ ему становится еще грустнѣе. „Мнѣ становилось ужасно душевно холодно, одиноко и тяжело, какъ это случается иногда безъ видимой причины при переѣздахъ на новое мѣсто". Но въ это время какой-то уличный музыкантъ заигралъ на гитарѣ и началъ пѣть пѣсни, и Нехлюдову вдругъ сдѣлалось ужасно хорошо и даже очень пріятно жить на свѣтѣ. „Всѣ воспоминанія, невольныя впечатлѣнія жизни вдругъ получили для меня значеніе и прелесть. Въ душѣ моей какъ будто распустился свѣжій, благоухающій цвѣтокъ. Вмѣсто усталости, разсѣянья, равнодушія ко всему на свѣтѣ, которыя я испытывалъ за минуту передъ этимъ, я вдругъ почувствовалъ потребность любви, полноту надежды и безпричинную радость жизни. Чего хотѣть, чего желать? скажалось мнѣ невольно, вотъ она, со всѣхъ сторонъ, обступаетъ тебя красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими, полными глотками, на сколько у тебя есть силы, наслаждайся, чего тебѣ еще надо! Все твое, все благо..."

Набережная передъ глазами—досадно! Англичане молчатъ—грустно! На гитарѣ заиграли — ужасно весело! Какъ вамъ нравится такой человѣкъ, у котораго вся нервная

Digitized by Google

система постоянно скрипитъ и поетъ такъ или иначе, въ отвѣтъ на каждый ничтожный и мимолетный звукъ изъ окружающаго міра? Такихъ людей называютъ многіе впечатлительными, отзывчивыми, тонкочувствительными, художественными натурами; извѣстное дѣло, нѣтъ той дряни, которую нельзя было бы украсить какимъ-нибудь ласкательнымъ эпитетомъ; но мнѣ кажется, что такіе точно организованные субъекты очень похожи на тѣхъ несчастныхъ больныхъ, которые, напитавшись ртутныхъ лѣкарствъ, превращаются въ ходячіе барометры, то есть, чувствуютъ ломоту въ костяхъ передъ каждою малѣйшею перемѣною погоды. Эта тонкость организаціи есть не что иное, какъ совершенное разстройство нервной системы, разстройство, порожденное праздностью и безтолковою суетливостью. За неимѣніемъ серіозной цѣли и полезной работы, умъ кидается на пустяки, гоняется за призраками, раздражается своими тщетными попытками поймать то, что никому не дается въ руки, и наконецъ, благодаря такимъ упражненіямъ, человѣкъ доходитъ до какого-то полусумасшествія: постоянно волнуется, постоянно о чемъ-то хлопочетъ, и самъ не только не можетъ, но даже и не пробуетъ объяснить себѣ, чего ему надо, о чемъ онъ груститъ, чему онъ радуется и какой смыслъ имѣютъ всѣ его пошлыя бури въ стаканѣ воды. Когда человѣкъ дошелъ до такого безнадежнаго положенія, тогда, разумѣется, смѣшно и ожидать отъ него какой-нибудь дѣятельности; тогда надо просить его объ одномъ: сядь ты, голубчикъ, на мѣсто и постарайся поменьше кричать и кривляться. Но онъ и этой просьбы исполнить не въ состояніи; онъ все поетъ и все прыгаетъ и ежеминутно откалываетъ такія удивительныя штуки, какихъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ нарочно не сумѣлъ бы придумать.

Князь Нехлюдовъ находится именно въ этомъ положеніи совершеннаго умственнаго банкротства. Мысль и чувство его истрепались и измельчали до послѣдней крайности и дѣлаютъ ежеминутно нелѣпѣйшіе скачки, не имѣя уже силъ остановиться и сосредоточиться на какомъ бы то ни было отдѣльномъ впечатлѣніи. Когда звуки гитары и пѣсни о

Digitized by Google

крыли Нехлюдову смыслъ всѣхъ тайнъ и загадокъ міровой жизни, тогда онъ подошелъ къ тому мѣсту, откуда слышались эти волшебные звуки. Онъ увидалъ, что пѣвецъ поетъ передъ балкономъ Швейцергофа; его слушаетъ вся блестящая публика, живущая въ этой гостиницѣ, но ни одинъ изъ слушателей не даетъ ему ни копейки, когда онъ, по окончаніи пѣсни, снимаетъ шляпу и произноситъ просительную фразу. Нехлюдовъ пользуется этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы немедленно вознегодовать. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что въ этомъ фактѣ дѣйствительно нѣтъ ничего хорошаго, но я рѣшительно не могу себѣ объяснить, какимъ образомъ мужчина зрѣлыхъ лѣтъ можетъ находить подобные факты сколько-нибудь для себя удивительными. Мальчику позволительно кипятиться при видѣ каждаго неразумнаго или безчестнаго дѣла. Для мальчика это кипяченіе даже положительно необходимо; оно пробуждаетъ его силы и внушаетъ ему желаніе бороться за то, что онъ считаетъ разумнымъ и справедливымъ. Но мальчикъ замѣтитъ очень скоро, что бороться разомъ противъ всего, значитъ тратить свои силы на вѣтеръ. Въ результатѣ можетъ получиться только крайнее утомленье слишкомъ ретиваго бойца. Чтобы успѣть хоть въ чемъ-нибудь, надо непремѣнно взять себѣ какую-нибудь отдѣльную задачу, и заняться добросовѣстно ея разрѣшеніемъ, не кидаясь по сторонамъ и не хватаясь съ безразсудною жадностью за всѣ мелкія проявленія зла, которыя ежеминутно попадаются навстрѣчу каждому цивилизованному европейцу. Когда мальчикъ, такимъ образомъ, окончательно выяснилъ себѣ свою отдѣльную задачу, и когда онъ серіозно принялся за свою спеціальную работу, тогда мы можемъ сказать о немъ, что онъ сдѣлался зрѣлымъ мужчиною. Этотъ зрѣлый мужчина, встрѣчаясь съ какимъ-нибудь проявленіемъ нелѣпости, говоритъ самому себѣ совершенно спокойно: знаю я эту штуку, и корень ея знаю, и работаю я противъ нея такъ и такъ. А негодовать я не намѣренъ, да и разучился я заниматься этимъ пустымъ дѣломъ. Негодованіе есть мимолетный взрывъ чувства, а я вовсе не намѣренъ тра-

Digitized by Google

тить мое чувство на пускание такихъ мыльныхъ пузырей. Мое чувство есть сила, приводящая въ движеніе весь мой организмъ, и эта сила приложена навсегда къ той работѣ, которую я себѣ выбралъ. Чувство негодующихъ людей есть то крошечное количество пара, которое, чортъ знаетъ зачѣмъ, поднимаетъ кверху крышку кипящаго самовара. А мое чувство есть тотъ же паръ, но только проведенный въ такую благоустроенную машину, которая поднимаетъ тяжести и вертитъ колеса.

Нехлюдовъ, разумѣется, остановился навсегда въ положеніи самовара, фыркающаго очень громко и совершенно безтолково. Ему сдѣлалось очень досадно, зачѣмъ обитатели Швейцергофа не дали денегъ странствующему пѣвцу. Ну что-жъ съ ними дѣлать? Вѣдь, подъ судъ ихъ отдать за это нельзя? Значитъ, надо было только наградить обиженнаго пѣвца, то-есть, заплатить ему разомъ столько, сколько онъ могъ ожидать отъ всѣхъ своихъ слушателей. Нарушенная справедливость была бы совершенно возстановлена, но Нехлюдовъ не можетъ поступить такимъ образомъ, потому что это было бы слишкомъ просто. Онъ догоняетъ уходящаго пѣвца, и приглашаетъ его выпить вмѣстѣ съ нимъ бутылку вина. Что-жъ? И это не дурно. Но дурно то, что Нехлюдову тотчасъ приходитъ въ голову устроить, посредствомъ этой выпивки, какую-то демонстрацію въ пику и въ назиданіе жестокосердымъ и скупымъ обитателямъ Швейцергофа. Вотъ это ужъ никуда негодится, потому что такая демонстрація вовсе не пріятна для пѣвца, и не полезна ни для кого на свѣтѣ. Пѣвецъ предлагаетъ Нехлюдову войти въ простую распивочную лавочку, но Нехлюдовъ, по своей дурацкой фантазіи, тащитъ смущеннаго пѣвца въ настоящій Швейцергофъ. Это значитъ: пляши по моей дудкѣ, потому что я русскій баринъ, и потому что я тебя холю, угощаю. Это какъ нельзя больше напоминаетъ мнѣ Ситникова, который кричитъ на мужиковъ: „надѣньте шапки, дураки!" Шапки они должны надѣвать потому, что Ситниковъ прогрессистъ; а дураками они оказались потому, что Ситниковъ баринъ.—Приходятъ въ Швейцергофъ. Ихъ

Digitized by Google

отводятъ въ залу для простого народа, и тутъ начинается геройская борьба Нехлюдова противъ аристократизма, воплотившагося на этотъ вечеръ въ лакеяхъ блестящей гостиницы. Нехлюдову предлагаютъ простого вина, но онъ, „стараясь принять самый гордый и величественный видъ", требуетъ „шампанскаго и самаго лучшаго". Подаютъ шампанское, и вмѣстѣ съ шампанскимъ приходятъ два лакея посмотрѣть на потѣшное представленіе, которое даромъ разыгрываетъ нашъ полоумный соотечественникъ. „Два изъ нихъ сѣли около судомойки, и, съ веселой внимательностью и кроткой улыбкой на лицахъ, любовались на насъ, какъ любуются родители на милыхъ дѣтей, когда они мило играютъ". Соотечественникъ нашъ чувствуетъ себя смущеннымъ, но утѣшаетъ себя тою мыслью, что путь добродѣтели всегда усѣянъ колючими терніями. „Хотя, говоритъ онъ, мнѣ было и очень тяжело и неловко подъ огнемъ этихъ лакейскихъ глазъ бесѣдовать съ пѣвцомъ и угощать его, я старался дѣлать свое дѣло сколь возможно независимо". Это признаніе доказываетъ намъ, что наши соотечественники тратятъ за границею на безполезные подвиги не только свои деньги, но и свою энергію. Враги нашего соотечественника сдвигаютъ свои силы. „Швейцаръ, не снимая фуражки, вошелъ въ комнату, и, облокотившись на столъ, сѣлъ подлѣ меня. Это послѣднее обстоятельство, задѣвъ мое самолюбіе и тщеславіе, окончательно взорвало меня и дало исходъ той давившей злобѣ, которая весь вечеръ собиралась во мнѣ... Я совсѣмъ озлился той кипящей злобой негодованія, которую я люблю въ себѣ (странный вкусъ!), возбуждаю даже, когда на меня находитъ (самъ сознается, что *на него находитъ*), потому что она успокоительно дѣйствуетъ на меня и даетъ мнѣ хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергію и силу всѣхъ физическихъ и моральныхъ способностей". (Насчетъ *моральныхъ способностей* позволю себѣ выразить сомнѣніе, потому что, какъ мы увидимъ дальше, онѣ совершенно подавляются и помрачаются той *кипящей злобой негодованія*, которую онъ *любитъ и даже возбуждаетъ въ себѣ*).

Digitized by Google

Воскипѣвшій самоваръ Нехлюдовъ тотчасъ напиваетъ на преступныхъ лакеевъ потоки глупой, но язвительной рѣчи.— „Какое вы имѣете право смѣяться надъ этимъ господиномъ и сидѣть съ нимъ рядомъ, когда онъ гость, а вы лакей? Отчего вы не смѣялись надо мной нынче за обѣдомъ (лакей могъ бы на это отвѣчать: я тогда еще не зналъ, что вы такой шутъ гороховый) и не садились со мной рядомъ? Оттого, что онъ бѣдно одѣтъ и поетъ на улицѣ, а на мнѣ хорошее платье? Отъ этого? Онъ бѣденъ, но въ тысячу разъ лучше васъ, въ этомъ я увѣренъ; потому что онъ никого не оскорбилъ, а вы оскорбляете его.—Да я ничего, что вы, робко отвѣчалъ мой врагъ-лакей. Развѣ я мѣшаю ему сидѣть?—Лакей не понималъ меня, и моя нѣмецкая рѣчь пропадала даромъ. Послѣднее предположеніе Нехлюдова совершенно несправедливо. Судя по отвѣту лакея, можно утверждать, напротивъ того, что онъ превосходно понялъ и даже разбилъ на голову нашего свирѣпаго оратора. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, вся рѣчь Нехлюдова имѣла бы хоть какой-нибудь смыслъ только въ томъ случаѣ, когда бы лакей мѣшалъ пѣвцу сидѣть. А иначе Нехлюдовъ попадаетъ въ безвыходное противорѣчіе. Славя уличнаго пѣвца на ряду съ блестящими гостями Швейцергофа, онъ уничтожаетъ сословныя перегородки, а потомъ онъ тотчасъ, во имя этихъ уничтоженныхъ перегородокъ, кричитъ на лакеевъ, и приказываетъ имъ встать. Это еще гораздо глупѣе Ситниковскаго воклицанія: „надѣньте шапки, дураки!“—Кромѣ того, само собою разумѣется, что эта сцена испортила пѣвцу все удовольствіе выпивки. Онъ самымъ жалобнымъ образомъ начинаетъ проситься домой, но Нехлюдовъ только-что вошелъ въ настоящій вкусъ той кипящей злобы негодованія, которою онъ любитъ угощать самого себя. Онъ съ сильнымъ нахальствомъ тащитъ бѣднаго пѣвца на новыя мытарства. Выпилъ, дескать, каналья, такъ утѣшай барина до самаго конца. Соотечественникъ нашъ требуетъ, чтобы его, вмѣстѣ съ пѣвцомъ, вели въ парадную залу. Въ рѣчи, которую онъ произноситъ по этому поводу, есть и политика, и нравственная философія, и поэтическіе об-

Digitized by Google

разы, ариѳметическія соображенія. „И отчего вы привели меня съ этимъ господиномъ въ эту, а не въ ту залу? А? допрашивалъ я швейцара, ухвативъ его за руку съ тѣмъ, чтобы онъ не ушелъ отъ меня. Какое вы имѣли право по виду рѣшать, что этотъ господинъ долженъ быть въ этой, а не въ той залѣ? Развѣ, кто платитъ, не всѣ равны въ гостинницахъ? Не только въ республикѣ, но во всемъ мірѣ. Паршивая ваша республика!... Вотъ оно равенство. Англичанъ вы бы не смѣли провести въ эту комнату, тѣхъ самыхъ англичанъ, которые даромъ слушали этого господина, то-есть украли у него каждый по нѣсколько сантимовъ, которые должны были дать ему. Какъ вы смѣли указать эту залу?“

Если вы представите себѣ, что вся эта бурда хорошихъ словъ была вылита на голову несчастнаго швейцара, котораго держатъ за руку, чтобы онъ не ушелъ, то вы, вѣроятно, согласитесь, что, можетъ быть, никогда еще типъ неисправимаго фразера или безтолковаго идеалиста не являлся передъ вами въ болѣе смѣшномъ и печальномъ положеніи.— Не забудьте, что это положеніе вытекаетъ самымъ естественнымъ образомъ изъ всѣхъ, уже извѣстныхъ намъ подробностей о воспитаніи и изъ прежней дѣятельности Нехлюдова, не забудьте, что мы, по повѣстямъ Толстого, можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ формированіе этого страшноболѣзненнаго характера, не забудьте всего этого, говорю я, и тогда только вы убѣдитесь въ томъ, что повѣсти Толстого дѣйствительно заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія.—Нехлюдовъ одерживаетъ побѣду надъ лакеями и входитъ тріумфаторомъ въ парадную залу. „Зала была дѣйствительно отперта, освѣщена и за однимъ изъ столовъ сидѣли, ужиная, англичанинъ съ дамою. Несмотря на то, что намъ указывали особый столъ, я съ грязнымъ пѣвцомъ подсѣлъ къ самому англичанину и велѣлъ сюда подать намъ неконченную бутылку“. Нехлюдовъ злится на англичанъ за ихъ чванство и за то, что они ничего не дали пѣвцу. Онъ хочетъ имъ сдѣлать какую-нибудь непріятность, и для этого пускаетъ въ ходъ своего пѣвца, какъ комокъ грязи,

Digitized by Google

который онъ кладетъ чуть-чуть не на тарелку ужинающихъ англичанъ. Англичане очень неправы; съ ихъ стороны очень непохвально брезгать человѣкомъ потому, что этотъ человѣкъ бѣденъ. Но Нехлюдовъ, вступающійся за этого бѣднаго человѣка, унижаетъ и тиранитъ его еще гораздо сильнѣе; вы представьте себѣ только, каково должно быть положеніе пѣвца, котораго превратили, такимъ образомъ, въ пассивное орудіе, и притомъ въ орудіе наказанія. Его присутствіемъ наказываютъ другихъ людей; согласитесь, что трудно вообразить себѣ что-нибудь глупѣе и мучительнѣе его роли, и Нехлюдовъ самъ сознается, что бѣдный пѣвецъ сидѣлъ въ парадной залѣ „ни живъ ни мертвъ“, и торопливо допилъ все, что осталось въ бутылкѣ, лишь бы только поскорѣе выбраться вонъ. А тѣ англичане, которыхъ Нехлюдовъ хотѣлъ наказывать, разумѣется, тотчасъ же ушли изъ залы, такъ что вся мучительная непріятность положенія обрушилась исключительно на несчастную причину торжества, то-есть, на бѣднаго пѣвца, которому Нехлюдовъ хотѣлъ сначала доставить удовольствіе.

Вѣдь, есть же, въ самомъ дѣлѣ, такіе люди, у которыхъ мысль не можетъ ни на минуту остановиться на одномъ предметѣ, и которые, вслѣдствіе этихъ изумительныхъ скачковъ своей мысли, не могутъ довести до конца самаго простого дѣла. И всего замѣчательнѣе въ психологическомъ отношеніи то обстоятельство, что многіе изъ этихъ полупомѣшанныхъ людей, дѣлая поразительныя глупости каждый Божій день, съ ранняго утра до поздней ночи, въ то же время никакъ не могутъ быть названы глупыми людьми. Надѣлавъ множество нелѣпостей, эти господа сами начнутъ разбирать свое диковинное дѣло, и обнаружатъ въ своемъ анализѣ такъ много наблюдательности, тонкаго юмора и безпощадной иронiи надъ своими собственными ошибками, что вы будете вслушиваться въ ихъ рѣчи съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и съ самымъ сознательнымъ сочувствіемъ. Тотъ самый Нехлюдовъ, который держалъ швейцара за руку, чтобы пожаловаться на паршивость люцернской республики, тотъ самый Нехлюдовъ, говорю я, черезъ

Digitized by Google

нѣсколько минутъ послѣ ухода несчастнаго пѣвца, называетъ свою *кипящую злобу негодованія*—дѣтскою и глупою. Тотъ самый Нехлюдовъ описываетъ весь этотъ эпизодъ съ неподражаемымъ оттѣнкомъ грустнаго и задумчиваго юмора. И тотъ же самый Нехлюдовъ на другой день, навѣрное, ухитрится сочинить новую нелѣпость, которая опять заставитъ его смѣяться и грустить надъ своею собственною ломаниною и искривлявшеюся особою.

Глупить и размышлять надъ сдѣланными глупостями, размышлять и потомъ опять глупить—вотъ все внутреннее содержаніе въ жизни людей, подобныхъ Нехлюдову. И нѣтъ такого сильнаго ума, который не пришелъ бы къ тому же самому безнадежному положенію, если онъ не воспитаетъ самого себя въ строгой школѣ положительной науки и полезнаго труда. Всѣ мы знаемъ давно, что человѣкъ—существо слабое, безпомощное и несчастное, пока онъ, своими единичными силами, пробуетъ бороться противъ силъ физической и органической природы, то-есть, противъ стихій и противъ дикихъ животныхъ. И тотъ же самый человѣкъ, соединяя свои силы съ силами другихъ людей, подчиняетъ себѣ воду и вѣтеръ, паръ и электричество, міръ растеній и міръ животныхъ. Тотъ же самый законъ, въ полномъ своемъ объемѣ, прилагается, какъ нельзя лучше, къ развитію и совершенствованію отдѣльнаго человѣческаго ума. Умъ нашъ не можетъ развернуться правильно, онъ не можетъ даже оставаться крѣпкимъ и здоровымъ, если мы не будемъ соединять силъ нашего ума съ умственными силами другихъ людей. Въ общечеловѣческой наукѣ соединяются всѣ умственныя силы всѣхъ отжившихъ и всѣхъ живущихъ поколѣній, и поэтому, искать себѣ умственнаго развитія *внѣ* нау —значитъ обрекать свой умъ на уродливое, мучительное и неизлѣчимое безсиліе. Въ этой мысли нѣтъ рѣшительно ничего новаго, но повторять и даже доказывать ее все еще необходимо. Мы были бы очень умными, и очень счастливыми людьми, если бы многія старыя истины, обратившіяся уже въ пословицы, или украшающія собою наши азбуки и прописи, перестали быть для насъ мертвыми

Digitized by Google

и избитыми фразами. Слова наши часто бываютъ очень хорошими словами, но въ томъ-то и горе наше великое, что они навсегда остаются словами, и что мы сами уже давно къ нимъ прислушались, и, потерявши всякое довѣріе къ пустому звуку, забыли въ то же время и основную мысль, вѣчно живую и вѣчно плодотворную *)

Д. И. Писаревъ.

1865 г.

**) Критическій этюдъ г. Е. Маркова о „Казакахъ“ начинается характеристикой сущности современной критики. Затѣмъ г. Марковъ говоритъ, что онъ относитъ произведеніе „Казаки“ къ разряду истинно-художественныхъ, всегда важныхъ и всегда интересныхъ, что именно заставило его написать критическій очеркъ объ этомъ произведеніи. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ „Казаки“ были встрѣчены въ литературѣ. Затѣмъ г. Марковъ слѣдующимъ образомъ анализуетъ типы „Казаковъ“:

Дядя Ерошка.

Съ точки зрѣнія художественнаго совершенства, лучшій типъ, созданный гр. Л. Толстымъ въ его послѣднемъ романѣ—это, мнѣ кажется, безспорно, казакъ Ерошка—типъ, глубоко постигнутый, оригинальный и живой. Но онъ малопонятенъ людямъ, въ глазахъ которыхъ трогательное положеніе, страстный языкъ, благородство стремленія—маски-

*) Въ другомъ мѣстѣ, а именно въ статьѣ „Цвѣты невиннаго юмора“ Писаревымъ между прочимъ упоминается о Толстомъ: „Въ послѣднее пятилѣтіе, говоритъ онъ, не было рѣшительно ни одного чисто литературнаго успѣха; чтобы не упасть, беллетристика принуждена была прислониться къ текущимъ интересамъ дня, часа и минуты; всѣ беллетристическія произведенія, обращавшія на себя вниманіе общества, возбуждали говоръ единственно потому, что касались какихъ-нибудь интересныхъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Вотъ вамъ примѣръ: „Подводный Камень“, романъ, стоящій по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имѣетъ громкій успѣхъ, а „Дѣтство, отрочество и юность“ графа Л. Толстого, вещь замѣчательно хорошая по тонкости и вѣрности психологическаго анализа, читается холодно, и проходитъ почти незамѣченною“. (Собр. соч. Д. И. Писарева, ч. I, стр. 203).

**) Е. Марковъ. „Отечественныя Записки“ 1865 г., № 1 и 2; статья подъ заглавіемъ: „Народные типы въ нашей литературѣ“.

Digitized by Google

рують истинную художественность изображенія. Въ этой чертѣ у подобныхъ людей есть что-то общее съ французами. Нравственная высота типа у нихъ неизбѣжнымъ образомъ смѣшивается съ художественною выработкою его. Шекспира они врядъ ли могутъ понимать, какъ слѣдуетъ; оттого такъ рѣдко встрѣчаются люди, особенно же женщины, способные безъ фальши наслаждаться Шекспиромъ. А дядя Ерошка, именно—типъ Шекспировской школы—типъ безъ добродѣтели, безъ приличій въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ эти слова понимаются большинствомъ; сырой, почвенный человѣкъ, управляющійся преимущественно темпераментомъ..." (Далѣе г. Марковъ, по поводу того, что г-жа Е. Туръ при разборѣ дяди Ерошки вспомнила Куперовскаго Патфайндера, вдался въ нѣкоторыя подробности относительно Купера и его Патфайндера).

„Ерошка у гр. Толстого вышелъ именно всѣмъ *тѣмъ, чѣмъ не является* Куперовъ Патфайндеръ, и чѣмъ между тѣмъ онъ необходимо долженъ бы былъ явиться: человѣкомъ своей среды, своего ремесла, своего прошедшаго. Этими условіями реализмъ отличается отъ романтизма, и ими же дядя Ерошка гр. Толстого становится выше Куперовскаго Патфайндера. Дадимъ однако себѣ точный отчетъ въ этомъ типѣ и посмотримъ, какія главныя черты составляютъ его характеръ.

Дядя Ерошка прежде всего *казакъ*. Какъ линейный казакъ, соперникъ и сосѣдъ чеченца, онъ проникнутъ насквозь духомъ молодечества; но его молодечество не чопорная бравура французскаго рыцаря, не дикое безстрашіе скандинавскаго бирзеркера; онъ не просто молодецъ, а *казакъ-молодецъ, джигитъ*, какъ онъ самъ любитъ называть подобныхъ себѣ. Джигиту, по догматамъ джигитовъ, великая честь подстеречь неосторожнаго врага и просадить ему пулей голову изъ потаеннаго мѣста; джигиту великая слава тайкомъ отправиться съ товарищемъ въ аулы мирныхъ ногайцевъ и угнать отъ нихъ въ горы табунъ или стадо, хотя бы пришлось для этого задушить спящихъ пастуховъ и разворить деревню. Искусно, а главное, *безнаказанно украсть*

Digitized by Google

что нибудь у чужого—даетъ джигиту такое же право на уваженіе товарищей, какое мы, цивилизованные люди, признаемъ за великими нашими дипломатами, умѣющими оттягать отъ иностранной державы лишнюю сотню миль или лишній милліонъ франковъ. Ему его воровство кажется столь же мало безчестнымъ, какъ англичанину плутни его дипломатіи.

Дядя Ерошка вѣритъ въ свои догматы, какъ въ свои пять пальцевъ; онъ обнаруживаетъ ихъ не только съ полною откровенностью, но даже съ хвастовствомъ и съ гордостью человѣка, сознающаго размѣръ своихъ заслугъ..." (Слѣдуетъ выписка изъ повѣсти, начинающаяся словами: „Не засталъ ты меня въ мое золотое времечко"... и кончающаяся: „Нынче ужъ и казаковъ такихъ нѣтъ. Глядѣть скверно").

„Къ людямъ, не понимающимъ его догматовъ—неодобреніе онъ можетъ считать только за непониманіе—дядя Ерошка относится какъ къ неразумнымъ ребятамъ, полупрезрительно, полунасмѣшливо, полужалѣя. Онъ даже считаетъ за лишнее убѣждать ихъ, тѣмъ болѣе, что по натурѣ своей исполненъ терпимости къ слабостямъ другихъ. Но зато онъ серіозно уважаетъ и отличаетъ истиннаго джигита, что значитъ *истиннаго человѣка*, по идеалу дядей Ерошекъ. Лукашка, застрѣлившій абрека, Лукашка, воровавшій съ Гирей-ханомъ, въ его глазахъ есть лучшій исполнитель своего призванія, своего долга. За его удаль онъ полюбилъ его какъ родного сына; онъ его учитъ, интересуется имъ, любуется на него, расхваливаетъ его другимъ; между ними устанавливается крѣпкая нравственная связь помимо расчетовъ и внѣшней случайности. Эту черту слѣдовало бы разглядѣть критикамъ изъ-за циническихъ прибаутокъ сѣдого казака. Развѣ собственно говоря, онъ не нравственъ? Развѣ онъ нигилистъ или скептикъ? Онъ вѣритъ въ *свой* долгъ, можетъ быть, крѣпче, чѣмъ мы въ свой; онъ *и на дѣлѣ исполняетъ* свой долгъ такъ же крѣпко. Но критика обидѣлась, *зачѣмъ его долгъ—не нашъ долгъ*, его символъ вѣры—не нашъ, имъ бы хотѣлось, чтобы пограничная

Digitized by Google

казацкая станица, устроенная съ цѣлью непрерывнаго надзора за горными хищниками—станица, жители которой каждую ночь подвергаются удовольствію проснуться съ перерѣзаннымъ горломъ или ограбленными до нитки, выработала для себя кодексъ морали, пригодный милымъ дѣтямъ въ разглаженныхъ манишечкахъ и голубенькихъ рубашечкахъ, которыхъ гувернантка-француженка водитъ по утрамъ къ ручкѣ мамаши, а въ полдень обучаетъ оксильерамъ. Имъ бы хотѣлось, чтобы юный казакъ Лукашка, просидѣвшій до зари въ холодной грязи камышей съ взведеннымъ куркомъ и, не смыкая глазъ, по утру явился бы чистенькимъ мальчикомъ и, преклонивъ колѣна, вознесъ бы вмѣстѣ съ первыми утренній гимнъ Творцу: Oh, père, qu'adore mon père! Toi, qu'on ne nomme qu'à genoux... Не знаю—во что бы обратилась исторія народовъ отъ примѣненія къ ней плодотворнаго метода г-жи Туръ. Мы бы должны были послать въ монастырь на покаяніе 500 милліоновъ обитателей небесной имперіи за то, что они не соблюдаютъ постовъ, и посадить на съѣжую всѣхъ бедуиновъ Іемена за проживаніе въ степи безъ предъявленія паспортовъ квартальному надзирателю.

Другая черта, усложняющая характеръ стараго казака—это то, что онъ охотникъ, бродяга. Охота придаетъ его физіономіи и его воззрѣніямъ болѣе личный колоритъ. Она дѣлаетъ его еще большимъ непосѣдою, чѣмъ обыкновенно бываетъ казакъ. Она до такой степени освоиваетъ его съ зоологическою жизнью лѣсовъ, что онъ едва отличаетъ въ своихъ понятіяхъ дикую свинью отъ чужого человѣка. Онъ въ звѣрѣ видитъ живое существо съ разсудкомъ, чувствомъ, обычаями иными, чѣмъ у казака или чеченца, но иными въ томъ же смыслѣ, какъ у нѣмца въ сравненіи съ русскимъ, у татарина съ жидомъ. Это придаетъ его міросозерцанію что-то пантеистическое и вмѣстѣ поэтическое, патфайндеровское. Тутъ онъ прячется не за общеказацкимъ догматомъ, а за плодомъ личныхъ наблюденій, за выводомъ своего многолѣтняго и внимательнаго общенія съ природою. Онъ втянулся въ нее совсѣмъ съ головою и инстинктивно чувствуетъ себя ея не-

Digitized by Google

раздѣльною частью, однимъ изъ тѣхъ ея созданій, которымъ нельзя счета найти, которыя наполняютъ непроходимые лѣса и камыши, и тайныя подземныя норы, и безграничныя травяныя степи. Съ зари и до зари, изъ году въ годъ сидитъ и бродитъ онъ въ этихъ камышахъ и подъ этими чинарами; онъ застаетъ своими собственными глазами всевозможные моменты животной жизни: слѣдитъ выдру подъ водой, подманиваетъ тетеревовъ, обходитъ лежку кабана. Передъ нимъ и они слѣдятъ и ловятъ другъ друга, употребляютъ то же насиліе и тотъ же обманъ, какъ человѣкъ; какъ онъ, требуютъ пищи и покоя, и удовлетворенія страстямъ; какъ онъ, родятся въ болѣзняхъ и сосутъ молоко матери, мужаютъ, укрѣпляясь тѣломъ и смысломъ, болѣютъ и умираютъ, скорбятъ и радуются. Какъ у него, у нихъ есть жены и семейства, и домашній кровъ, и родная земля, любовь и дружба, страхъ и гнѣвъ. Другіе могутъ этого не знать, могутъ искажать съ разными цѣлями представленія свои о животныхъ тваряхъ. Но дядѣ Ерошкѣ не знать звѣря нельзя, и унижать звѣря нѣтъ никакой причины. Онъ лучше всѣхъ знаетъ, что между нимъ и кабаномъ бездна не безмѣрно велика; знаетъ уже по тому одному—какое напряженіе физическихъ силъ, энергіи и умственной изобрѣтательности необходимо ему употребить для одолѣнія этого звѣря, то-есть для фактическаго доказательства своего превосходства надъ нимъ. Это напряженіе ощущается имъ слишкомъ осязательно и непосредственно, чтобы не быть сознаннымъ".

(Слѣдуетъ разсказъ Ерошки, начинающійся словами: „Все сидишь, думаешь. Да какъ заслышишь...". Послѣднія слова: „Эхма! глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ!" повторилъ нѣсколько разъ старикъ и опустивъ голову, задумался"...).

„Отсюда прямо вытекаютъ религіозныя представленія дяди Ерошки. Онъ не въ силахъ раздѣлить свою судьбу отъ судьбы милліоновъ другихъ созданій, такъ близко къ нему подходящихъ, составляющихъ, такъ сказать, его домочадцевъ, знакомцевъ и соотечественниковъ. Я увѣренъ, что

Digitized by Google

и Патфайндеръ не могъ бы помириться съ мыслію о томъ, что его собаки разстанутся съ нимъ послѣ его смерти; сдается мнѣ, что въ „Американскихъ Степяхъ", заключительномъ романѣ всей группы Патфайндеровскихъ романовъ, старый охотникъ выражаетъ именно противоположную мысль по поводу смерти своего любимаго пса. Во всякомъ случаѣ, это совершенно въ духѣ Патфайндера, идеалиста, романтика. У дяди Ерошки то же приравненіе себя къ животному, но только болѣе реальное, основанное на опытѣ. Онъ видѣлъ, какъ умирали чеченцы, олени и казаки, и видѣлъ, что гдѣ они гнили—трава выросла. Старый казакъ тогда-то сказалъ ему, что *все то фальшь, что уставщики говорятъ*; эта мысль и застряла у него въ головѣ, потому что она вполнѣ подтверждала его собственный опытъ. Удивительно ли, что формальныя толкованія раскольничьихъ книгъ полуграмотными начётчиками, толкованія о какихъ-то неуловимыхъ, отвлеченныхъ предметахъ языкомъ нечеловѣчески-изломаннымъ—казались одною фальшью человѣку лѣса и поля, привыкшему не къ рѣчи, а къ дѣлу, не къ скучной книгѣ, а къ свѣжей природѣ.

Религіозныя воззрѣнія дяди Ерошки даже не кажутся намъ какимъ-нибудь исключительнымъ явленіемъ въ жизни простого народа. Это не какой-нибудь Lucifer Бартольда Ауэрбаха, не какой-нибудь, esprit fort, возстающій противъ старыхъ догматовъ во имя чего-либо новаго. Дядя Ерошка, по болтливости стараго кутилы и праздная охотника, весь нараспашку за кружкой чихиря. Оленинъ простъ, по его мнѣнію; онъ его не опасается, не стѣсняется имъ, а говоритъ по душѣ. Въ сущности же онъ и религіозенъ не болѣе большинства. Надо еще замѣтить, что дядя Ерошка даже и въ такомъ откровенномъ расположеніи духа боится формулировать свои сомнѣнія въ сколько-нибудь рѣшительный выводъ; онъ разомъ прекращаетъ разговоръ, когда замѣчаетъ соблазнительность его исхода..."

(Приводится разговоръ между Олениннымъ и Ерошкой, начинающійся словами: „Я, бывало, со всѣми купакъ..."

Digitized by Google

и заканчивающійся: „А ты какъ думаешь?—Ней! закричалъ онъ, смѣясь и поднося вино"...).

„Въ этой мимолетной бесѣдѣ бродяги-старика сказалось многое хорошее, что есть у человѣка: безотчетная вѣра въ благость Божію, сильное чувство своей связи съ природою, снисходительность къ людямъ и крѣпкій здравый смыслъ, сопротивляющійся, по-своему, антипатичному для него ученью.

Третья характерная черта дяди Ерошки—это его эпикуреизмъ на казацкій ладъ. Онъ не можетъ подчиниться условіямъ гражданской жизни, дисциплинѣ арміи, дисциплинѣ закона. Онъ не боится труда, но не выноситъ принужденія. Вѣдь, издыхаютъ же въ клѣткахъ самые сильные и здоровые звѣри. Рожденный въ лѣсахъ Терека, среди горъ, онъ не можетъ разстаться съ почвою, его вскормившей. Онъ питается корочкою хлѣба, когда нечего съѣсть, но онъ зато не работаетъ и не служитъ. Онъ всегда господинъ своего времени и своей воли: идетъ куда вздумаетъ, зачѣмъ вздумаетъ, къ кому вздумаетъ. Попробуйте назначить горному хищнику—орлу или коршуну—гдѣ и какъ онъ долженъ ловить свою добычу. Для дяди Ерошки жизнь есть свобода, иначе онъ не въ состояніи мыслить жизнь. День и ночь онъ шатается по камышамъ, по колючимъ кустарникамъ, по глухимъ лѣсамъ. Онъ едва спитъ: до зари уже съ ружьемъ. *Сидѣть въ хатѣ онъ просто не умѣетъ.*

„Что дома-то сидѣть? только нагрѣшишь, пьянъ напьешься. Еще бабы тутъ придутъ, тары да бары; мальчишки кричать, угоришь еще; то ли дѣло на зоркѣ выйдешь?..." и т. д.

Но уже если разъ онъ дома, ему хочется побаловать себя, ему хочется веселой компаніи за бутылкой чихиря, и, конечно, чужого чихиря, потому что своего хозяйства у него нѣтъ. Поэтому онъ такъ любитъ простыхъ людей, въ родѣ Оленина, то-есть такихъ, у которыхъ можно выпить. Онъ ихъ по чутью узнаетъ, и сходится съ ними въ одну минуту. Но тутъ дѣйствуетъ не одно побужденіе

выпивки и бивуачничества. Дядя Ерошка не унижается чужимъ угощеніемъ и не считаетъ его за подачку, за милость. Онъ твердо убѣжденъ, что самъ понадобится не нынче—завтра, и что его услуга будетъ нисколько не меньше, хотя и въ другомъ родѣ. У него нѣтъ чихиря, но можетъ быть кабанья свѣжина, и тогда ему вся станица кланяется; нѣтъ пороха, но зато бываютъ фазаны. Оттого онъ за чужимъ столомъ, какъ за своимъ: посылаетъ Оленинскаго денщика покупать чихирь на деньги Оленина, будто въ свой собственный погребъ, всѣмъ распоряжается безъ всякаго смущенія и стѣсненія. Но въ немъ чувствуется не бездѣльникъ, не эксплуататоръ, а щедрая душа, привыкшая вездѣ раскошеливаться. Посмотрите, сколько привлекательнаго въ этомъ откровенномъ, безхитростномъ подступѣ его къ Оленину, въ минуту перваго знакомства. Это именно подступъ простой души, не знающей и знать не желающей той условной лжи, которой сложная система стремится совсѣмъ замѣнить нашу жизнь..."

Далѣе г. Марковъ приводитъ разговоръ Ерошки съ Олениным въ первую минуту ихъ знакомства между собою. Затѣмъ, выписывая разныя сцены изъ повѣсти, г. Марковъ объясняетъ доброту, прямоту и широту человѣческой натуры дяди Ерошки. Въ заключеніе критикъ говоритъ о Ерошкѣ:

„Ерошка очарователенъ именно своею реальностію, полнотою, а не выдуманностью и односторонностью. Онъ—человѣкъ практическій, живетъ легко и весело. Впечатлѣнія его не глубоки, но живы, взглядъ широкій, свѣтлый и спокойный. Иначе бы и не дожить ему въ такомъ кабаньемъ здоровьѣ до сѣдой бороды, не быть бы въ 70 лѣтъ румянорожимъ кутилой и плясуномъ. Изъ этихъ условій вытекаетъ его благорасположеніе къ людямъ, его поэтическое чувство природы; но въ жизни его не существовало никакихъ условій, способныхъ очистить его характеръ, языкъ и привычки отъ вліяній обстановки, ремесла и вѣковыхъ преданій; и онъ является съ ними со всѣми, какъ есть, живой, выпуклый, навсегда памятный. И я всегда буду

Digitized by Google

душевно любить его, этого гребенскаго Патфайндера, услужливаго товарища, беззаботнаго друга лѣсовъ и камышей.

Казакъ Лука.

Казакъ Лука—джигитъ, удалецъ, но не можетъ такъ симпатически дѣйствовать на чувства читателя, какъ дѣйствуетъ старый циникъ Ерошка. Въ Лукашкѣ много сухой серіозности, односторонности и прозы. Это идеалъ казака, упорно вѣрующій въ малѣйшій догматъ казачества, не знающій ни въ чемъ отступленія, сомнѣнія, колебаній. Въ него не вложено ни одной искры поэзіи, ни одной соринки скептицизма, отчего отъ него нѣсколько пахнетъ умственною ограниченностью. Въ Ерошкѣ сидитъ, хотя очень глубоко, бѣсъ новизны, реформы. Ерошка оттрепанъ на всѣ бока своимъ житейскимъ опытомъ; инстинктивно онъ понялъ относительность и условность многаго. Рѣзкость его лѣсныхъ вкусовъ и казацкихъ догматовъ смягчилась столько же этимъ долголѣтнимъ опытомъ, сколько несомнѣнно-поэтическимъ складомъ его души. Но Луку мы застаемъ во всемъ весеннемъ сокотеченіи грубыхъ силъ; ослабленіе физической жизни еще не уступило умственнымъ силамъ его господства надъ его дѣйствіями. Оттого онъ рѣзокъ, суровъ и исключителенъ. Въ убійствѣ абрека, даже при созерцаніи трупа его, онъ еще не умѣетъ видѣть что-нибудь иное, кромѣ собственнаго подвига; онъ дрожитъ отъ радости, какъ коршунъ, задравшій перепелку, и полонъ только одной казацкой гордости. Но это не кровожадность, не дрянное чувство радости о гибели другого. Это—безсознательное, вполнѣ естественное ощущеніе хищной птицы или кошки, удовлетворившей своей органической потребности. Безнравственнаго тутъ уже ничего не откопаешь. Такова же его любовь къ Марьянѣ: прямая, откровенная, пропечатанная до послѣдней буквы въ каждомъ его жестѣ и словѣ. Онъ не скрываетъ, чего хочетъ отъ Марьянки—ни отъ нея самой ни отъ людей; онъ даже не подозрѣваетъ, что у кого-нибудь могутъ быть поводы скрывать

Digitized by Google

это. Марьянка лучше другихъ дѣвокъ, больше по вкусу ему: не онъ ничуть не мечтаетъ, будто бы она для него незамѣнима: она—или никто... Вовсе нѣтъ: не пошла Марьянка—другую бы взялъ, казачекъ хорошихъ много; не удается ему къ Марьянкѣ въ окно влѣзть—поворачиваетъ къ Яшкѣ, и дѣло съ концомъ. Для Марьянки онъ не пожертвуетъ также своими военно-казацкими интересами. Ихъ только онъ считаетъ *настоящимъ дѣломъ*, а всѣ свои бесѣды съ Марьянкой, всѣ свои попойки у Яшки—однимъ баловствомъ, гуляньемъ, пригоднымъ между дѣломъ и въ свой часъ. Марьянка не закрыта отъ него никакими иллюзіями; онъ не считаетъ разрушеніемъ своей любви открыто высказаннаго ей подозрѣнія въ невѣрности; онъ въ этой невѣрности видитъ весьма естественное событіе, хотя лично ему невыгодное. Онъ не изнываетъ въ психическихъ мученіяхъ, какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ какой-нибудь Грыцько или Остапъ Марко-Вовчка, а просто-на-просто грозитъ Марьянѣ и ругается съ нею. Такъ же ругается онъ и въ отвѣтъ на постоянные ея отказы его желаніямъ: „Хорунжиха! замужъ выйдешь“, ворчитъ онъ презрительно на свою возлюбленную. Такъ же откровенны, можно сказать, всенародны его кутежи у Яшки, его связи съ прежнею любовницей; все это основано на казацкихъ принципахъ, допускается казацкою моралью—стало-быть, изъ чего тутъ скрываться? Оттого въ его пьянствѣ и развратѣ не видишь ничего омерзительнаго, унижающаго, какъ нельзя видѣть ничего этого въ жизни дикаго коня. Что бы ни дѣлалъ звѣрь—онъ никогда не представляется намъ безнравственнымъ, грязнымъ, но всегда естественнымъ, исполненнымъ своего особеннаго достоинства и своей особенной красоты; потому что онъ всегда вѣренъ самому себѣ, никогда не ниже себя. Когда гуляетъ Лука, чувствуешь, что этому организму надо выпить и нагуляться именно на столько, что это не извращенье инстинктовъ, не болѣзненное раздраженье вкусовъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ иныхъ слояхъ общества.

Отношенія Лукашки къ матери, вставленныя авторомъ

Digitized by Google

словно мимоходомъ, прекрасно дорисовываютъ его портретъ. Эти отношенія опять-таки глубоко казацкія, глубоко простонародныя. Что ни говори, а въ настоящей русской семьѣ, не только мужицкой, но даже и купеческой, взрослые сыновья безъ отца дѣлаются хозяевами, властелинами своихъ матерей. Лука — суровый и эгоистическій хозяинъ, какъ все наше простонародье. Баба, хотя она и мать, не слышитъ отъ него ласки и праздника разговора. Какъ казакъ, онъ особенно презираетъ бабу: баба не воинъ, не дѣлитъ, бабѣ только пироги печь; что съ нею толковать? Спросилъ чихирю, прикрикнулъ для порядка, да и за дѣло. Помыслы Луки, какъ и всякаго казака, внѣ семьи; ему дома скучно и почти непріятно. А между тѣмъ онъ уважаетъ мать по-своему: онъ ей достанетъ все, что нужно, онъ не дастъ ее обидѣть, онъ на нее не только не осмѣлится руки поднять, но даже нехорошее слово сказать. И народъ кругомъ, и сама мать, и самъ Лука увѣрены, что онъ почтительный, добрый сынъ, какъ слѣдуетъ казаку и православному быть, хотя онъ презираетъ нѣжничанье и возню съ бабой. Чѣмъ онъ виноватъ? Онъ слѣдуетъ только тому, чему научили его собственные гувернеры — Ерошки и Гирей-ханы; онъ помнитъ только свои лекціи, прослушанныя когда-то въ камышахъ Терека и на вышкѣ кордона. Конечно, пріятно было бы устроить чувствительный пейзажъ съ одной стороны изъ престарѣлой матери, обливающей слезами стремя сыновняго коня, лобзающей сына въ уста и въ очи, называющей его „желаннымъ" и „сизымъ голубемъ" и „дитяткой ненаглядным"; а съ другой стороны изъ этого статнаго юноши съ поникшимъ челомъ и съ слезою, повисшей на черномъ усѣ: „Прощай, моя ясочка, родимая моя!" могъ бы тихо прошептать онъ; „кто-то будетъ мнѣ расчесывать шелковыя кудри мои, кто-то будетъ миловать да голубить"; а она бы еще; а онъ бы еще, и кончить потомъ многими точками. Я знаю, что эта сцена вышла бы поразительною подъ талантливымъ перомъ нашего знаменитаго изслѣдователя простонародной жизни — Марка-Вовчка. Но что же дѣлать? Нѣкоторые односторонніе писатели не любятъ по-

Digitized by Google

чему-то поразительныхъ сценъ; надо и имъ куда-нибудь уступить.

Лукашка выступаетъ грубымъ прозаикомъ еще въ одномъ обстоятельствѣ своей жизни: въ дружбѣ съ Оленинымъ. Несмотря на безвавѣтную доброту Оленина, на его горячія желанія сдѣлать для счастія Луки все, отъ него зависящее, Лукашка ведетъ себя настоящимъ болваномъ; надъ сердечными изліяніями Оленина онъ внутренно подсмѣивается и долго не вѣритъ чистотѣ его намѣреній. Даже послѣ подарка Оленинскаго, Лука не разубѣждается, а ждетъ все, что Оленинъ выпроситъ у него что-нибудь себѣ, взамѣнъ подареннаго коня; онъ радъ-радехонекъ, что можетъ отдѣлаться однимъ кинжаломъ. Только впослѣдствіи, когда ему сказали старики, что русскіе всегда такіе дураки и богачи, онъ какъ будто понялъ Оленина, и пересталъ его подозрѣвать. Васъ, можетъ быть, удивляетъ, отчего этотъ безсердечный юноша, безъ всякой причины, такъ упорно не хотѣлъ вѣрить теплымъ словамъ дружбы? Вещь очень простая, читатель! для него эти слова имѣютъ то же значеніе, какъ для насъ съ тобою стереотипныя фразы писемъ: *многоуважаемый господинъ* или *имѣю честь остаться душевно вамъ преданнымъ*. Казаки и чеченцы не словами, а дѣлами съ малъства научили его, что чужого коня можно достать или своимъ золотомъ, или своею кровью; что безъ собственной выгоды, одинъ человѣкъ для другого пальцемъ не пошевелитъ; что не только слова, даже клятвы даются именно тѣми, кто скорѣе всего готовъ ихъ нарушить. Послушайте, какъ учитъ его довѣрію къ людямъ его сѣдой дядька и гувернеръ—Ерошка:

„Гирей-хану вѣрить можно, его весь родъ—люди хорошіе; его отецъ вѣрный кунакъ былъ. Только слушай дядю, я тебя худу не научу: веля ему клятву взять, тогда вѣрно будетъ; а поѣдешь съ нимъ, все пистолетъ наготовѣ держи... Вѣришь—вѣрь, а безъ ружья спать не ложись". Грубый въ страстяхъ, грубый въ любви, грубый въ дружбѣ—вотъ, значитъ, и весь Лукашка—подумаете вы, весь идеалъ казака. Нѣтъ, далеко не весь. Казакъ—вѣчный во-

Digitized by Google

инъ, вѣчный борецъ. Тутъ все его содержаніе, вся его добродѣтель и мораль. Лукашка переполненъ этой существенно-казацкой добродѣтелью. Къ ней прикованы его фантазіи и его сознаніе. Долгъ въ отношеніи къ ней—для него святъ и неуклоненъ, какъ Божья заповѣдь. Она—*дѣло*; все остальное—пустая, ребячья забава. Лукашка, такъ безцеремонно трактующій свою невѣсту-любовницу, такъ безпросыпно гуляющій въ станицѣ съ своимъ другомъ Назаркою—тотъ же Лукашка сидитъ, не смыкая глазъ, цѣлыя ночи на берегу Терека, оберегая родную станицу; онъ первый бросается на пули и ножи абрековъ; онъ когда нужно, не раздумывая, переплываетъ Терекъ, подвергая себя всевозможнымъ опасностямъ. Рыцарскій духъ казака горитъ въ немъ жаркимъ, для всѣхъ замѣтнымъ, пламенемъ. Сами товарищи лучше всего чуютъ въ немъ присутствіе этого избраннаго духа, и невольно уступаютъ ему въ дѣлѣ первый шагъ и первый голосъ, помимо всѣхъ чиновныхъ и сѣдыхъ старшинъ...

Мамука-Марьянка.

Въ типѣ Марьянки нѣтъ ни малѣйшаго недостатка опредѣленности; она намъ ясна до осязательности. Это—здоровая, красивая, молодая дѣвка, такъ же точно вѣрная во всемъ своей сферѣ и своей породѣ, какъ буйволица вѣрна своимъ. Посмотрите, какими глазами смотритъ она на свою красоту, на свои отношенія къ Лукашкѣ. Жизнь успѣла уже показать ей, что всѣ молодыя дѣвки въ свою пору нравятся парнямъ, что за всѣми ухаживаютъ, отъ всѣхъ добиваются поцѣлуевъ и обѣщаній; стало-быть, ничего особенно лестнаго, исключительнаго не можетъ быть въ отношеніяхъ къ ней ея Лукашки. Лукашка добивается своего для себя, а не для нея. Лукашка будетъ ее бить, когда станетъ ея мужемъ; ластится онъ до поры до времени, пока она еще не въ рукахъ. Она знаетъ, что не одна она приласкала его, что онъ даже къ ней ходитъ отъ своей прежней душеньки. Отсюда понятно ея довольно равнодушное,

Digitized by Google

сдержанное и нѣсколько строгое поведеніе по отношенію къ Лукѣ. Нельзя сказать, что она его не любитъ; она желала бы изъ всѣхъ казаковъ имѣть мужемъ Лукашку; Лукашка—молодецъ собою, первый храбрецъ, на виду у всей станицы. Она тоже изъ первыхъ дѣвокъ въ станицѣ; это ей всѣ говорятъ, и она на столько сама понимаетъ; поэтому имъ сподручнѣе всего быть мужемъ и женою. Тутъ не одно благоразуміе: и физическая страсть уже говоритъ въ этомъ крѣпкомъ, молодомъ тѣлѣ. Но странно бы было приписать этой страсти подавляющее значеніе, какъ поступаетъ обыкновенно въ отношеніи своихъ героинь Жоржъ-Зандъ и ея крошечные копировщицы и копировщики. Можетъ быть, въ Италіи, въ Испаніи или въ какомъ-нибудь Провансѣ, климатъ или племенныя условія сообщаютъ особую напряженность фантазіи и страстямъ человѣка; можетъ быть, тамъ они заурядъ господствуютъ надъ внушеніями расчета, благоразумія, приличія—не берусь объ этомъ судить. Но Россію мы знаемъ, и народъ нашъ мы знаемъ. Его сѣверная славянская кровь мало страдаетъ отъ капризовъ фантазіи; отношенія его половъ какъ всегда отличались, такъ и теперь отличаются какимъ-то холоднымъ, едва не механическимъ формализмомъ. Женщина, говоря вообще, рѣдко настраивала русскаго человѣка на поэтическое чувство, на вдохновенное дѣло, рѣдко смягчала своимъ нѣжнымъ прикосновеніемъ грубость его нравственныхъ вкусовъ. Древняя наша литература представляетъ выразительные, хотя и печальные памятники этого явленія. Женщина вездѣ тамъ разсматривается какъ инструментъ для грубыхъ страстей, какъ низшее и подчиненное животное, выгоды котораго по самой природѣ идутъ въ разрѣзъ съ выгодами мужчины; какъ существо безстыдное, коварное, не стоящее довѣрія ни въ чемъ и никогда. И теперь всюду кругомъ насъ, куда не оглянешься, то же униженіе женщины до степени служанки и самки, тотъ же неодушевленный, немаскированный никакою иллюзіею, хладнокровный развратъ...“ (Далѣе г. Марковъ приводитъ изъ собственныхъ наблюденій примѣры, подтверждающіе его мысли).

Digitized by Google

„Благоразуміе и чувство тузеннаго приличія заставляетъ Марьянку сдерживать нетерпѣніе молодого казака; она не прочь цѣловаться съ нимъ, она позволяетъ ему ласкать себя и слушаетъ съ большимъ удовольствіемъ его любовныя рѣчи: она горитъ въ его объятіяхъ; но всякое рѣшительное требованіе Лукашки отклоняется настойчиво и сурово, потому что суровыя стороны жизни побѣждаютъ въ сознаніи Марьянки увлеченіе любви. Любовь хороша, но любовь все же таки роскошь: а жизнь уже показала ей, что прежде роскоши нужно еще удовлетворить многому и важному другому. Эти неизбѣжныя и постоянныя условія приковываютъ ея мысль, мѣшая ей уступить скоротечной вспышкѣ, которой радости стоили бы несоразмѣрно дорого. Нѣтъ спора, что это—проза, скучная и матеріальная проза, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову. Въ этомъ и заслуга писателя, что онъ не обманываетъ насъ и не сочиняетъ намъ Ганусей и игрушечекъ, ясочекъ и лебедушекъ, *такихъ якъ краля*, которыя распускаютъ свои волоса на берегу озера и поютъ, ничего не дѣлая, меланхолическія пѣсни къ вѣтру буйному, къ соколику ясному, которыя влюбляются въ разныхъ таинственныхъ Петро—*такихъ чернобровыхъ да хорошихъ*, вмѣстѣ съ ними плачутъ и мечтаютъ объ Аркадіи въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Посмотрите, напротивъ, съ какою откровенною правдивостью рисуетъ намъ гр. Л. Толстой нравы своихъ Ромео и Юлій даже въ моменты ихъ нѣжнѣйшихъ воркованій.

—„Дай сѣмечекъ, прибавилъ онъ (Лука), протягивая руку. Марьянка совсѣмъ улыбнулась и открыла воротъ рубахи.—Всѣ не бери, сказала она.—Право, все о тебѣ скучился, ей-Богу, сказалъ сдержанно спокойнымъ шопотомъ Лука, доставая сѣмечки изъ-за пазухи дѣвки и еще ближе пригнувшись къ ней, сталъ шопотомъ говорить что-то, смѣясь глазами:

—„Не приду, сказано! вдругъ громко сказала Марьянка, отклоняясь отъ него... и т. д."

Это изъ самыхъ деликатныхъ сценъ; другія рѣчи и сцены еще выразительнѣе.

Digitized by Google

„Ишь, хорунжиха!“ думаетъ Лука про свою невѣсту: „и не пошутитъ, чортъ! Дай срокъ“.

—„Вишь чортъ проклятый! напугалъ меня. Ну, пошелъ же домой“, со смѣхомъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Марьянка про Луку. Офицера Бѣлецкаго она цѣлуетъ безъ всякаго смущенія и замахивается на него кулакомъ въ видѣ гостинной любезности. Юнымъ подругамъ своимъ кричитъ: „заперлись, черти!“ Когда Оленинъ неожиданно расцѣловалъ ее при всей публикѣ, она только громко захохотала. Въ жару самаго патетическаго и рѣшительнаго объясненія Оленина, предлагающаго ей всю жизнь свою вмѣстѣ съ своею рукою, она прерываетъ его словами: „ну, что брешешь!...“ и т. д. Еще характернѣе предпослѣдняя сцена Оленина съ Марьяной, когда у нихъ между собою все уже улажено. Оленинъ не знаетъ, куда дѣть, въ чемъ выразить свое блаженство; ему хочется слышать слова любви и ласки изъ устъ дорогого созданія; онъ нѣсколько разъ обращаетъ къ ней все тотъ же вопросъ о любви, словно разсмаковывая свое счастье въ этихъ праздныхъ, но такъ понятныхъ повтореньяхъ; а Марьянкѣ все это кажется до крайности страннымъ, ненужнымъ, чуть не безумнымъ. Она обдаетъ самою бабьею, стряпухинскою прозою всѣ поэтическіе запросы своего обожателя...“ (Приводится разговоръ Марьяны съ Олениннымъ, Лукашкой и Устенькой).

Итакъ, Марьянка гр. Толстого является женщиною своей среды и породы, то-есть разсчетливою, матеріальною, ставящею прежде всѣхъ своихъ страстей требованія благоразумія. Ей непонятно и даже невѣроятно все, что только не основывается на узкомъ простонародномъ разсчетѣ. Она считаетъ глупостью, баловствомъ нѣжныя рѣчи и безразсудное нетерпѣніе своихъ любовниковъ. По нравственнымъ идеаламъ своимъ, это—*бюргерша* въ самомъ обидномъ смыслѣ, который стали придавать этому слову; по формамъ, въ которыхъ проявляются ея взгляды, это—истая мужичка. И все это составляетъ достоинство ея художественнаго характера, ибо все это трижды справедливо; ибо никто изъ насъ не встрѣчалъ въ простомъ быту дру-

Digitized by Google

гихъ женщинъ, кромѣ Марьянокъ и Устенекъ. Всѣ мы слышали отъ нихъ: „ну, что брешешь"; всѣ получали любезности въ видѣ удара кулакомъ; но никто изъ насъ, надѣюсь, не натыкался въ русскихъ избахъ на Ганусь, не слышалъ разговоровъ о розовыхъ облачкахъ и желаній летѣть за птичкою, dahin, dahin!

Нельзя не удивиться при этомъ тому рѣдкому въ нашей литературѣ чувству правды и художественности, которое удержало автора отъ малѣйшей попытки сообщить фигурѣ героини болѣе нѣжный колоритъ. Подобныя попытки обыкновенно соблазняютъ даже высоко-талантливыхъ писателей, въ родѣ Диккенса; и онѣ очень понятны. Не трудно оставаться въ сферѣ суроваго реализма, создавая загорѣлую фигуру охотника Ерошки. Но не такъ легко поэту побѣдить враждебное ему стремленіе къ идеализаціи, къ опоэтизированію красавицы-женщины, его героини и средоточія всей его драмы. Нужно много такта и неподкупнаго творческаго чутья, чтобы съ первой страницы до послѣдней, ни разу не смягчить грубаго тона рѣчи, ни разу не дать забыть, что героиня наша—казацкая дѣвка-Марьянка, ходящая въ одной рубахѣ, и собственноручно запрягающая въ арбу отцовскихъ буйволовъ. А между тѣмъ, сколько въ романѣ графа Толстого тропинокъ и лазеекъ, въ которыя не преминули бы свернуть съ прямого пути писатели, менѣе искренніе и не столь строго воспитавшіе свои художественныя силы. Сколько поводовъ къ идиллическимъ картинамъ, драматическимъ эффектамъ, поэтическимъ діалогамъ, психологическимъ фантазіямъ. Графъ Толстой прошелъ между этими шхерами художественныхъ произведеній съ искусствомъ опытнаго и увѣреннаго въ себѣ лоцмана; онъ нигдѣ не измѣнилъ своей цѣли, своему пониманію. Онъ не слушалъ плѣнительнаго голоса сиренъ, сбивающихъ съ толку слабохарактерныхъ народныхъ писателей, преимущественно писателей-женщинъ; оттого ему удалось разыграть свою тему до конца въ одномъ и томъ же данномъ тонѣ, безъ фальши и искусственныхъ переходовъ.

Однако, нельзя же остановиться на такой приблизи-

Digitized by Google

ной и общей оцѣнкѣ характера Марьяны, на которой мы держимся до сихъ поръ. Нельзя же думать, чтобы подъ этими грубыми рѣчами и движеніями не отыскалось своего рода душевной нѣжности, чтобы сквозь однообразный покровъ этого обыденнаго равнодушія и спокойствія не прорѣзались иногда бѣглыми молніями человѣческія волненія, сомнѣнія и желанія. Они должны имѣть свою мужицкую физіономію, свою мужицкую одежду, но они все-таки должны быть, потому что сквозь мужицкія черты и сквозь рѣчь мужицкую—глядитъ и говоритъ человѣческая душа. Марьянка равнодушна и благоразумна, но нельзя не замѣтить, что она гораздо выше Устеньки и другихъ своихъ подругъ, болѣе живущихъ увлеченіемъ, болѣе уступающихъ желаніямъ минуты. Марьяна среди ихъ будто царица, по увѣренію автора: ей уступаютъ лучшее мѣсто и лучшихъ кавалеровъ, при ней стихаютъ безчинные разговоры; Марьяну обходитъ пьяный Ергушовъ, обнимающій всѣхъ дѣвокъ подъ рядъ, и даже старухъ за одно съ дѣвками; о Марьянѣ избѣгаетъ говорить съ Оленинымъ циникъ Ерошка; самъ безстрашный Лукашка нѣсколько смиряется передъ этою строгою казачкою, а Оленинъ совсѣмъ ей подчиняется.

Марьяна горда, и это—главное ея качество. Въ ея сферѣ, женщины, подобныя Устенькѣ, не могутъ имѣть значенія и вліянія. Онѣ дѣлаются не сегодня такъ завтра игрушками и рабами своихъ любовниковъ; съ ними будутъ такъ же мало церемониться, какъ съ Яшками и Дуняшками. А Марьяна не хочетъ примириться съ мыслью о своей ничтожности и безропотной покорности мужчинѣ. Она, конечно, не реформаторша, не эмансипированная дѣвица, не имѣетъ теоретическихъ и ясно сознанныхъ цѣлей; но у нея гордый независимый темпераментъ, такой же, можетъ быть, какъ у кавказской кобылицы, съ которой мы уже разъ ее сравнивали. Она инстинктивно упирается противъ ярма. Она временами чувствуетъ къ Лукашкѣ что-то отталкивающее, какъ къ будущему господину своему, и ревниво старается отстаивать свою свободу, пока она еще въ ея рукахъ. Она всячески даетъ ему чувствовать свою независимость и

Digitized by Google

оскорбляется внутренно его требовательнымъ тономъ. Конечно, къ этимъ чувствамъ тѣсно примѣшиваются и другія, противоположныхъ свойствъ; она въ то же время любитъ его и желаетъ его. Безъ этого сплетенія разнообразныхъ качествъ, могла ли быть достигнута жизненность изображенія? Зная, что разъ поддавшись мужчинѣ, она будетъ его вещью, Марьяна сурово отбивается отъ просьбъ Лукашки, хотя не видитъ ничего предосудительнаго и опаснаго для себя въ его ласкахъ. Можно ли обвинить ее, что она такъ мало страстна, такъ дешево цѣнитъ ласки и клятвы мужчинъ, какъ будто жизнь пріучила ее къ нѣжности, къ любовной болтовнѣ, къ духовному наслажденію своимъ чувствомъ? Какъ будто, кромѣ объятій, лазанья за сѣмечками и ночного стука въ окно, она могла бы чего-нибудь дождаться отъ любезниковъ казацкой станицы? Замужество представляется ей, какъ и Устенькѣ, временемъ нужды; она должна рожать дѣтей, печь мужу хлѣбы, цѣдить чихирь. Что же настроитъ ее на соловьиныя пѣсни, на неземное томленье? Надо быть пустой и необдуманной дѣвчонкой, въ родѣ Устеньки, чтобы для какого-нибудь часа физическихъ наслажденій забыть все остальное. Марьяна умна, горда и мужичка; поэтому не можетъ быть особенно страстною и особенно нѣжною. Она слишкомъ хорошо, хотя инстинктивно, понимаетъ, какъ мало заслуживаютъ страсти и нѣжности тѣ отношенія, къ которымъ ее пріучили, и которыя ей сулятъ впереди. Конечно она была бы другою, родившись не въ станицѣ на берегу Терека дочерью хорунжаго, а на берегахъ Невы, гдѣ издаются журналы и воспитываются въ институтахъ. Но какъ казачка, Марьянка, какъ хорунжиха, она должна быть именно такою и никакою другою.

Замѣчательно, что вниманіе Оленина очень скоро отдаляетъ Марьяну отъ Лукашки. Сначала это можетъ показаться грубымъ и матеріальнымъ до безобразія. Олениnъ богатъ, у него цѣлая хата вещей, у его отца есть холопы, и Марьяна безъ дальнихъ думъ мѣняетъ на него своего давнишняго жениха-пролетарія. „А Лукашку куда дѣнемъ?

Digitized by Google

грубо спрашиваетъ она во время сватовства Оленина. И между тѣмъ авторъ нигдѣ не даетъ намъ замѣтить, чтобы она разлюбила Луку: черезъ это подозрѣніе въ бездушномъ разсчетѣ, руководящемъ ея выборомъ, повидимому, получаетъ серіозное основаніе. Но мы не хотимъ смотрѣть такъ близоруко на дѣло. Намъ кажется особенно тонкимъ и мастерскимъ этотъ особенно трудный для изображенія переходъ чувствъ Марьяны отъ Лукашки къ Оленину, эта едва очеркнутая, въ нѣсколькихъ намекахъ прорывающаяся, внутренняя борьба молодой казачки. Луку она любитъ и считаетъ женихомъ попрежнему; съ нимъ ей легче и понятнѣе; будущая связь съ нимъ гораздо для нея достовѣрнѣе. Но въ то же время она незамѣтно привязывается къ Оленину. Ее манитъ къ нему именно то, чего она отъ роду не видѣла у казаковъ и отъ казаковъ, что-то нѣжное, тихое, подчиняющееся, и вмѣстѣ барское, благородное. Она, конечно, ничего этого ясно не различаетъ и подчиняется какому-то таинственному, необъяснимому для нея влеченію. Она чувствуетъ, что Оленинъ *что-то не то*, что-то высшее и лучшее, хотя и не такая пара ей, какъ Лукашка. Ее чаруютъ и интересуютъ, противъ воли, его странныя, ласковыя и слезныя рѣчи, къ которымъ она совершенно не привыкла...“ (Приводятся изъ романа любовныя сцены Марьяны съ Оленинымъ и Лукашкой).

„Для нея самое привлекательное въ Оленинѣ было то, что онъ могъ бояться ее, что она для него много значила. Ясно, что на этомъ сознаніи и укоренились ея первыя симпатіи къ юнкеру. Въ Лукашкѣ же, наоборотъ, самое отталкивающее для нея было то, что онъ не боялся ее, недостаточно уважалъ и искалъ.

Но между тѣмъ старая привязанность къ Лукашкѣ не вымерла въ ней; ей казалось почти невозможнымъ стать женой барина и русскаго; она не чувствовала ни малѣйшей органической связи между собою и имъ ни въ прошедшемъ ни въ будущемъ. Ихъ образованіе, привычки, вѣрованія, обстановка, родня, языкъ—все было слишкомъ не похоже одно на другое. Уступая частью благоразумному разсчету, частью

Digitized by Google

зародившейся симпатіи къ невѣдомымъ дотолѣ качествамъ образованнаго человѣка, она согласилась одно время стать женою Оленина. Но Луку она словно не хотѣла забыть. Когда Оленинъ случайно упомянулъ про гульбу Лукашки, Марьяна вспыхнула, какъ отъ кровной обиды.

„Большіе черные глаза блестѣли на него строго и недружелюбно. Ему стало совѣстно за то, что онъ сказалъ.

— „Что-же, онъ никому худа не дѣлаетъ, вдругъ сказала Марьяна:—на свои деньги гуляетъ, и, спустивъ ноги, она соскочила съ печи и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

А между тѣмъ она уже хорошо знала чувство Оленина къ ней. Наконецъ, страшный случай, на который никто не разсчитывалъ,—смертельная рана Лукашки и гибель казаковъ, разомъ отрезвили Марьяну. Казацкая натура ея сказалась явственно и несомнѣнно. Она ощутила свое органическое родство съ казакомъ и свое безконечное отдаленіе отъ пришельца.

Трагическое происшествіе подавило капризныя и роскошныя чувства, мало-по-малу проросшія въ сердцѣ Марьянки, и вызвало на сцену опять однѣ суровыя и трагическія стороны духа. Оленинъ нашелъ ее въ слезахъ, угрюмую.

— „О чемъ ты, что ты?

— „Что? повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ:—казаковъ перебили, вотъ что!

— „Лукашку? спросилъ Оленинъ.

— „Уйди, чего тебѣ надо....

— „Марьяна, сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

— „Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

— „Марьяна, не говори, умолялъ Оленинъ.

— „Уйди, постылый! крикнула дѣвка, топнувъ ногою и угрожающе придвинулась къ нему. И такое отвращенье, презрѣнье и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться...“ и т. д.

Она словно захотѣла отомстить ему въ эту тяжкую минуту за свою собственную слабость, за невольную измѣну своему жениху-казаку, умирающему теперь отъ ранъ...

Digitized by Google

Олениинъ.

Типъ Оленина не есть одно бездушное олицетвореніе извѣстныхъ мыслей. Олениинъ—лицо очень живое и очень распространенное. Онъ дѣйствительно не очень образованъ школою, и въ этомъ отношеніи есть по преимуществу нашъ современный, русскій типъ. Его выработка предоставлена жизни, поэтому должна быть исполнена противорѣчій, рѣзкихъ перемѣнъ и неправильностей. Это—судьба и исторія всѣхъ насъ. „Всѣ мы учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь", но изъ насъ однако вырабатываются люди послѣ долгой житейской ломки. Олениинъ былъ трактирнымъ героемъ не по натурѣ, но, попавъ случайно въ компанію Сашекъ Б., молодой мальчишка увлекся этою стороною и заплатилъ ей неизмѣнную дань; онъ былъ на верху блаженства, прохаживаясь подъ-руку съ флигель-адъютантомъ и называя князя уменьшительнымъ именемъ. Олениинъ—человѣкъ обыкновенный по своей біографіи, по обстановкѣ, въ которой находится. Но онъ все-таки изъ лучшихъ людей. Въ немъ живетъ духъ, ищущій и стремящійся, въ его душѣ не потухаетъ то внутреннее пламя, которое особенно сообщаетъ человѣчность нашей жизни. Онъ не остался Сашкою Б. въ Москвѣ, не сдѣлался Бѣлецкимъ на линіи; онъ искалъ удовлетворенія своимъ позывамъ сначала въ данной обстановкѣ, потомъ, къ своему счастью, нашелъ новую сферу, гдѣ ему могло быть лучше, и за которую поэтому онъ ухватился. Олениинъ въ нашихъ глазахъ не есть типъ цивилизованнаго человѣка вообще, а напротивъ—человѣкъ весьма опредѣленнаго образованія и опредѣленнаго общественнаго слоя, принесшій на борьбу съ иными началами только силы и слабости одного своего слоя, одного своего воспитанія. Намъ нѣтъ пока дѣла до того—такую ли ограниченную или болѣе обширную цѣль имѣлъ въ виду самъ авторъ, вводя въ романъ своего героя; обсуждая художественныя стороны его типовъ, мы имѣемъ право смотрѣть только на то, что онъ дѣйствительно сказалъ и изобразилъ, и нисколько не касаемся того, что онъ, можетъ

Digitized by Google

быть, замышляетъ. Авторъ не представилъ намъ Оленина какимъ-нибудь Фаустомъ, познавшимъ сначала всю глубину науки, потомъ все обаяніе власти, испытавшимъ огонь сильнѣйшихъ страстей и безуміе физическихъ наслажденій, и уже впослѣдствіи, на концѣ своего поприща, нашедшимъ себѣ счастіе въ тихой жизни на лонѣ природы. Олениныъ еще очень молодъ, и ему пока наскучила только пустая жизнь въ сообществѣ свѣтскихъ кутилъ, свѣтскихъ франтовъ и свѣтскихъ барышень. Въ немъ таились поэтическія задушевныя струны, которыя обнаружились особенно рѣзко послѣ жизни въ сферѣ, ихъ нисколько не удовлетворявшей. Случай бросаетъ его именно въ такую обстановку, гдѣ особенно много пищи этимъ его главнымъ, но еще не удовлетвореннымъ струнамъ. Онъ поддается вліянію новой обстановки просто шагъ за шагомъ, по мѣрѣ своего механическаго приближенія къ ней. *Чувство горъ*, охватившее его еще издали, завладѣваетъ имъ окончательно, когда онъ очутился среди этихъ горъ. Поятъ, почуявъ годный ему воздухъ, очнулся внутри свѣтскаго франта и вздохнулъ во всю грудь; пошлыя черты лица московскаго хлыща преображаются подъ напоромъ могущественной свѣжести природы въ серіозный и теплый образъ естественнаго человѣка. Кому кажется страннымъ и исключительнымъ такое чарующее вліяніе природы на человѣка, кто видитъ въ этой перемѣнѣ только дидактическую уловку автора для униженія неодобряемыхъ имъ принциповъ—тотъ, значитъ, самъ никогда не ощущалъ въ своей груди могущественной власти горъ и лѣсовъ, тотъ лишенъ органа для воспріятія этого поразительнѣйшаго изъ всѣхъ впечатлѣній человѣка и для наслажденія этимъ чистѣйшимъ изъ всѣхъ наслажденій. Не только сама природа—одни уже картины ея, набросанныя такою живописною и тонкою кистью въ романѣ „Казаки", производятъ необыкновенное обаяніе. Какъ живая, встаетъ передъ нами эта глухая станица надъ бурными волнами Терека съ своими стройными казачками въ цвѣтныхъ бешметахъ, веселымъ хохотомъ казаковъ, мычаніемъ буйволовъ и коровъ на солнечномъ заходѣ. Слышишь скрипъ этихъ

Digitized by Google

тяжелыхъ воротъ, сквозь которыя проламывается своими крутыми боками огромная буйволица; слышишь шлепанье по лужамъ и далекіе окрики на кордонѣ... И вдали надъ всѣмъ владычествующія горы, горы и лѣса... Разумѣется, я не буду пытаться повторять глубокопоэтическія картины ночей и утра, степей и лѣса, которыя непобѣдимо овладѣваютъ художественнымъ чувствомъ читателя въ романѣ гр. Толстого. Сторона описательная—одна изъ сильнѣйшихъ сторонъ романа, одно изъ главныхъ его достоинствъ. Кончая романъ, можно серіозно забыться и подумать, что самъ живалъ когда-то на линіи, самъ просиживалъ ночи съ веселымъ старикомъ на крылечкѣ за стаканомъ чихиря, бродилъ по лѣсамъ и садамъ, и любовался на шумные хороводы казацкихъ дѣвокъ. Я увѣренъ, что никакой этнографическій или географическій очеркъ, никакое описаніе путешествія не могли бы меня живѣе и полнѣе познакомить съ чуждою для меня жизнью и природою, какъ этотъ романъ гр. Толстого.

Мудрено ли же, что природа до такой степени покоряющая насъ даже въ портретахъ своихъ, подавила Оленина, прикоснувшагося къ ея живью, посмотрѣвшаго ей прямо въ глаза. Казаки и казачки явились для него нераздѣльными частицами этой природы, такими же, какъ звѣри и деревья. На Терекѣ жили чинары и чеченцы, казаки, олени... надъ всѣми надъ ними простирался одинъ и тотъ же голубой сводъ неба, и свѣтило всѣми своими красотами одно и то же утреннее, полдневное и вечернее солнце. Всѣхъ ихъ поила одна и та же вода, покрывалъ одинъ и тотъ же лѣсъ. Чуткая душа Оленина не могла устоять противъ этой простой, всеуравнивающей силы: Олениннъ понялъ бытъ казака и прелесть этого быта. Бѣлецкій, его пріятель, этого не понималъ и понимать не хотѣлъ, но зато гораздо скорѣе понялъ, что дѣвки въ станицахъ рослыя, веселыя, и гораздо удачнѣе ухаживалъ за этими веселыми дѣвками. Большинство изъ насъ, конечно, поступило бы, какъ Бѣлецкій".

(Послѣ этого г. Марковъ приводитъ рядъ небольшихъ выдержекъ изъ разныхъ страницъ романа, отъ куда видны постепенные переходы душевныхъ настроеній Оленина).

Digitized by Google

Гр. Л. Н. Толстой, подчиняясь общему закону художественной дѣятельности, вызвалъ на свѣтъ свои типы, чтобы выразить помощью ихъ овладѣвшее имъ настроеніе. Онъ не сдѣлалъ ихъ при этомъ бездушными и безличными вѣшалками для выставки своихъ мыслей: руку истиннаго художника направляетъ лучшій изъ всѣхъ учителей—прирожденный талантъ, а таланту трудно ошибиться такъ грубо. Настроеніе художника было причиною только того, что въ данную минуту были вызваны и разработаны именно эти, а не другіе типы, потому что въ существѣ этихъ типовъ лежитъ вражда къ презрѣннымъ сторонамъ цивилизаціи, возбуждающимъ ненависть автора. По свойству художниковъ, гр. Л. Толстой, безъ сомнѣнія, съ сердечнымъ увлеченіемъ изобразилъ антицивилизаціонный моментъ своихъ взглядовъ; въ увлеченіи вся сила поэта...

Многіе прорицатели направленія гр. Толстого поставили себя въ довольно неудобное положеніе: они упустили изъ виду характеръ и условія художественныхъ произведеній, вздумавъ анализовать романъ какъ какое-нибудь вѣроученіе или научную систему. Необходимое поэту увлеченіе, которое есть первое условіе его разнообразія и силы, они приняли за фанатическую односторонность сектанта и вооружились на нее съ нетерпимостью сектантовъ. Съ другой стороны, ставъ безусловными противниками взглядовъ автора, они какъ бы отказываются видѣть въ современной цивилизаціи какія-нибудь темныя стороны.

Оленинъ гр. Толстого во всякомъ случаѣ негодуетъ на вещи, стоящія этого негодованія, даже не съ исключительной точки зрѣнія гр. Толстого. Мы всѣ, люди болѣе практичные и терпѣливые, чѣмъ юнкеръ Оленинъ, не можемъ хладнокровно переносить тѣхъ безплодныхъ и досадныхъ пошлостей, которыхъ только отчасти касается раздраженное перо гр. Толстого, и которыя портятъ на каждомъ шагу нашу, безъ того скудную и скучную жизнь. Позывы и стремленія въ родѣ тѣхъ, которые, заставили гр. Толстого такъ сочувственно отнестись къ несложному быту казацкой станицы, во всякомъ случаѣ—благородные, вѣчно присущіе

Digitized by Google

человѣку позывы. Они свойственны лучшимъ и искреннѣйшимъ людямъ разныхъ временъ, людямъ нѣжной душевной конструкціи, у которыхъ сердечныя клавиши отзываются на малѣйшее прикосновеніе жизни. Этихъ позывовъ ни одинъ разумный человѣкъ никогда не понималъ буквально и не судилъ ихъ ябеднически, придираясь къ каждой фразѣ. Въ нихъ постоянно отыскивали и находили только голосъ правды возмущенный только тѣмъ или другимъ зломъ, и возмущавшійся противъ этого зла со всею энергіею и жаромъ, свойственными правдѣ...

Чтобы не теряться въ общихъ разсужденіяхъ, мы для примѣра вернемся еще хоть разъ къ отношеніямъ автора „Казаковъ" къ героинѣ романа. Въ изображеніи ея онъ не впалъ ни въ малѣйшую утрировку; талантъ артиста не дозволилъ ему ни украсить вымысломъ ни пройти молчаніемъ дѣйствительной черты ея характера. Онъ ее создалъ живою, несочиненною, и такою полюбилъ ее. Онъ полюбилъ, значитъ, грубость, прямоту, неподдѣльную физическую красоту и трезвый, реальный взглядъ на жизнь. Въ этомъ пунктѣ рецензенты схватились съ нимъ и осыпали его градомъ упрековъ и насмѣшекъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поле подобной битвы внѣ сферы художества. Но со всѣмъ тѣмъ мы не отказываемъ себѣ въ удовольствіи сказать нѣсколько словъ въ защиту любимаго нами автора даже и съ этой нехудожественной стороны.

Я совершенно понимаю, откуда выросло настроеніе гр. Толстого относительно сейчасъ затронутаго вопроса, и думаю, что многіе вмѣстѣ со мною будутъ ему сочувствовать. Развѣ трудно понять, напримѣръ, отвращеніе автора отъ этихъ барышень и барынь, которыя являются представительницами лжецивилизаціи, окружавшей Оленина, и которыхъ авторъ такъ зло клеймитъ устами этого самаго Оленина? Искреннему и поэтическому сердцу человѣка по преимуществу свойственны такія крайности; ему что-нибудь одно: или дѣйствительно женщину—существо, исполненное граціи, нѣжности, любви, тонко развитое, тонко чувствующее, съ изящно-прелестною душою въ изящномъ и пре-

Digitized by Google

лестномъ тѣлѣ—или казачку Марьянку. Человѣкъ не можетъ не видѣть своихъ явныхъ выгодъ, не можетъ основывать безпричинныхъ симпатій. Человѣкъ любитъ многое и разное. Дайте ему что-нибудь хорошее—онъ его полюбитъ; но развѣ это помѣшаетъ ему желать лучшаго и любить того, кто даетъ ему это лучшее? Можетъ быть, у гр. Толстого не явилось бы симпатіи къ Марьянкамъ, если бы въ обществѣ нашемъ чаще встрѣчались настоящія цивилизованныя женщины. Можетъ быть, при обаяніи ихъ живыхъ отношеній, наши художники дружелюбнѣе бы смотрѣли на нашу цивилизацію. Я льщу себя надеждою, что западныя общества счастливѣе насъ въ отношеніи своихъ женщинъ. Я думаю, что дѣйствительно очаровательныхъ англичанокъ, напримѣръ, должно быть гораздо болѣе, чѣмъ нашихъ русскихъ. Я не знакомъ близко и на мѣстѣ съ англійскою жизнью, но я думаю, что въ англійской литературѣ не явилось бы въ противномъ случаѣ столько прелестныхъ женскихъ типовъ, съ которыми не можетъ сравниться ничто, знакомое намъ въ своемъ отечествѣ“... Далѣе г. Марковъ описываетъ русскихъ культурныхъ женщинъ, проводитъ параллель между ними и Маріанной, отмѣчаетъ историко-литературное значеніе романа „Казаки“ и заключаетъ свой разборъ такъ:

„Графъ Толстой въ своихъ „Казакахъ“ выбрасываетъ насъ изъ глубокой и наѣзженной колеи нашей цивилизаціи далеко въ степные луга, къ оленямъ и казакамъ. Васъ охватываетъ, какъ волна моря, могучая и свѣжая жизнь прямо на сыромъ лонѣ природы, гдѣ еще дается мѣсто звѣрю рядомъ съ человѣкомъ, гдѣ еще во всей дѣвственности своей живутъ и шумятъ лѣса и грозныя рѣки. Тамъ нѣтъ надломанности, тамъ невозможно рефлекторство, тамъ не знаютъ мученій мысли. Тамъ только живутъ, посягаютъ и плодятся. Только вамъ тамъ неловко и страшно; вы—отыскиватель цѣльности и непосредственности, вы слишкомъ далеки отъ природы, чтобы выдержать ея могучее, неподдѣльное вѣяніе. Она раздавливаетъ васъ въ своихъ объятіяхъ; вамъ слишкомъ не по плечу такая любовница; оттого вы

Digitized by Google

такъ непріятно поражены открывшейся передъ вами перспективой и увѣряете себя, что не того искали. Вамъ сподручнѣе въ книгѣ, у которой листы подымаются нѣсколько легче, и которой рѣчь нѣсколько тише. Природа и тяжела и буйна...

Я болѣе всего въ романѣ „Казаки“ удивляюсь отвагѣ мысли гр. Толстого. Онъ, не задумавшись, освобождается отъ преданій нашей моды и воспитанія; онъ твердо и сразу сталъ обѣими ногами на точку зрѣнія совершенно самобытную и, пожалуй, рискованную. Это не обыденное міросозерцаніе, сдѣлавшееся догматомъ всѣхъ людей, образованныхъ на извѣстный ладъ; здѣсь нѣтъ обычныхъ героевъ, всесторонне развитыхъ, съ университетскимъ образованіемъ, нѣтъ современно-настроенныхъ женщинъ, измѣняющихъ мужьямъ по принципу. У гр. Толстого *для вина новаго взяты мѣхи новые*, чего еще не сдѣлалъ до него ни одинъ изъ нашихъ писателей. Гр. Толстой понялъ, что изъ сферы, болѣе или менѣе искусственной не выйдетъ безыскусственный, чисто-почвенный человѣкъ, какихъ болгарь не выбирай для этого. Отличіе всѣхъ вообще взглядовъ гр. Толстого, какъ педагогическихъ, такъ и соціальныхъ—это, какъ мы уже не разъ говорили, проведеніе ихъ до крайности: онъ всегда старается дойти до того мѣста, *гдѣ бабы на небо бѣлье вѣшаютъ*, всякій другой горизонтъ его не удовлетворяетъ. Ему нужна была природа, и онъ черпнулъ ее полнымъ ковшомъ въ самое живье, со всего размаху своей руки; и изъ его руки зато, дѣйствительно, полилась природа, а не иллюминованныя картиночки. Этою вѣрностью себѣ онъ, мнѣ кажется, стоитъ выше Руссо, къ которому вообще близокъ по общей тенденціи. Руссо тоже ненавидѣлъ и отвергалъ цивилизацію; онъ взывалъ къ золотому вѣку простоты и младенчества и сочинилъ себѣ этотъ золотой вѣкъ, произвольно замѣсивъ его на одномъ чувствѣ любви и братства.

Гр. Толстой, конечно, не могъ впасть въ ту же ошибку. Онъ человѣкъ XIX вѣка, то-есть реалистъ, человѣкъ русскій, а главное—большой художникъ. Его взгляды поэтому

Digitized by Google

выразились въ реальныхъ и живыхъ образахъ. Явленія цивилизаціи, при настоящемъ его настроеніи, ему показались искусственными, беззаконными, глупыми и вредными. Отвѣтственность за эти взгляды пусть беретъ онъ на себя: какъ художникъ, онъ имѣетъ право воспроизводить все, что считаетъ достойнымъ своего вдохновенія. Онъ здѣсь не педагогъ, не законодатель, чтобы мы имѣли право требовать у него отчета въ его воззрѣніяхъ. Это все равно, что осудить Канову за нехристіанскій сюжетъ его статуй. Однако критики наши сдѣлали съ романомъ гр. Толстого совершенно то же самое; съ катехизисомъ въ рукахъ доказывали, что нимфы—языческія существа, и что поклоняться имъ—большой грѣхъ. Жизнь кабана и буйволицы показались графу Толстому отраднѣе и выше жизни какихъ-нибудь губернскихъ барышень. И онъ съ чистотою душевною, съ прямотою древнихъ германцевъ, плюетъ на вашихъ франтовъ и барышень и указываетъ намъ на Ерошку, говорящаго кабана, на Марьянку—красивую, молоденькую буйволицу съ горячими глазами. Онъ не прячется за преувеличеніями и украшеніями, не пытается дѣлать никакихъ натяжекъ. „*Человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо*", у него просто-на-просто передѣлывается въ „*скотъ есмь и ничто скотское мнѣ не чуждо*"; и этотъ зоологическій ярлыкъ графъ Л. Толстой откровенно прибиваетъ надъ главнымъ входомъ своего романа, чтобы всѣ сразу видѣли—кто живетъ и какъ живетъ *).

Е. Марковъ.

* * *

*) Критическій этюдъ г. Е. Маркова заключается особою статьею, носящею названіе: „Цивилизація и лоно природы". Въ этой статьѣ критикъ выражаетъ свои собственные взгляды на народъ и цивилизацію, но его словамъ, „совсѣмъ не тѣ взгляды, которыхъ краснорѣчивымъ истолкователемъ явился графъ Толстой, сначала въ журналѣ *Ясная Поляна*, потомъ въ своемъ романѣ *Казаки*".

Редакція „Отечественныхъ Записокъ", помѣщая въ журналѣ разборъ „Казаковъ" Е. Маркова, оговорилась слѣдующимъ примѣчаніемъ къ нему:

„Этотъ превосходный этюдъ мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ въ нашемъ журналѣ, хотя у насъ уже была статья г-жи Евг. Туръ о „Казакахъ" гр. Толстого. Г. Марковъ разсматриваетъ вопросъ съ другой стороны: прежде

Digitized by Google

По поводу предыдущей статьи Е. Маркова („Народные типы въ нашей литературѣ“) Писаревъ въ извѣстной статьѣ: „Прогулка по садамъ россійской словесности“, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

*) Свѣжая волна новой мысли плеснула недавно на сухія страницы „Отеч. Записокъ“, и филистерская редакція, изнывающая отъ скуки въ аравійской пустынѣ своего собственнаго журнала, встрѣтила эту волну съ величайшимъ восторгомъ и даже не замѣтила, что эта коварная волна несетъ съ собою совершенно неподходящія идеи такъ называемаго теоретическаго лагеря.

Въ двухъ книжкахъ „Отеч. Записокъ“ (Январь № 1 и Февраль № 2) напечатанъ критическій этюдъ г. Маркова: „Народные типы въ нашей литературѣ“, и редакція сдѣлала отъ себя примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что „*съ удовольствіемъ*“ помѣщаетъ „*этотъ превосходный этюдъ*“, хотя въ журналѣ уже была напечатана статья Евгеніи Туръ о томъ же предметѣ... и хотя, прибавляю я отъ себя, г. Марковъ очень остроумно осмѣиваетъ эту самую статью г-жи Туръ. *Этотъ превосходный этюдъ* дѣйствительно очень недуренъ, но я замѣчу только редакціи „Отеч. Записокъ“, что, помѣщая въ своемъ журналѣ и превознося такіе этюды, она отнимаетъ у себя всякое право глу-

---

всего какъ художникъ и ужъ потомъ какъ публицистъ. Этимъ статья его значительно разнится отъ прежде нами напечатанной. Тамъ, гдѣ г-жа Евг. Туръ видѣла идеалы и ополчалась противъ нихъ, тамъ г. Марковъ видитъ типы художника, прежде всего, а потомъ уже судитъ автора какъ публициста, судитъ не менѣе строго, какъ и г-жа Евг. Туръ. Превосходный анализъ простого русскаго человѣка, сдѣланный г. Марковымъ, выкупаетъ ту строгость, съ которой онъ относится къ массѣ. Онъ не восторгается простымъ человѣкомъ, какъ славянофилы; онъ не бросаетъ въ него грязью, какъ въ чудище, которое, ничѣмъ непоправимо, и которому могутъ пособить одни соціальныя реформы — по мнѣнію другихъ прогрессистовъ; нѣтъ, взглядъ его тревогъ, и онъ видитъ добро и зло; онъ ничего не утаиваетъ, такъ же, какъ и г. Толстой; ничего не преувеличиваетъ, ни передъ чѣмъ не плачется. Такова и должна быть трезвая и реальная критика, если она желаетъ быть полезною; она даетъ чувствовать жизнь и не представляетъ ее иною, чѣмъ она есть, не ведетъ за собою утрированныхъ тенденцій въ пользу одного класса народа. Космическая сила массы не является первенствующею; вы чувствуете, что всюду возлѣ нея долженъ быть руководитель“.

**) „Русское Слово“ 1865 г., № 3.

Прим. В. Зелинскаго.

Digitized by Google

миться надъ тѣми писателями, которые допускаютъ вліяніе чая и кофе на развитіе историческихъ событій. Если же редакція продолжаетъ глумиться,—что мы дѣйствительно видимъ на стр. 118 первой январской книжки,—то она подобными выходками доказываетъ только свою неспособность къ связному мышленію.

Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, какія идеи преобладаютъ въ *превосходномъ этюдѣ* г. Маркова, я выпишу изъ него нѣсколько очень выразительныхъ строкъ. „Жизнь кабана и буйволицы показались графу Толстому отраднѣе и выше жизни какихъ-нибудь губернскихъ барышень. И онъ, съ чистотою душевною, съ прямотою древнихъ германцевъ плюетъ на вашихъ франтовъ и барышень, и указываетъ намъ на Ерошку, говорящаго кабана, на Марьянку—красивую, молоденькую буйволицу съ горячими глазами. Онъ не прячется за преувеличеніями и украшеніями, не пытается дѣлать никакихъ натяжекъ. „*Человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо*" у него просто-на-просто передѣлывается въ „*скотъ есмь и ничто скотское мнѣ не чуждо*"; и этотъ зоологическій ярлыкъ графъ Л. Толстой откровенно прибиваетъ надъ главнымъ входомъ въ свой романъ, чтобы всѣ сразу видѣли,—кто живетъ и какъ живетъ" (Февр. № 1. Стр. 470). Тотъ же самый *зоологическій ярлыкъ* прибитъ такъ же откровенно надъ главнымъ входомъ въ *превосходный этюдъ*, но редакція „Отечественныхъ Записокъ" все-таки не сумѣла разглядѣть, *кто живетъ и какъ живетъ* въ *превосходномъ этюдѣ*.

Одобряя *зоологическій ярлыкъ*, я конечно не могу одобрить разсужденій г. Маркова объ искусствѣ. Г. Марковъ, въ концѣ своего этюда, нападаетъ на отрицателей чистаго искусства и, такимъ образомъ, платитъ дань старому филистерству, но мнѣ кажется, что позиція г. Маркова въ этомъ пунктѣ очень слаба и ненадежна. Мнѣ кажется даже, что авторъ *превосходнаго этюда* самъ чувствовалъ шаткость своего положенія. Вотъ что онъ говоритъ объ отрицателяхъ: „Эти люди, сами того не замѣчая, дѣлаются врагами общества. Они не умѣютъ смотрѣть на него, какъ на ж"-

Digitized by Google

вой организмъ, въ которомъ хотя каждый органъ функціонируетъ сообразно своему характеру, но всѣ органы, безъ исключенія, служатъ общей жизни. Остановить дѣятельность высшихъ сторонъ человѣческаго духа на томъ основаніи, что массы еще не удовлетворены въ насущныхъ своихъ потребностяхъ—это все равно, что прекратить дѣятельность молодого мозга подъ тѣмъ предлогомъ, что не всѣ еще хрящи скелета успѣли окостенѣть".

Въ словахъ г. Маркова, очевидно, уже начинаетъ пробиваться утилитарный взглядъ на искусство. Онъ смотритъ на общество, какъ на живой организмъ. Мы смотримъ на общество точно такъ же. Онъ говоритъ, что каждый органъ долженъ функціонировать сообразно своему характеру! Мы и съ этимъ положеніемъ совершенно согласны. Мы никогда не говорили и не скажемъ, что Дарвинъ и Либихъ должны служить обществу посредствомъ паханія земли. Г. Марковъ утверждаетъ далѣе, что „всѣ органы, безъ исключенія, служатъ общей жизни". Что всѣ органы *должны* служить общей жизни или, говоря яснѣе, что всѣ члены общества *должны*, каждый на своемъ мѣстѣ, приносить пользу обществу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но что всѣ органы *дѣйствительно служатъ* общей жизни и что они никогда не могутъ уклоняться отъ этого служенія—это такая очевидная нелѣпость, которую г. Марковъ, конечно, не рѣшится поддерживать. Это значило бы утверждать, что въ обществѣ нѣтъ и никогда не можетъ быть ни тунеядцевъ, ни паразитовъ, ни эксплуататоровъ. Такимъ образомъ г. Марковъ, уподобивъ общество живому организму, не сдѣлалъ еще ровно ничего для реабилитаціи искусства. Разсматривая художника, какъ члена извѣстнаго общества, онъ наложилъ на него обязанность—приносить пользу этому обществу. Пусть художникъ *функціонируетъ сообразно своему характеру,* но пусть онъ этимъ *функціонированіемъ* приноситъ пользу. Это и мы говоримъ то же самое.

Теперь г. Марковъ долженъ доказать, что этотъ *функціонирующій* художникъ дѣйствительно приноситъ пользу.

Digitized by Google

Тутъ ужъ общія сентенціи ничего не сдѣлаютъ. Каждый отдѣльный случай долженъ быть разобранъ самъ по себѣ. Метафора насчетъ мозга и хрящей также совершенно безполезна. Противъ нея можно выдвинуть другую метафору, которая докажетъ совершенно противное. Можно, напримѣръ, напомнить г. Маркову, что обуздывать половую дѣятельность несложившагося отроческаго организма не только полезно, но даже необходимо, потому что слишкомъ раннее развитіе половой системы разслабляетъ организмъ, вмѣсто того, чтобы служить общей жизни. Значитъ, метафоры надо отложить въ сторону и надо просто и серіозно анализовать вопросы: полезна ли музыка, полезна ли скульптура, полезна ли живопись и т. д. Если вы докажете осязательно, что онѣ полезны, то мы съ величайшимъ уваженіемъ преклонимся передъ ихъ величіемъ. Но взявшись доказывать ихъ пользу, вы сами уже превратились въ реалиста, потому что поклонникъ чистаго искусства никогда не позволилъ бы себѣ даже завести рѣчь о полезности своего кумира. Пушкинъ восклицаетъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ, что „мраморъ сей есть богъ", а вы должны будете доказывать, что мраморъ сей есть тотъ же печной горшокъ, но что онъ только *функціонируетъ сообразно своему характеру.*

Далѣе мы видимъ, что г. Марковъ самъ, ставши на точку зрѣнія реализма, плохо вѣруетъ въ полезность искусства. „Исторія, говоритъ онъ, убѣждаетъ насъ, что образованіе, несмотря на постоянное обвиненіе его въ непрактичности, почти исключительно одно работало съ пользою для счастья человѣчества".—Позвольте, позвольте, г. Марковъ! Зачѣмъ же вы подмѣнили слово *искусство* словомъ *образованіе?* Вѣдь, *искусство* и *образованіе*—двѣ вещи разныя. Доказывать полезность образованія чересчуръ легко. Искусство только тѣмъ и держится въ общественномъ мнѣніи, что постоянно выдаетъ себя за родную сестру науки. А на повѣрку оказывается, что эти двѣ родныя сестры такъ непохожи другъ на друга и такъ враждебны другъ другу по своимъ тенденціямъ, что очень многіе историческіе дѣя-

Digitized by Google

тели, систематически давившіе науку, такъ же систематически покровительствовали развитію искусства.

Наука была опаснѣйшимъ врагомъ ихъ могущества, въ то время, когда искусство было ихъ работящимъ союзникомъ.

Итакъ, г. Марковъ, если вы точно хотите побѣдить отрицателей искусства,—потрудитесь отдѣлить искусство отъ науки и доказывайте намъ историческими и всякими другими аргументами пользу *искусства*, а не пользу *образованія*. Въ пользѣ образованія никто изъ насъ не сомнѣвается. Но мнѣ кажется, что г. Марковъ недолго удержится на той точкѣ зрѣнія, которую онъ занимаетъ въ настоящую минуту. Года черезъ два, а можетъ быть, и раньше, онъ, по всей вѣроятности, разорветъ послѣднія связи съ филистерскою рутиною и примкнетъ окончательно—даже по вопросу объ искусствѣ—къ міросозерцанію послѣдовательныхъ реалистовъ.—Я не теряю надежды встрѣтиться когда-нибудь съ г. Марковымъ въ редакціи „Русскаго Слова". Поэтому говорю ему: до свиданія!

Д. И. Писаревъ.

* * *

*) При извѣстіи о выходѣ „Собранія сочиненій" гр. Толстого (Кн. В. № 7, стр. 433), мы не сказали ничего о дѣятельности этого писателя, а потому и пользуемся выходомъ отдѣльнаго оттиска его повѣсти, чтобы охарактеризовать дѣятельность гр. Толстого—какъ беллетриста и педагога. Своей литературной извѣстностью гр. Толстой обязанъ болѣе всего повѣстямъ: „Дѣтство" и „Отрочество", которыя сразу обратили на автора вниманіе публики и критики. Затѣмъ сильно читались его „Севастопольскія Воспоминанія". Позднѣйшія произведенія гр. Толстого не произвели и десятой доли того впечатлѣнія, которое досталось въ награду первымъ. Должно признать, что это охлажденіе публики имѣетъ свое разумное оправданіе. Гр. Толстой былъ очень силенъ, покуда ограничивался одними художественными на-

*) „Книжный Вѣстникъ" 1865 г. № 13; статья подъ заглавіемъ: „Тысяча восемьсотъ пятый годъ". *Л. Н. Толстого.*

Digitized by Google

блюденіями безъ всякой arrière pensée, безъ всякой попытки направлять ихъ къ извѣстному соціальному выводу. Такимъ образомъ удалось ему: „Дѣтство и Отрочество“, „Севастопольскія Воспоминанія“ и, пожалуй, еще „Кавказскіе Очерки“ (Рубка Лѣса, Набѣгъ). Но гр. Толстой рѣшительно измѣнилъ своему объективному таланту съ тѣхъ поръ, какъ пустился проводить въ своихъ сочиненіяхъ извѣстныя нравственныя („Семейное Счастье“) и общественныя („Казаки“, „Люцернъ“) тенденціи. Лирическій характеръ повѣсти „Люцернъ“ и явная преднамѣренность сюжета въ романѣ „Казаки“ только повредили обоимъ этимъ произведеніямъ. Весьма скучно читать философскія изліянія князя Нехлюдова, которыя довольно близко совпадаютъ съ собственными разсужденіями гр. Толстого въ его педагогическихъ статьяхъ. Это—забавное смѣшеніе всѣхъ человѣческихъ понятій: свободы и деспотизма, цивилизаціи и варварства, умственнаго развитія и прискорбнаго тупоумія; это—дешевый индифферентизмъ, который не умѣетъ или не хочетъ примкнуть ни къ одному опредѣленному воззрѣнію, для котораго все трынъ-трава. Педагогическая мудрость гр. Толстого вся сводится къ тому, что никто не имѣетъ права воспитывать и обучать другого, ибо это есть нравственный деспотизмъ. По какому же праву самъ г. Толстой обучалъ крестьянскихъ дѣтей и какъ уберегся онъ отъ *нравственнаго деспотизма?* Вѣдь, по его понятію, разочаровать мальчика въ томъ, „что земля на трехъ китахъ стоитъ“ есть уже насиліе надъ убѣжденіемъ. Если что можно найти дѣльнаго во всѣхъ педагогическихъ статьяхъ гр. Толстого (какъ, напр., мысли о свободномъ развитіи ребенка, о соединеніи игры съ обученіемъ въ младшемъ возрастѣ)—то все давно „предвосхищено“ у него не только Фребелемъ въ его дѣтскихъ садахъ, но даже дѣдушкой Песталоцци. О романѣ „Казаки“ мы не говоримъ: устарѣлый байронизмъ этого произведенія, совершенно въ родѣ „Кавказскаго Плѣнника“, заставляетъ даже забыть нѣкоторыя удачныя мѣста и недурно очерченные характеры. Въ нашей современной критикѣ гр. Толстому повезло: не только гг. Эдельсонъ и Гри-

Digitized by Google

горьевъ превознесли его до небесъ, но и г. Писаревъ (Русск. Слово № XII 1864 г.), считающій себя реальнымъ и соціальнымъ критикомъ, не отсталъ отъ нихъ въ панегирическомъ тонѣ своей статьи.

Изъ „Книжнаго Вѣстника" за 1865 г.

* * *

*) Изъ всѣхъ графовъ Толстыхъ, подвизающихся на поприщѣ россійской словесности, гр. Л. Н. Толстой пользуется наибольшей извѣстностью въ публикѣ и наибольшимъ почетомъ со стороны эстетическихъ критиковъ въ родѣ гг. Эдельсона и Григорьева. Литературное имя этого писателя составилось давно— именно съ появленія его „Дѣтства и Отрочества"; съ тѣхъ поръ гр. Толстой считался уже многими въ числѣ корифеевъ русской беллетристики, а нынѣ извѣстный *издатель-собственникъ* (Стелловскій), воздвигающій посильные монументы нашимъ литературнымъ знаменитостямъ (въ томъ числѣ и Вс. Крестовскому), собралъ и издалъ въ двухъ томахъ всѣ произведенія гр. Л. Н. Толстого, какъ беллетристическія, такъ и педагогическія изъ „Ясной Поляны". Итакъ, стало быть, физіономія этого писателя очертилась передъ нами вполнѣ; гр. Толстой сказалъ нынѣ свое послѣднее слово, и намъ остается только подвести итогъ его дѣятельности, опредѣлить въ короткихъ словахъ его авторскую profession de foi.—Чтобы уяснить себѣ характеръ литературныхъ произведеній, лежащихъ передъ нами, ихъ слѣдуетъ разсматривать съ двухъ разныхъ сторонъ—объективной и субъективной, т.-е. со стороны непосредственнаго художественнаго таланта и личнаго настроенія, личнаго взгляда автора. Художественный талантъ гр. Т—го, его наблюдательность и тонкій психическій анализъ достаточно выразились въ его первомъ произведеніи („Дѣтство и Отрочество"); этимъ качествамъ и обязаны нѣкоторыя его повѣсти своимъ несомнѣннымъ успѣхомъ въ большинствѣ читающей публики. Въ тѣхъ слу-

*) „Современникъ" 1865 г., № 4; статья А. Пятковскаго. „Новыя книги. Соч. гр. Л. Н. Толстого. Двѣ части. Спб. 1864—65. Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго".

Digitized by Google

чаяхъ, когда гр. Толстой не задается никакой предвзятой идеей, не силится произвести нѣчто новое и имѣющее удивить всю вселенную—онъ вполнѣ удовлетворяетъ своего читателя вѣрностью наблюденій и мастерскими штрихами въ обрисовкѣ изображаемыхъ имъ лицъ. Однимъ словомъ, чѣмъ скромнѣе задача, чѣмъ больше удаляетъ отъ себя авторъ всякое лукавое мудрованіе и преднамѣренную подтасовку своихъ художественныхъ изображеній—тѣмъ лучше и для него, и для публики. Къ этому разряду произведеній, представляющихъ вѣрную и безыскусственную комбинацію разныхъ житейскихъ фактовъ, относятся „Дѣтство и Отрочество“, Севастопольскія Воспоминанія, Кавказскіе Очерки („Рубка Лѣса“, „Набѣгъ“), „Записки Маркера“ и повѣсть „Поликушка“. Мы бы отнесли сюда и романъ „Семейное Счастье“, если-бы въ немъ не сквозила нѣкоторая задняя мысль, состоящая въ идеализаціи извѣстнаго быта, весьма впрочемъ, буржуазнаго свойства. Мы напомнимъ вкратцѣ сюжетъ этого романа. Въ одной деревнѣ живетъ молодая дѣвушка, только что лишившаяся своей матери. Къ ней является въ качествѣ опекуна старый знакомый ихъ дома и вскорѣ овладѣваетъ ея вниманіемъ. Молодая дѣвушка влюбляется, наконецъ, въ своего пожилого опекуна—и завязка романа готова... Свадьба сыграна, но послѣ свадьбы обнаруживается все различіе въ лѣтахъ и симпатіяхъ обоихъ супруговъ: мужъ, немного флегматикъ, спокойно взираетъ на жизнь, и его не волнуютъ суетныя страсти; молодая жена, напротивъ, ищетъ шума, блеска—чувства, болѣе пылкаго и увлекательнаго, чѣмъ то, которое находила она въ своемъ пожиломъ супругѣ. Начинается семейная драма, которую гр. Толстой весьма неловко подтасовываетъ къ моральному концу. Юная жена, почувствовавъ на своей щекѣ преступные поцѣлуи какого-то итальянскаго маркиза (драма эта разыгрывается, конечно, за границей, на минеральныхъ водахъ), внезапно сознала свое паденіе и вернулась, благо еще не поздно, на стезю добродѣтели. „Мой мужъ и ребенокъ—говорила она—вспомнились мнѣ какъ давно бывшія дорогія существа, съ которыми у меня

конченно. Жизнь моя показалась мнѣ такъ несчастна, будущее такъ безнадежно, прошедшее такъ черно. Л. Ѣ. (ея подруга) говорила со мной, но я не понимала ея словъ. Мнѣ казалось, что она говорила со мной только изъ жалости, чтобы скрыть презрѣніе, которое я возбуждаю въ ней. Во всякомъ словѣ, во всякомъ взглядѣ мнѣ чудилось это презрѣніе и оскорбительная жалость. *Поцѣлуй стыдомъ жегъ мнѣ щеку*".

Бѣдная женщина начинаетъ даже въ эту минуту пенять на своего мужа: „зачѣмъ онъ не остановилъ ее? Зачѣмъ не употребилъ свою *власть любви надъ ней?*", т.-е., говоря проще, зачѣмъ повезъ ее за границу, а просто не оставилъ въ деревнѣ, гдѣ бы она навѣрное не встрѣтилась съ подобными искушеніями. Преступный поцѣлуй разыгралъ здѣсь роль фатума въ греческихъ трагедіяхъ, и раскаявшаяся жена сама просится назадъ въ деревню, въ которой происходитъ ея окончательное примиреніе съ мужемъ. Разсудительный читатель, конечно, замѣтитъ, что различіе въ характерахъ и темпераментахъ далеко не всегда ведетъ къ такому душевному соглашенію, но всѣ подобныя замѣчанія будутъ излишними послѣ того, что сказали мы выше о личныхъ сочувствіяхъ и воззрѣніяхъ автора. Еще болѣе пострадали отъ тенденцій и лирическихъ вставокъ повѣсть „Люцернъ" и романъ „Казаки". Главное дѣйствующее лицо въ этой повѣсти князь Дмитрій Нехлюдовъ, выходящій впервые въ разсказахъ „Отрочество" и „Юность". Этотъ Нехлюдовъ, правда, нѣсколько развился и поумнѣлъ послѣ того, какъ онъ ѣздилъ въ гости къ Ивану Яковлевичу Корейшѣ, и былъ радъ случаю познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ; но это развитіе также не очень высокой пробы, и люцернскій Schweizerhof пріютилъ въ себѣ частицу того же духа, который виталъ въ оны дни надъ Сивцевымъ-Вражкомъ. Дѣло въ томъ, что кн. Нехлюдовъ, блуждая по люцернской набережной, наткнулся на бѣднаго пѣвца, который долго распѣвалъ передъ окнами гостиницы и не получилъ за это ни одного франка въ награду отъ накрахмаленныхъ лордовъ и леди. Нехлюдовъ,

Digitized by Google

который еще въ юности положилъ себѣ за правило сочувствовать „всему прекрасному и высокому", выходитъ изъ себя по этому поводу и дѣлаетъ глупѣйшій скандалъ, въ которомъ личность пѣвца употребляется, какъ стѣнобитное орудіе противъ англійской чопорности и высокомѣрія. Пѣвецъ, какъ и слѣдовало ожидать, не поблагодарилъ русскаго князя за медвѣжью демонстрацію, и Нехлюдовъ переноситъ свой гнѣвъ на весь люцернскій кантонъ, на всю швейцарскую республику, на всѣ республики въ мірѣ, гдѣ пѣвцы умираютъ съ голоду, а живутъ только чернорабочіе съ трудовыми мозолями на рукахъ. Глубокомысленнѣйшіе вопросы приходятъ въ голову Нехлюдову; они идутъ все crescendo и разрѣшаются, наконецъ, удивительными политико-нравственными сентенціями („Отчего это развитые, гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное дѣло...." и т. д. и т. д. „Неужели нѣтъ этого чувства, и мѣсто его заняло тщеславіе, честолюбіе и корысть, руководящія этихъ людей въ ихъ *палатахъ, митингахъ и обществахъ?* И неужели это то равенство, за которое пролито было столько невинной крови и столько совершено преступленій?—Несчастное, жалкое созданіе человѣкъ съ своей потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчно движущійся, безконечный океанъ добра и зла, фактовъ, соображеній и противорѣчій. Вѣками бьются и трудятся люди, чтобы отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой неблаго. Проходятъ вѣка и гдѣ бы, что бы ни прикинулъ безпристрастный умъ на вѣсы добраго и злого, вѣсы не колеблются и на каждой сторонѣ столько же блага, сколько неблага. Ежели бы только человѣкъ выучился не судить и не *мыслить рѣзко и положительно* и не давалъ отвѣта на вопросы, данные ему только для того, чтобы *они вѣчно оставались вопросами!* Ежели бы только онъ понялъ, что всякая *мысль и сложна и справедлива!* Цивилизація—благо; варварство—зло; свобода—благо; неволя—зло. Вотъ это-то воображаемое знаніе уничтожаетъ инстинктивныя, блаженнѣйшія, первобытныя потребности добра въ человѣческой натурѣ. И кто опредѣлитъ мнѣ, что свобода, что

Digitized by Google

деспотизмъ, что цивилизація, что варварство? И гдѣ границы одного и другого? У кого непоколебимо въ душѣ это мѣрило добра и зла, чтобы онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе запутанные факты? И кто видѣлъ такое состояніе, въ которомъ бы не было добра и зла вмѣстѣ? И кто въ состояніи такъ совершенно оторваться умомъ хоть на мгновеніе отъ жизни, чтобы независимо, сверху взглянуть на нее? Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣстѣ, каждаго какъ единицу, влагающій въ каждаго стремленіе къ тому, что должно").

Эта краснорѣчивая лирическая тирада озадачиваетъ и сбиваетъ съ толку читателя; но онъ долженъ помнить неукоснительно, что графъ Толстой весьма плохъ въ отвлеченныхъ вопросахъ и попалъ тутъ не въ свою колею. Вся философская премудрость, изложенная здѣсь, называется просто квіэтизмомъ, и съ ней, кажется, нечего знакомить публику. „Не знаю, дескать, что хуже, что лучше; можетъ быть то и другое". Какъ видитъ читатель, премудрость эта недалеко отстоитъ отъ философіи русскаго самородка и прорицателя Корейши, къ которому смолоду ѣздилъ на поклонъ князь Нехлюдовъ; только все облечено въ цвѣтистыя фразы, способныя отуманить недальновиднаго человѣка. Между тѣмъ, вся бѣда произошла здѣсь отъ того, что гр. Толстой не ограничился изображеніемъ портрета Нехлюдова,—избалованнаго барича,—какихъ много, а задумалъ возвести его въ типъ всероссійскій, придать ему какія-то мудреныя заботы, которыя рѣшительно не лѣзутъ подъ этотъ узкій черепъ. Покуда шла рѣчь о московскомъ бытѣ Нехлюдова, гр. Толстой былъ вѣренъ своему таланту; онъ описывалъ очень вѣрно и юношескую любовь своего героя, и его дружбу съ Иртеньевымъ, такимъ же выродкомъ крѣпостного права и московскаго общества; но вотъ Нехлюдовъ подросъ и захотѣлъ фигурировать въ жизни—ему стало тѣсно въ классной комнатѣ, въ аудиторіи, и онъ пожелалъ выйти на болѣе открытую дорогу. Такимъ образомъ мы застаемъ его въ Люцернѣ нападающимъ на респу-

Digitized by Google

блиставскій строй жизни и въ деревнѣ („Утро Помѣщика“), гдѣ онъ, какъ нѣкій добродѣтельный калифъ, обходитъ всѣ избы и благодѣтельствуетъ бѣднякамъ, причемъ бѣдняки,—конечно, по глупости,—не цѣнятъ нимало барской доброты. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ гр. Толстой могъ бы отнестись къ предмету юмористически; но онъ, какъ видно, очень любитъ своего героя и потому не даетъ его въ обиду читателямъ. Нехлюдовъ, въ доказательство своей умственной силы, извергаетъ изъ себя весь тотъ младенческій вздоръ, который мы привели выше.

Впрочемъ, замѣтимъ кстати, этотъ младенческій вздоръ, такъ же какъ и всѣ прочія мудреныя выходки Нехлюдова, привелъ въ восторгъ критика „Русскаго Слова“ 1864 г. (№ XII,—который сейчасъ же нашелъ поводъ измѣрить Нехлюдова Базаровымъ, такой ужъ у этого критика аршинъ завелся!). Въ Нехлюдовѣ критикъ, конечно, увидалъ цѣлый типъ и началъ объяснять: почему, дескать, князь побилъ Ваську и какъ бы слѣдовало поступить, чтобы не впасть въ такую продерзость (слѣдовало только начать говорить Васькѣ *вы*); почему набережная въ Люцернѣ не понравилась Нехлюдову, зачѣмъ нужно человѣку знаніе вообще, и прочее, и все въ такомъ же глубомысленномъ родѣ. Насчетъ своей любимой базаровщины критикъ говоритъ: „Иртеньевъ и Нехлюдовъ какъ по своему возрасту (возрастъ даже опредѣлилъ по своимъ догадкамъ), такъ и по характеру занимаютъ средину между Рудиными съ одной стороны и Базаровыми съ другой. Рудины—чистые говоруны, не имѣющіе даже понятія о возможности какой-нибудь дѣятельности, кромѣ дѣятельности языка. Базаровы—чистые работники, допускающіе дѣятельность языка только въ томъ случаѣ, когда она содѣйствуетъ успѣху работы. А Иртеньевы и Нехлюдовы—ни рыба ни мясо. Они за все хватаются, вездѣ хотятъ произвести что-нибудь изумительно хорошее и въ то же время совсѣмъ ничего не знаютъ и рѣшительно ничего не умѣютъ дѣлать, какъ слѣдуетъ“. Не знаемъ, насколько правъ критикъ, найдя для Нехлюдова такую фантастическую середку, но мы, съ своей стороны, нахо-

Digitized by Google

дамъ, что если ужъ искать для Нехлюдова и Иртеньева удобнаго помѣщенія, то всего лучше расквартировать ихъ между... ну хоть между Ильей Муромцемъ (когда онъ еще „сидѣлъ сиднемъ“ въ Карачаровѣ) и Василіемъ Буслаевичемъ, новгородскимъ богатыремъ. Илья Муромецъ не имѣлъ еще понятія о возможности какой-нибудь дѣятельности; онъ чистый сидень и лежебокъ; Василій Буслаевичъ—чистый работникъ, который работаетъ всего больше руками, какъ, напр., въ схваткѣ на Волховскомъ мосту, и только въ крайнемъ случаѣ допускаетъ дѣятельность языка, какъ, напр., въ бесѣдѣ съ матерью послѣ того, какъ онъ перекрошилъ новгородскихъ мужиковъ. А Нехлюдовъ—ни рыба ни мясо; онъ и дома посидѣть любилъ и подраться не прочь (см. случай съ Васькой), такая параллель, если она и не очень глубокомысленна, то во всякомъ случаѣ новѣе и оригинальнѣе критическихъ измышленій „Русскаго Слова“.

Романъ „Казаки“ являетъ въ себѣ тѣ же достоинства и недостатки, какъ и повѣсти, въ которыхъ дѣйствуетъ Нехлюдовъ. Картины природы и очерки кавказской жизни замѣчательны по всей художественной отдѣлкѣ; впечатлѣнія героя романа, испытанныя имъ по пріѣздѣ въ эту полудикую страну, переданы вѣрно; но самый характеръ Оленина слабъ донельзя, а движущая идея романа еще того хуже. По своей основной идеѣ „Казаки“ ничуть не выше тѣхъ байроническихъ произведеній русской литературы, гдѣ наши цивилизованные европейцы отправлялись искать отдыха и забвенія въ страны, „гдѣ въ тучахъ прячутся скалы, гдѣ люди вольны, какъ орлы“. „Оленинъ—говорится въ романѣ,—былъ такъ свободенъ, какъ только бывали свободны русскіе богатые молодые люди, съ молодыхъ лѣтъ оставшіеся безъ родителей. Для него не было никакихъ ни физическихъ ни моральныхъ оковъ; онъ все могъ сдѣлать и *ничего ему не нужно было и ничто его не связывало*. У него не было *ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ*. Но не признавая ничего, онъ *увлекался постоянно*. Какъ

Digitized by Google

это напоминаетъ незабвеннаго „Кавказскаго Пѣленника", про котораго Пушкинъ говорилъ:

Людей и свѣтъ изведалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты...
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Но что было привлекательно и своевременно въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, то нахнетъ анахронизмомъ въ шестидесятыхъ. Поздненько вздумалъ г. Толстой реставрировать старыя картины. Впрочемъ онъ, вѣроятно, раздѣляетъ мнѣніе Нехлюдова, что и „цивилизація не есть благо, а варварство не есть зло", и что можно, при случаѣ промѣнять одно на другое? О педагогическихъ понятіяхъ гр. Т-го также было достаточно говорено въ „Современникѣ". Съ одной стороны, они представляютъ лишь слабыя попытки „дойти своимъ собственнымъ умомъ" до тѣхъ истинъ, которыя давнымъ давно высказаны и даже частью осуществлены въ западно-европейской педагогической практикѣ. Такъ гр. Толстой думаетъ, что онъ открылъ Америку, сказавъ: „дѣтей не слѣдуетъ лишать и въ школѣ главнаго удовольствія—свободнаго движенія", а между тѣмъ на этомъ именно и построена цѣлая фребелевская система дѣтскихъ садовъ, которая успѣла даже проникнуть и къ намъ. Что же касается до удивительныхъ откровеній гр. Толстого, что онъ „не знаетъ и не можетъ знать, въ чемъ должно состоять образованіе народа", что воспитаніе и обученіе, хотя бы самыя раціональныя, „суть нравственный деспотизмъ и зиждутся только на гордости человѣческаго духа",—то мы можемъ только пожалѣть объ извращенномъ мышленіи автора. Онъ, очевидно, смѣшиваетъ деспотизмъ съ естественнымъ вліяніемъ развитой мысли, а по части сво-

его невѣжества, гдѣ добро и зло въ жизни,—сильно напоминаетъ намъ люцернскаго Нехлюдова.

А. Пятковскій.

* * *

*) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", въ статьѣ, подъ заглавіемъ „Новыя Книги" между прочимъ говорится: „Почти въ одно время съ пятымъ томомъ сочиненій Тургенева явился второй томъ сочиненій графа Л. Н. Толстого (вып. VI Собраніе сочиненій русскихъ авторовъ, изд. Ѳ. Стелловскимъ). Въ этихъ сочиненіяхъ кипучая сила созрѣвающаго, крѣпнущаго таланта, полнаго сознанія своей силы, даже нѣсколько самоувѣреннаго, и потому иногда исключительнаго и склоннаго къ эксцентричности. Сравнивая эти двѣ книги, по ихъ содержанію, давно уже извѣстному и много разъ перечитанному всѣми, нельзя не порадоваться тому, что у насъ еще впереди дѣятель литературный, одаренный дѣйствительно большими способностями. При оживляющей свѣжести таланта, графъ Л. Н. Толстой отличается изумительною способностью къ наблюденію. Наблюдательность его до того разнообразна, до того смѣло проникаетъ въ самую глубь предметовъ и типовъ, что мы въ правѣ ожидать отъ автора „Дѣтства и Отрочества" еще очень многихъ томовъ, подобныхъ изданнымъ по объему и несравненно лучшихъ еще по содержанію, въ чемъ убѣждаетъ насъ послѣднее произведеніе гр. Л.Н.Толстого („1805 годъ"), напечатанное въ первыхъ книжкахъ „Русскаго Вѣстника" за нынѣшній годъ. Такихъ вещей давай Богъ больше!"

Изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1865 г. Статья П.—ова.

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1865 г., № 178. Статья П.—ова.

Digitized by Google

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

Василіемъ Аполлоновичемъ Зелинскимъ.

1. Пособія по изученію русскаго языка:

1. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ орѳографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква ѣ. Составленъ по «Руководству» Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Примѣчаніе. Эта книга, выдержавшая въ короткое время девять изданій, обнимаетъ всѣ этимологическіе случаи правописанія. Она состоитъ изъ орѳографическихъ правилъ, орѳографическаго словаря и списка всѣхъ словъ съ буквою ѣ. Такъ какъ изложеніе ея алфавитное, то она доступна даже незнакомымъ съ грамматикой. Справляться по ней очень просто. А именно: при помощи приложеннаго въ началѣ книги „Указателя", открывается страница на буквѣ, которая служитъ предметомъ затрудненія въ какомъ-либо словѣ, и тутъ въ указанномъ параграфѣ читается отвѣтъ. Легкость и быстрота справки упрощается еще тѣмъ, что справляться можно и подъ буквами, которыя слѣдуетъ писать въ данномъ случаѣ, и подъ буквами, которыя только предполагаются въ томъ же случаѣ, а равно и подъ буквой, начинающей данное слово. Какъ, напр., написать: извозчикъ, извоэчикъ, извощикъ, извощикъ или извощикъ? Справляйтесь подъ любой изъ сомнительныхъ буквъ: з, с, ч, щ, а также и въ орѳографическомъ словарѣ подъ буквой И—вездѣ получится отвѣтъ. По отзывамъ преподавателей русскаго языка, эта книга весьма полезна учащимся при исполненіи ими письменныхъ работъ не только дома, но и въ классѣ, такъ какъ при небольшомъ навыкѣ, пріобрѣтающемся менѣе чѣмъ въ часъ, справка по ней дѣлается весьма легко и быстро.

2. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е М. 1903 г. Ц. 50 к.

3. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 2-е. (Печатается 3-мъ изд.).

4. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ IV. Правописаніе, этимологическое происхожденіе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. М. 1898 г. Ц. 50 к. (Всѣ четыре выпуска въ одномъ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ, стоятъ 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.).

5. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 5-е. М. 1902 г. Ц. 25 к.

6. Вступительный курсъ зрительнаго диктанта. Книга для элементарныхъ орѳографическихъ упражненій (печатается).

7. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть первая. Изд. 13-е. М. 1904 г. Ц. 50 к.

Digitized by Google

8. **Зрительный диктантъ. Часть вторая. Знаки препинанія.** Изданіе 7-е. М. 1902 г. Ц. 40 к.

9. **Справочный словарь буквы Ѣ.** Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ Ѣ. Изд. 4-е, М. 1901 г. Ц. 25 к.

10. **Краткій алфавитный справочникъ по русскому правописанію.** Опытъ группировки орѳографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. Ц. 25 к.

11. **Хрестоматія для объяснительнаго чтенія.** Дополненіе къ книгѣ: «Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію». М. 1892 г. Ц. 25 к.

12. **Объяснительный словарь** болѣе употребительныхъ въ русской литературѣ и рѣчи иностранныхъ словъ. Составленъ примѣнительно къ правописанію. М. 1901 г. Ц. 50 к. (Содержаніе этой книги то же, что и 4-го выпуска «Справочника по русскому правописанію»).

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

13. **Обученіе грамотѣ по звуковому способу.** Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изд. 3-е. М. 1902 г. Ц. 1. р.

14. **Методическія указанія и примѣрные уроки** по объяснительному чтенію, разработанные извѣстными русскими педагогами. Изд. 4-е. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

15. **Методическія указанія и образцовые уроки** по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 4-е. М. 1904 г.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

16. **Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева.** Два выпуска. Изд. 4-е. Цѣна 6 р. (1-й выпускъ—2 р., а 2-й, состоящій изъ 2-хъ частей,—4 р.).

17. **Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго.** Сборникъ критическихъ статей. Три части и прибавленіе. Изд. 3-е. М. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.

18. **Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ.** Три части. Изд. 2-е. Москва. Ц. 3 р.

19. **Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина.** Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. М. Цѣна 7 р. *(1-я и 2-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а 3-я, 4-я, 5-я и 6-я части вышли 2-мъ изданіемъ).*

Digitized by Google

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Восемь частей. Цѣна 8 р. *(1-я и 2-я части вышли 3-мъ изд., а 3-я, 4-я и 5-я части вышли 2-мъ изданіемъ).*

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. (1-я и 2-я части—3-е изд., а 3-я часть 2-е изд.).

22. Критическіе разборы романа Тургенева: «Отцы и дѣти» Ц. 35 к.

23. Критическіе разборы романа Достоевскаго: «Братья Карамазовы». Цѣна 50 к. (Изданіе распродано).

24. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. Изд. 2-е. Цѣна по 1 р. за часть.

25. Критическіе разборы «Дворянскаго Гнѣзда» и «Наканунѣ»—Тургенева. Отдѣльный оттискъ изъ «Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева». М. 1903 г. Ц. 70 к.

26. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

27. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный оттискъ изъ «Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина». Ц. 2 р. (Изданіе распродано).

28. Критическіе разборы «Записокъ Охотника»—Тургенева. Ц. 40 к.

29. Критическіе разборы романа «Новь»—Тургенева. Ц. 70 к.

IV. Серія разныхъ книжекъ:

30. Китайскія сказки. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей В. Зелинскаго. Ц. 10 к.

31. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

32. Bibliothèque d'enfants. Сборникъ историческихъ разсказовъ на французскомъ языкѣ, съ подстрочнымъ словаремъ, для внѣкласснаго упражненія дѣтей во французскомъ языкѣ. № 1. Louis XVII, Prascovie, Jeanne D'Arc). Ц. 10 к.

33. Мурадъ Неудачникъ. Переводъ съ англійскаго. Повѣсть изъ Восточной жизни для дѣтей старшаго возраста. Ц. 10 к.

34. Леди Бетти и ея друзья. Переводъ съ англійскаго. Разсказъ для дѣтей. Цѣна 10 к.

35. Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго ученія. Сост. К. Михайловъ-Стоянъ. Цѣна 25 к.

Складъ изданій В. А. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды, д. Мезенцовой.

Выписывающіе изъ склада прилагаютъ за пересылку 15 к. на каждый рубль стоимости книгъ. За наложенный платежъ 10 к. Небольшія суммы можно высылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

Черезъ посредство склада изданій В. Зелинскаго можно выписывать всякія книги.

Digitized by Google

8. Зрительный диктантъ. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 7-е. М. 1902 г. Ц. 40 к.

9. Справочный словарь буквы ѣ. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ ѣ. Изд. 4-е. М. 1901 г. Ц. 25 к.

10. Краткій алфавитный справочникъ по русскому правописанію. Опытъ группировки орѳографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. Ц. 25 к.

11. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: «Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію». М. 1892 г. Ц. 25 к.

12. Объяснительный словарь болѣе употребительныхъ въ русской литературѣ и рѣчи иностранныхъ словъ. Составленъ примѣнительно къ правописанію. М. 1901 г. Ц. 50 к. (Содержаніе этой книги то же, что и 4-го выпуска «Справочника по русскому правописанію»).

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

13. Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изд. 3-е. М. 1902 г. Ц. 1. р.

14. Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію, разработанные извѣстными русскими педагогами. Изд. 4-е. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

15. Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 4-е. М. 1904 г.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

16. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Два выпуска. Изд. 4-е Цѣна 6 р. (1-й выпускъ—2 р., а 2-й, состоящій изъ 2-хъ частей,—4 р.).

17. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Три части и прибавленіе. Изд. 3-е. М. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.

18. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части. Изд. 2-е. Москва. Ц. 3 р.

19. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. М. Цѣна 7 р. (*1-я и 2-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а 3-я, 4-я, 5-я и 6-я части вышли 2-мъ изданіемъ*).

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Т...стого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Восемь частей. Цѣна 8 р. (1-я и 2-я части вышли 3-мъ изд., а 3-я, 4-я и 5-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. (1-я и 2-я части—3-е изд., а 3-я часть 2-е изд.).

22. Критическіе разборы романа Тургенева «Отцы и дѣти». Ц. 35 к.

23. Критическіе разборы романа Достоевскаго: «Братья Карамазовы». Цѣна 50 к. (Изданіе распродано).

24. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. Изд. 2-е. Цѣна по 1 р. за часть.

25. Критическіе разборы «Дворянскаго Гнѣзда» и «Наканунѣ»—Тургенева. Отдѣльный оттискъ изъ «Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева». М. 1903 г. Ц. 70 к.

26. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

27. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный оттискъ изъ «Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина». Ц. 2 р. (Изданіе распродано).

28. Критическіе разборы «Записокъ Охотника»—Тургенева. Ц. 40 к.

29. Критическіе разборы романа «Новь»—Тургенева. Ц. 70 к.

IV. Серія разныхъ книжекъ:

30. Китайскія сказки. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей В. Зелинскаго. Ц. 10 к.

31. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

32. Bibliothèque d'enfants. Сборникъ историческихъ разсказовъ на французскомъ языкѣ, съ подстрочнымъ словаремъ, для внѣкласснаго упражненія дѣтей по французскому языку. № 1. Louis XVII. Prascovie, Jeanne D'Arc). Ц. 10 к.

33. Мурадъ Неудачникъ. Переводъ съ англійскаго. Повѣсть изъ Восточной жизни для дѣтей старшаго возраста. Ц. 10 к.

34. Леди Бетти и ея друзья. Переводъ съ англійскаго. Разсказъ для дѣтей. Цѣна 10 к.

35. Генезисъ, анализъ и методъ естествознанія нѣин. Сост. К. Михайловъ-Стоянъ. Цѣна 25 к.

Складъ изданій В. А. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды, д. Межжухина.

Выписывающіе изъ склада прилагаютъ за пересылку 15 к. на каждый рубль стоимости книгъ. За наложенный платежъ 10 к. Небольшія суммы можно высылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

Черезъ посредство склада изданій В. Зелинскаго можно выписывать всякія книги.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Stanford University Libraries
3 6105 012 343 237

PG
34
Z3
18
v. 2

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

JAN 23 1997
JAN 22 1997

Digitized by Google